

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Т о м 40

ИСТОРИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В ы п у с к 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1962

Редколлегия:

*И. И. Канаев, П. А. Новиков, А. А. Передельский,
П. П. Перфильев, Б. Е. Райков*

Редактор тома

Л. Я. Бляхер

С. Л. СОБОЛЬ

**ПРИНЦИП ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА
В РАБОТАХ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ БИОЛОГОВ
10—30-х годов XIX в.¹**

Вопрос об оригинальности, о полной самостоятельности Дарвина в создании эволюционного учения на основе принципа естественного отбора обсуждался в историко-биологической литературе неоднократно. Сам Дарвин отчетливо сознавал, что оригинальность его заключается не в провозглашении идеи эволюции органического мира, а прежде и больше всего в том, что он придал этой идее характер полной убедительности благодаря обнаружению им основного рычага эволюционного процесса — естественного отбора. Это получило ясное выражение уже в самой конструкции его труда, который начинается не с анализа доказательств существования в природе эволюционного процесса, а с обоснования теории этого процесса — теории естественного отбора. В первый момент появления «Происхождения видов» оригинальность Дарвина в этом отношении не вызывала почти ни у кого ни малейшего сомнения.

Единственным несомненным конкурентом Дарвина в провозглашении теории естественного отбора был в то время Уоллес, который, однако, сразу же охотно и великодушно признал приоритет Дарвина не только в отношении времени разработки теории, но и в отношении объема и глубины этой разработки.

¹ В бумагах С. Л. Соболя сохранился набросок плана этой незаконченной статьи, над которой он работал до последних дней жизни. План предусматривал следующее содержание всей работы: «Введение. Причард. Уэллс Лоуренс. Мэттью. Ляйелль. Блисс. Заключение».

Некоторые страницы добавлены по сохранившемуся черновому варианту. Из этого же черновика извлечены вставки на стр. 95 и 108. Все добавления из черновых рукописей отмечены звездочками. В квадратных скобках — пояснения С. Л. Соболя в приводимых им цитатах. — *Ред.*

1 июля 1908 г. на торжественном заседании Линнеевского общества, посвященном пятидесятилетней годовщине обнародования эволюционных работ Уоллеса и Дарвина, Уоллес с большой самокритичностью заявил об этом. Напомним главные положения его речи на открытии указанного заседания.

В 1844 г., сказал Уоллес, когда Дарвин уже мог оформить свои идеи в виде очерка, с которым он тогда же ознакомил Ляйелля и Гукера, «я вряд ли и помышлял о каком-либо серьезном изучении природы». Ляйелль упорно убеждал Дарвина поскорее опубликовать извлечение из своей работы, пока кто-либо другой не опередил его, но Дарвин отказывался, заявляя, что не сделает этого до тех пор, пока не соберет «все материалы для намеченного им большого труда»; предсказание Ляйелля сбылось полностью, и «мое письмо с вложенной туда статьей свалилось на Дарвина, словно удар грома среди ясного неба». «Несколько иным,— говорит далее Уоллес,— было мое поведение. Как и Дарвина, идея осенила меня внезапно, интуитивно; в течение нескольких часов я продумал ее до конца, быстро набросал ее, сделав краткий очерк различных применений и развития ее, как это пришло мне в голову в тот момент, затем начисто переписал на листках почтовой бумаги и отослал Дарвину,— и все это в течение одной недели. Я был тогда (и не раз еще впоследствии) „торопливым молодым человеком“, он — усердным и терпеливым ученым, ищущим всегда всестороннего доказательства истины, которую он открыл, а не быстрого личного успеха».

Чрезвычайно интересны еще следующие слова Уоллеса. Сравнивая свою роль с ролью Дарвина, он говорит, что отношение между ним таково же, каково отношение между обдумыванием вопроса в течение одной недели и 20 годами упорного труда. Если бы, заключает Уоллес, «его друзьям удалось убедить его, и он опубликовал бы свою теорию после 10 лет, 15 лет или даже 18 лет работы над нею, я не имел бы никакой доли в провозглашении ее, и он был бы сразу признан, и будет всегда признан единственным и бесспорным автором и терпеливым исследователем великого закона Естественного Отбора и всех многообразных выводов из него»².

Поведение Уоллеса, имевшего неоспоримое право претендовать если не на приоритет, то на достаточно большую самостоятельность в создании теории естественного отбора³, представ-

² «The Darwin-Wallace celebration held on thursday, 1st July, 1908, by the Linnean Society». London, 1908, p. 5—11. См. также: Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3. М., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 788—790.

³ См. статью А. Д. Некрасова «Работа Ч. Дарвина над „Происхождением видов“ и рост его эволюционных идей (раздел: «Дарвин и Уоллес. Вопрос о приоритете»). В кн.: Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, стр. 51—59.

ляется, однако, почти исключительным в истории борьбы за приоритет в науке. Вскоре после выхода в свет «Происхождения видов» были заявлены претензии на приоритет в высказывании принципа естественного отбора или же указания на авторов, предвосхитивших Дарвина в этом отношении. Следует отметить, что при этом в большинстве случаев было проявлено еще недостаточно отчетливое понимание глубокого различия между старыми эволюционными идеями и теорией Дарвина. По-видимому, первым был французский ботаник Ж. Декэнь (Decaisne), которому Дарвин послал в ноябре 1859 г. экземпляр первого издания «Происхождения видов». Декэнь ответил Дарвину письмом, в котором указал, что Нодэн высказал до Дарвина теорию, *идентичную* дарвиновской. По этому поводу Дарвин 23 декабря 1859 г. писал Гукеру: «Меня удивляет, что Декэнь мог сказать, будто она [теория Нодэна] та же, что и моя. Нодэн излагает искусственный отбор, *так же как и десяток-другой английских авторов*, и когда он говорит, что виды образовались таким же образом, я было подумал, что статья и в самом деле будет доказывать точно то же, что и моя [работа]. Но я не мог обнаружить ни одного слова вроде борьба за существование или естественный отбор. Напротив, он вводит свой принцип конечной причины (мне непонятный), который, как он говорит, согласно одним авторам есть рок, согласно другим — провидение, и который приспособляет формы каждого существа и приводит их в гармонию во всей природе»⁴. Подчеркнутые нами в этой цитате слова показывают, что работы английских авторов, писавших об искусственном отборе в связи с проблемой пороодообразования, были известны Дарвину, но он видел, что ни один из них не мог, как и Нодэн, перейти от искусственного отбора к естественному, — обстоятельство очень существенное для правильного понимания высказываний некоторых из этих английских авторов, которых впоследствии пытались возвести в ранг «предшественников» Дарвина.

В процессе двадцатилетней работы над проблемой происхождения видов Дарвин в огромном объеме изучил биологическую и сельскохозяйственную литературу; он не только собрал обширный и разнообразный фактический материал, необходимый ему для построения его труда, но и изучил эволюционные и креационистские произведения большого числа виднейших ученых конца XVIII и первой половины XIX в. С особым вниманием Дарвин искал в высказываниях старых эволюционистов малейшие

⁴ «The life and letters of Charles Darwin including an autobiographical chapter». — Edited by his son, Francis Darwin in three volumes, v. II. London, 1888, p. 247.

намеки на принцип естественного отбора, но не находил их. Естественно, что отдельные работы, особенно такие, которые не обратили на себя внимания в литературе, могли остаться неизвестными ему, и мы знаем теперь, что это действительно так и было. Но менее всего можно было бы обвинить Дарвина в плагиате чужих идей и данных. Характеристика Дарвина, данная Уоллесом в приведенных выше отрывках из его речи 1908 г., полностью подтверждается бесчисленными письмами Дарвина, его дневниками, воспоминаниями и заметками (посмертно опубликованными), наконец, свидетельством всех без исключения, кто лично знал его: Дарвин был подлинным и бескорыстным энтузиастом науки, искренним и неутомимым искателем научной истины. Он всегда готов был приписать другим больше заслуг, чем самому себе, он не только не замалчивал или преуменьшал достижения других ученых, но по большей части преувеличивал их; менее всего Дарвин видел в науке средство для достижения личной славы или материальных благ. С образом такого ученого совершенно не вяжется обвинение в утаивании своих источников и тем более в постыдном заимствовании чужих идей и теорий.

Тем не менее, и во времена Дарвина, и в наше время раздавались отдельные голоса, обвинявшие Дарвина в неоригинальности, в использовании чужих мыслей и положений. 26 декабря 1859 г. в газете «Daily News» появилась статья о «Происхождении видов», по поводу которой Дарвин 1 января 1860 г. писал Гексли: «Видели ли Вы в „Daily News“ от 26 декабря ругательную статью, обвиняющую меня в воровстве у моего „учителя“ — автора „Следов творения“ [т. е. Чемберса]?»⁵ Весьма вероятно, что это нелепое обвинение побудило Дарвина написать для второго американского издания «Происхождения видов» предисловие⁶, в котором он перечислил и отчасти коротко изложил взгляды следующих ученых, отрицавших неизменность видов: Демайе, Бюффона, Э. Дарвина, Ламарка, Э. Жоффруа Сент-Илера, Герберта, Холдмена, автора «Следов творения» (Чемберса), Омалиуса д'Аллауа, И. Жоффруа Сент-Илера, Спенсера, Нодэна, Кайзерлинга, Баден-Пуэлла, Уоллеса, Гексли и Гу-

⁵ «More letters of Charles Darwin. A record of his work in a series of hitherto unpublished letters». Edited by Francis Darwin and A. C. Seward, vol. 1. London, 1903, p. 136.

⁶ Предисловие к американскому изданию переведено на русский язык Рачинским (Ч. Д а р в и н. О происхождении видов..., СПб., 1864). Вопрос о мотивах и условиях создания Дарвином его «Исторического очерка» рассмотрен мною в статье «К истории создания Дарвином его исторического очерка» (Бюлл. Моск. об-ва исп. природы, отд. биол., 1949, т. 54/1, стр. 85—95). Анализ дарвиновских документов позволил установить, что первый вариант «Исторического очерка» («Предисловие» ко вторым изданиям «Происхождения ви-

ра. Это предисловие явилось основой более обширного известного всем «Исторического очерка развития воззрений на происхождение видов», который Дарвин впервые мог опубликовать в Англии только в 1861 г. Помимо перечисленных выше (кроме Демайе, которого Дарвин теперь исключил, так как не имел достаточных сведений о нем), «Исторический очерк» содержит, по сравнению с «Предисловием» 1860 г., упоминания еще о следующих ученых: Гете, Грант, Мэттью, Рафинеск, Оуэн, Фрик, Шафгаузен. В 4-м издании (1866) Дарвин еще более расширил этот список, включив имена Аристотеля, Уэллса, фон-Буха, Унгера, д'Альтона и Пандера, Окена, Бори Сен-Венсана, Бурдаха, Пауре, Фриса, Лекока и Бэра.

Для своего времени этот список, включающий 35—36 имен, был достаточно исчерпывающим. Не занимаясь специально историческими изысканиями, Дарвин мог, естественно, включить в свой исторический обзор только тех ученых, с трудами которых он имел возможность познакомиться в процессе своей исследовательской работы над проблемой происхождения видов, а также тех, которые были указаны ему его друзьями и корреспондентами или которые, как, например, Мэттью, сами заявили о своем приоритете. Не следует забывать, что лишь в результате исследовательской работы многочисленных историков биологии всех стран Европы и США, проведенной преимущественно в последней четверти XIX и в XX вв., удалось выявить большое число ученых, которые в додарвиновское время высказывали в том или ином виде эволюционную идею или хотя бы сомнение в неизменности видов. Об этих забытых авторах во времена Дарвина просто никто не знал уже по той простой причине, что их робкие голоса оставались неслышанными в ту эпоху господства креационизма в науке и общественном мнении.

Тем не менее, некоторые современные историки биологии считают возможным обвинить Дарвина в плохом знании современной ему литературы и крайней поверхностности его «Исторического очерка». Такой взгляд упорно отстаивал голландский историк биологии Кольбругге⁷, подобную же точку зрения высказывал, по словам Дарлингтона, английский противник

дов», вышедшим в 1860 г. в Америке и Германии) был задуман Дарвином по крайней мере в декабре 1859 г. и осуществлен в январе-феврале 1860 г., когда второе английское издание «Происхождения видов» уже вышло в свет, вследствие чего в Англии Дарвин мог включить его только в третье издание своей книги (1861 г.). Только в 1959 г. стало известно, что первый вариант «Исторического очерка» был написан Дарвином еще до 1858 г. (см. об этом ниже).

⁷ J. H. F. Kohlbrugge. *Was Darwin ein originelles Genie?* «Biol. Z. bl.», 1915, B. 35, S. 93—111; J. V. de Lamarck und der Einfluß seiner Descendenztheorie von 1809 bis 1859. «Z. Morphol. u. Anthropol.», 1914, Bd. XVIII, S. 191—206.

Дарвина Бэтсон⁸. А. Дарлингтон дошел даже до утверждения, что «Исторический очерк» Дарвина представляет собой «самый ненадежный очерк истории вопроса, какой когда-либо был написан» и что он «производит впечатление исповеди несчастного человека, написанной под страшным гнетом»⁹, причем из всего контекста статьи Дарлингтона следует, что этот «страшный гнет» есть не что иное, как нечистая совесть плагиатора. Не входя в своей оценке Дарвина как ученого до таких крайностей, как Кольбругге и Дарлингтон, считавших его простым компилятором фактов, который чужие идеи и теории «выставил впоследствии как свои собственные открытия»¹⁰, современный американский историк биологии Айсели, как мы увидим в дальнейшем, также не останавливается перед обвинением Дарвина в плагиате и попытке скрыть это путем замалчивания своих прямых источников¹¹.

В подавляющем большинстве случаев историки эволюционного учения — одни сознательно, другие бессознательно, обсуждая вопрос об оригинальности Дарвина и его «предшественниках», спутали две стороны этого вопроса: историческое развитие эволюционной идеи как таковой и возникновение и развитие принципа естественного отбора как основного фактора эволюционного процесса. Наличие эволюционистов в додарвиновское время вообще не вызывало сомнения ни у кого, и менее всего у самого Дарвина. Если Дарвин и не был знаком с работами всех тех 67 эволюционистов, которых перечислил в 1881 г. Потонье¹², и тем более, тех 199 авторов, которых Кольбругге (по большей части без достаточных оснований) относит к числу эволюционистов додарвиновского времени¹³, то, как уже было указано, с воззрениями крупнейших эволюционистов конца XVIII — начала XIX вв. (Эразма Дарвина и Ламарка) он был знаком с юности, а с работами ряда других ведущих ученых его времени, высказывавших эволюционные идеи (Э. и И. Жоффруа Сент-Илеры, Грант, Герберт, Чемберс, Нодэн и др.), познакомился в 30—40-х годах, работая над проблемой происхождения видов. Это и позволило Дарвину в том месте его «Автобиографии», где он рас-

⁸ L. C. Eiseley. Ch. Darwin and E. Blyth, and the theory of natural selection. «Proc. Amer. Philos. Soc.», 1959, v. 103, N 1, p. 113.

⁹ C. D. Darlington. The origin of Darwinism. «Scient. American», 1959, v. 200, N 5, p. 60—66 (краткое изложение книги Дарлингтона «Darwin's place in history», Oxford, 1959, с которой я не имел возможности познакомиться).

¹⁰ Там же.

¹¹ См. сноску 8.

¹² H. Potonié. Aufzählung von Gelehrten, die in der Zeit von Lamarck bis Darwin sich im Sinne der Descendenz-Theorie geäußert haben, mit Bevorzugung der Botaniker. «Österr. bot. Z.», 1881, N 10—11, S. 315—322, 352—357

¹³ См. сноску 7, статья Кольбругге 1915 г.

сказывает о своем раннем знакомстве с воззрениями Ламарка и Эразма Дарвина, сделать его известное заявление: «...вероятно, то обстоятельство, что уже в очень ранние годы моей жизни мне приходилось слышать, как поддерживаются и встречают высокую оценку такого рода воззрения, способствовало тому, что я и сам стал отстаивать их в иной форме в моем „Происхождении видов“»¹⁴.

Хорошо известная оценка Дарвином своего оригинального вклада в разработку эволюционного учения с особенной яркостью выражена в документе, который стал известен только в самое недавнее время,— в двух письмах Дарвина к Баден-Поуэллу от 18 января 1860 г., впервые опубликованных Г. де Бером в июне 1959 г.¹⁵ Особый интерес этих двух писем заключается также в том, что они проливают новый свет на историю создания Дарвином его «Исторического очерка» и рисуют его отношение к себе как историку эволюционного учения. В «Очерке» Дарвин в следующих словах характеризует Баден-Поуэлла: «„Философия творения“ была мастерски изложена преподобным Баден-Поуэллом в его „Опытах о единстве миров“, 1855. Нет ничего более замечательного, чем его метод доказательства того, что введение новых видов представляет собою „закономерное, а не случайное явление“, или, выражаясь словами сэра Джона Гершеля, „естественный процесс в противоположность чудесному“»¹⁶. Дарвин имеет здесь в виду труд профессора Оксфордского университета математика и физика Баден-Поуэлла (Baden Powell, 1796—1860) «Essays on the spirit of the inductive philosophy the unity of worlds, the philosophy of Creation». Прочитав «Происхождение видов», Баден-Поуэлл обратился к Дарвину с письмом, в котором, высоко оценив книгу Дарвина, выразил, по-видимому, некоторую обиду на то, что не нашел в ней ссылки на свою работу. Дарвин немедленно ответил ему и в тот же день послал ему второе письмо, так как ему показалось, что в первом он изложил кое-что не вполне ясно. Ввиду важности этих писем и малодоступности английского источника, в котором они напечатаны, считаем полезным привести их полностью.

Первое письмо:

«Мне доставила большое удовольствие высокая оценка Вами моей книги, так как общепризнано, что Вы в совершенстве владеете логикой науки [philosophical logic]; я тем более обрадован этим, что один выдающийся ученый [имеется в виду учитель

¹⁴ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 184.

¹⁵ «Some unpublished letters of Charles Darwin, edited by Sir Gavin de Beer, F. R. S.», «Notes and Rec. Roy. Soc. London», 1959, v. 14, N 1, p. 51—54.

¹⁶ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, стр. 268 (перевод уточнен по английскому тексту «Происхождения видов»).

Дарвина геолог Адам Седжвик] написал мне, что я осквернил весь дух индуктивной философии.

В течение того времени, когда я писал книгу, здоровье мое было столь плохим, что я не был расположен сколько-нибудь увеличивать объем своей работы. Поэтому я и не пытался дать историю вопроса, да я и не думал, что обязан был сделать это. Ни один образованный человек, даже самый несведущий, не мог бы предположить, будто я самонадеянно приписываю себе создание учения о том, что виды не были сотворены независимо друг от друга. Единственно новым в моем сочинении является попытка объяснить, каким образом виды становятся видоизмененными [how species became modified] и до некоторой степени как теория происхождения [т. е. теория эволюции: theory of descent] объясняет известные обширные категории фактов, а в этих отношениях я не получил никакой помощи от моих предшественников. Насколько мне кажется, я с удовольствием выразил свою признательность за все те главные факты и обобщения, которые я заимствовал [у других]. Если я что-либо заимствовал у Вас [не отметив этого], поверьте, что я сделал это бессознательно; но я снова прочитаю Ваш труд. Если бы я ссылался на тех авторов, которые утверждали с большей или меньшей компетентностью, что виды не были созданы каждый независимо, то я чувствовал бы себя обязанным привести некоторые сведения обо всех, а именно, оставляя в стороне древних, о Бюффоне, Ламарке (между прочим, его ошибочные взгляды были удивительно предвосхищены моим дедом), о Жоффруа Сент-Илере и особенно его сыне Исидоре, о Нодэне, Кайзерлинге, об одном американце (я забыл в данную минуту его имя [см. дальше второе письмо]), полагаю, о некоторых немцах, о „Следах творения“ [т. е. о Чемберсе], о Герберте Спенсере и о Вас.

Задача эта была не очень легкой, и заняться ею должны были бы скорее историки науки, а не я. Мне следовало бы [тогда] упомянуть и о главных сторонниках противоположных учений. В моей большой книге [т. е. в большом труде о видах, который он начал писать в мае 1956 г.] я имел намерение попытаться дать небольшой исторический очерк, но составленный мною список тревожит меня. Я имел, однако, в виду посоветоваться с некоторыми учеными друзьями и руководствоваться их консультацией.

Позвольте мне добавить, что я с большим интересом читал Вашу „Философию творения“: она поразила меня своей превосходной и сильной аргументацией; она написана с ясностью, которая, как я вспоминаю, возбудила во мне самое живое восхищение. Я вполне согласен с тем, что Ваш труд должен был оказать большое влияние на философски мыслящих людей, помогая им освободиться от предрассудков в данном вопросе; он осуществил

это на более высоком уровне, но примерно таким же образом, как „Следы творения“ сделали это в отношении менее развитого круга читателей. Я заявил то же самое в письме, посланном мною автору (Чемберсу) (думаю, что он автор) „Следов творения“ Я никоим образом не намерен сказать этим, что Ваш труд не способствовал полному обращению многих читателей, приведя их к отказу от учения о сотворении: по правде говоря, я вообще не знаю, как обстоит дело. Я не осмелился бы сделать эти замечания, если бы Ваше письмо не побудило меня к этому»¹⁷.

Второе письмо:

«Раздумывая над письмом (насколько я в состоянии припомнить его), которое я послал Вам сегодня утром в Атенсум-клуб, я только что сообразил, что Вы можете неправильно понять одно место, и хотя я не думаю, чтобы Вас очень заботило мое мнение, я был бы сильно огорчен, если бы кто-либо предположил, будто я считаю Ваш труд и „Следы творения“ произведениями одного ранга. Я поставил их рядом только потому, что оба они оказали благое воздействие на общественное мнение, причем „Следы“ — на более широкий круг читателей, хотя и менее образованных.

Чем больше я думаю обо всем этом вопросе, тем более трудной кажется мне задача дать вполне удовлетворительный очерк о различных авторах, которые поддерживали на разных основаниях видоизменение видов [the modification of species].

PS. Хольдмен — имя того американского автора, которое я позабыл сегодня утром. Я вспомнил только что о „Предисловии“ которое я написал к моему большому труду [о видах] до того, как моя работа над ним была прервана и меня убедили написать ныне опубликованное извлечение. В этом „Предисловии“ я нахожу следующий абзац, о котором я, честное слово, совершенно позабыл, как будто никогда и не писал его: „Философия творения“ была недавно превосходным образом рассмотрена преподавшим Баден-Поуэллом в его „Опыте“ и т. д. 1885 г. Нет ничего более замечательного, чем его метод доказательства того, что введение новых видов представляет собою „закономерное, а не случайное явление“, или, выражаясь словами сэра Джона Гершеля, „естественный процесс в противоположность чудесному“».

¹⁷ Последняя фраза вызвана, вероятно, просьбой Баден-Поуэлла к Дарвину высказать свое мнение о влиянии, которое книга Баден-Поуэлла произвела на читателей. Будучи весьма честным и вежливым человеком, Дарвин и высказал свое мнение в приведенной выше осторожной форме. Интересно, что в «Предисловии» к американскому изданию вслед за цитированной выше характеристикой Баден-Поуэлла шла еще фраза: «Я думаю, что это сочинение не могло не произвести глубокого впечатления на всякого мыслящего читателя» (см. «Происхождение видов». Перевод Рачинского. СПб., 1864, стр. IX), которую Дарвин в дальнейшем исключил.

Эти два письма позволяют с несомненностью установить следующие важные факты.

1. Дарвин никогда не считал, что идея эволюции органического мира принадлежит ему; наоборот, он отлично знал и признавал, что идея эта высказывалась неоднократно в разной форме на протяжении нескольких столетий многими естествоиспытателями и мыслителями. Поэтому, когда Кольбругге и другие историки биологии, приводя десятки имен эволюционистов додарвиновского времени, пытаются доказать на этом основании неоригинальность Дарвина, они ломаются в открытые двери.

2. Дарвин отчетливо представлял себе огромную трудность создания обстоятельной истории эволюционной идеи. Помимо задачи с возможно большей полнотой охватить всех старых эволюционистов, он справедливо ставил вопрос о необходимости рассмотрения воззрений и противников эволюционной идеи, т. е. иными словами — осветить борьбу идей в этой области.

3. Дарвин не считал себя историком науки, справедливо полагая, что он не может и не должен заниматься всесторонним исследованием истории занимающих его проблем. Однако в пределах возможного для него он изучил произведения наиболее видных прежних эволюционистов и в своем «Историческом очерке» дал достаточно полный и объективный обзор тех склонявшихся к эволюционной идее авторов, которые оказались в поле зрения его собственном, а также других современных ему биологов и геологов.

4. Нет абсолютно никаких оснований сомневаться в научной честности Дарвина и в его неизменной готовности признать даже самую маленькую заслугу любого другого ученого. Это подтверждается отлично известным нам высоким моральным обликом Дарвина и всем его научным творчеством. Но если еще нужны доказательства, то полная безосновательность заявления Дарлингтона о том, что «Исторический очерк» «производит впечатление исповеди несчастного человека, написанной под страшным гнетом», т. е. в результате того, что в 1860 г. и позже обнаружилось «источники» Дарвина, которые он якобы пытался скрыть, — этот лишенный всяких оснований поклев на Дарвина документально опровергается его письмами к Баден-Поуэллу, из которых видно, что «Предисловие», составившее основу «Исторического очерка», было написано задолго до 1860 г. — в 1856, 1857 или, во всяком случае, до середины 1858 г., когда ничто не вынуждало Дарвина делать это¹⁸.

¹⁸ Как сообщает Г. де Беп («Some unpublished letters of Charles Darwin...» 1959, p. 25) большой труд Дарвина о видах, начатый в середине 1856 г. и прерванный в середине 1858 г., в настоящее время готовится к печати профессором Робертом Стоффером.

5. С полным правом Дарвин считал, что вполне оригинальным вкладом в его эволюционное учение было создание теории естественного отбора; в этом отношении, говорит он, он «не получил никакой помощи от своих предшественников», ибо при самом внимательном изучении их работ не мог обнаружить у кого-либо из них даже намек на принцип естественного отбора.

В настоящее время, однако, усилиями ряда историков биологии выявлено довольно много ученых додарвиновского времени, более или менее близко подходивших к идее естественного отбора; после выхода в свет «Происхождения видов» стали известны в 1860 и 1865 гг. имена Патрика Мэттью и Уильяма Уэллса, приоритет которых был признан Дарвином. Что касается остальных, то Дарвин либо вообще не знал о них, да и не мог знать, либо же не видел в их работе того, что пытаются в них увидеть некоторые современные историки биологии.

Обстоятельные изыскания американского историка биологии Конуэя Зэркла привели его к выводу, что принцип естественного отбора как фактора эволюционного преобразования видов был вполне развит четырьмя авторами: Уэллсом (1813), Мэттью (1831), Дарвином (1858) и Уоллесом (1858). Некоторые другие авторы (Руссо, Причард, Лоуренс, Жоффруа Сент-Илер, Герберт Спенсер и Нодэн) имели, по мнению Зэркла, достаточно ясное представление о естественном отборе, но «не сумели понять все его значение». Наконец, третья группа авторов (к ней Зэркл относит Эмпедокла, Лукреция, Дидро, Мопертюи и того же Жоффруа Сент-Илера) в противовес телеологам «описывала естественный отбор как причину возникновения приспособлений»¹⁹. Зэркл не считает, однако, необходимым дать подробный историко-биологический анализ воззрений всех этих и ряда других упоминаемых им авторов, он ограничивается приведением более или менее длинных цитат из их произведений (полагая, что эти цитаты говорят сами за себя) и затем группирует их, как указано выше. Другие современные историки биологии относят к числу прямых предшественников Дарвина, кроме Уэллса и Мэттью, также Причарда, Лоуренса, Блиса и некоторых других ученых первой половины XIX в.

В настоящей работе мы попытаемся детально рассмотреть концепции ряда английских биологов, которые в годы, непосредственно предшествовавшие началу работы Дарвина над проблемой происхождения видов, действительно, в той или иной форме подходили к признанию принципа естественного отбора. Это представляет интерес прежде всего с точки зрения выяснения

¹⁹ C. Zirkle. Natural Selection before the «Origin of Species». «Proc Amer. Philos. Soc.», Philadelphia, 1941, v. 84, N 1, p. 71—123.

научной обстановки, которая сложилась в Англии вокруг проблемы естественного отбора к тому моменту, когда Дарвин вернулся на родину из своего кругосветного путешествия и приступил к систематическому исследованию вопроса о закономерностях эволюции, владея им самим накопленным обширным фактическим материалом и уже придя к полному разрыву с креационистскими воззрениями. Это было, как известно, в 1837 г., когда Дарвин начал работать над своей «первой записной книжкой о трансмутации видов». Впоследствии он писал в своей «Автобиографии»: «Иногда высказывалось мнение, что успех „Происхождения“ доказал, что „идея носилась в воздухе“ или что „умы людей были к ней подготовлены“. Я не думаю, чтобы это было вполне верно, ибо я не раз осторожно нащупывал мнение немалого числа натуралистов, и мне никогда не пришлось встретить ни одного, который казался бы сомневающимся в постоянстве видов. Даже Ляйелль и Гукер... никогда, по-видимому, не соглашались со мной. Один или два раза я пытался объяснить способным людям что я понимаю под естественным отбором, но попытки мои были удивительно безуспешны»²⁰. Если это суждение Дарвина мы должны теперь считать правильным лишь в том смысле, что господствующая атмосфера в Англии первой половины XIX в. была определенно креационистской, то все же историк не вправе игнорировать те «подземные ручейки», которые незаметно пробивали себе путь наружу и могли действовать и на Дарвина помимо его сознания. Объективное выяснение этого тем более существенно, что оно одновременно позволит раскрыть всю никчемность попыток современных «ниспровергателей» Дарвина коренным образом пересмотреть всеобщее убеждение в той великой исторической роли, которую сыграл Дарвин в создании материалистической эволюционной теории, и показать, что величайшее творение его гения — теория естественного отбора — была всего лишь простым заимствованием.

Существенно, наконец, и то, что в эволюционной литературе сведения об Уэллсе и Патрике Мэттью ограничиваются обычно теми данными, которые привел Дарвин в своем «Историческом очерке». Советские биологи в большинстве мало осведомлены о работах и воззрениях этих двух авторов, не говоря уже о Причарде, Лоуренсе и Блисе, которых сейчас некоторые западные историки биологии пытаются изобразить как истинных создателей теории естественного отбора.

²⁰ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, стр. 231. Подчеркнуто нами.— С. С.

ДЖЕМС КАУЛИС ПРИЧАРД

(1786—1848)

Причарда как предшественника Дарвина и Вейсмана, как «подлинного» эволюциониста, близко подошедшего к пониманию принципа естественного отбора, впервые ввел в историческую литературу в 1897 г. известный английский дарвинист зоолог Эдвард Паултон²¹. Хотя выводы Паултона встретили некоторые возражения со стороны А. Сьюорда и Фр. Дарвина²², его взгляды были поддержаны У. Бэтсоном и Дж. А. Томсоном²³. К. Зэркл, несколько противореча своим собственным выводам, изложенным нами выше, писал: «Из всех этих [додарвиновских] эволюционистов Причард ближе всех подошел к объяснению происхождения новых форм путем действия естественного отбора, хотя фактически он никогда не формулировал проблему в развернутом виде... Мы вполне вправе удивляться тому, что Причард не дошел до открытия естественного отбора как главного фактора органической эволюции»²⁴. Наконец, Дарлингтон в свойственном ему стиле безапелляционных, но совершенно необоснованных утверждений, заявил в 1959 г., что, наряду с Уэллсом и Лоуренсом, Причард «ясно выдвинул и подробно развил теорию естественного отбора, намеченную Эразмом Дарвином. Эти три сообщения [Уэллса, Лоуренса и Причарда] были первым со времени классической древности ясным утверждением данной идеи в противоположность представлениям об эволюции, руководимой планом и целью»²⁵. Чтобы объективно разобраться в вопросе о том месте, которое действительно может и должно принадлежать Причарду в истории эволюционного учения, необходимо, учитывая приведенные мнения, колеблющиеся в довольно значительных пределах, тщательно рассмотреть воззрения Причарда, высказывавшиеся им в длинном ряде работ на протяжении четырех десятилетий.

Причард был заметным английским ученым и писателем. Крупный врач, хирург и психиатр, он был также видным лингвистом, археологом, этнографом и антропологом; так, широкоую известность получили его работы о принадлежности кельтских языков к индоевропейской языковой группе (что он доказал в

²¹ E. B. Poulton. A remarkable anticipation of modern views on evolution.—«Sci. Progr.», New Series, 1897, v. 1, N 3. Перепечатано в кн.: E. B. Poulton. Essays on evolution. Oxford, 1908, p. 172—192.

²² «More letters of Charles Darwin...» Edited by Fr. Darwin and A. C. Seward. V. 1, London, 1903, p. 42—46.

²³ «Darwin and modern science. Essays...» Edited by A. C. Seward. Cambridge, 1910, p. 16—17, 86, 90.

²⁴ S. Zirkle. Natural Selection..., p. 104—105.

²⁵ C. D. Darlington. The Origin of Darwinism... p. 62.

1831 г., за 6 лет до А. Пикте), по египтологии (получившие одобрение Ж. Шампольона) и особенно по антропологии и этнографии, переведенные на немецкий и французский языки²⁶. Он получил медицинское образование в Лондоне и Эдинбурге, с 1810 г. работал врачом в Бристоле, с 1845 г. — в Лондоне. В 1827 г. он был избран членом Лондонского королевского общества, а в 1848 г. (в год смерти) — президентом Лондонского этнологического общества.

В 1808 г. Причард защитил в Эдинбурге докторскую диссертацию на тему «О многообразии человеческого рода» («*De humani generis varietate*»), латинский текст которой лег в основу однотомного труда «Исследования над физической историей человека» («*Researches into the physical history of man*», London, 1813); в 1826 г. этот труд вышел вторым изданием в двух томах, а в 1836—1847 гг. третьим изданием в пяти томах под несколько измененным названием «Исследования над физической историей человеческого рода» («*Researches into the physical history of mankind*»). Наконец, в 1843 г. Причард выпустил однотомный труд «Естественная история человека, включающая доказательства модифицирующего влияния физических и нравственных агентов на различные расы человеческого семейства» («*The natural history of man, comprising inquiries into the modifying influence of physical and moral agencies on the different tribes of the human family*», London), который, как он говорит в предисловии к этому труду (стр. VII), дает сжатое и доступное изложение основного фактического материала по расам человека.

²⁶ Английские авторы всегда единодушно признавали Причарда выдающимся антропологом и этнографом. Если ограничиться только новейшими авторами, укажем, что, по мнению А. Хэддона, «Произведения Причарда являются краеугольным камнем антропологии в Англии» (А. С. Haddo n. *History of anthropology*. London, 1945, p. 105), а Т. Пеннимэн считает, что «крупнейшим из всех, кто в те годы классифицировал и систематизировал факты, относящиеся к человеческим расам, был Дж. К. Причард..., огромное влияние которого на его современников и на позднейших антропологов обязано третьему изданию его «*Researches*» и его «*Natural history of man*» 1843 г и что эти произведения «составили основание этнографии в Англии» (Т. К. Penniman. *A hundred years of anthropology*. N. Y., 1936, p. 77 и 81). Сам Причард в посвящении своего труда 1843 г. знаменитому Р. Буэнзено писал (стр. V): «В Германии мои исследования встретили более благоприятную оценку, чем среди моих собственных утилитарных соотечественников». Однако Ф. А. Ланге упрекает известного немецкого антрополога середины XIX в. Т. Вейтца за то, что он «очень часто ссылается на недостоверного и невежественного Причарда», хотя в другом месте сам ссылается на «прославившееся сочинение Причарда об естественной истории человека», в котором приведены убедительные доказательства того, какой вред антропологии и этнографии принесли «религиозные предрассудки европейских путешественников, их расовая гордость, их неспособность понять склад чужой культурной жизни или образ мыслей низших культурных ступеней» (Ф. А. Ланге. *История материализма*, т. II. Перевод под ред. В. Соловьева. Киев — Харьков, 1900, стр. 196 и 240).

Последовательные издания труда Причарда отличаются друг от друга не только по объему включенного в них фактического материала; теоретические воззрения Причарда вырабатывались постепенно, и по ряду принципиальных моментов он с годами изменил их, причем в ранних изданиях его работы (1813, 1826), когда его взгляды не приобрели еще вполне определившейся формы, имеется немало противоречивых высказываний. Вполне естественно, что исследователи обращались, как это обычно делается, к последним изданиям работы Причарда, справедливо считая их наиболее разработанными и наиболее выражающими научные воззрения их автора. Так именно поступил и Дарвин, которого,

понятно, не могла интересовать *история творчества* Причарда: Дарвин искал у него как у компетентного этнографа и антрополога данные, на которые он мог бы опереться. В «Изменениях животных и растений под влиянием одомашнения», в «Происхождении человека» и в «Выражении эмоций» мы находим довольно большое число ссылок на третье издание труда Причарда (1836—1847) и на стереотипное посмертное переиздание первых двух томов этого издания, вышедшее в 1851 г. Эти два издания и имеются в личной библиотеке Дарвина²⁷.

Между тем, как утверждают Паултон и другие цитированные выше авторы, эволюционные взгляды Причарда с наиболь-

Джемс Каулис Причард

²⁷ «Catalogue of the library of Charles Darwin, compiled by H. W. Rutherford». Cambridge, 1908, p. 69.

шей отчетливостью выражены в издании 1826 г. Паултон говорит, что эти взгляды Причарда остались незамеченными и забытыми, и вину за это возлагает на... Дарвина, ибо, как ему кажется, это в значительной степени объясняется тем, что Дарвин не был знаком с изданием 1826 г. и потому не включил Причарда в свой «Исторический очерк», что и привело к забвению Причарда²⁸. Осторожнее выражается Зэркл, отмечающий, что Причард, уделяя в последующих изданиях все больше внимания антропологическим и этнографическим подробностям, «повидимому, забыл об эволюционном аспекте проблемы или стал безразличным к нему»²⁹. Дарлингтон утверждает, что забвение Причардом его ранних эволюционных воззрений было обусловлено инцидентом с Лоуренсом (см. об этом ниже, в разделе о Лоуренсе), антропологический труд которого, изданный в 1819 г., подвергся нападкам церковников. Почему же тогда Причард высказал, как единогласно заявляют Паултон и другие, свои эволюционные убеждения в издании 1826 г., т. е. через 7 лет после истории с Лоуренсом, и только через 17 лет, в 3-м издании своего труда (1836—1847), вспомнил об этих нападках реакционеров? Как и в других случаях, исторические экскурсы Дарлингтона представляют собой чистейший домысел и не подтверждаются фактами. Мы рассмотрим в дальнейшем биологические воззрения Причарда, что позволит нам выяснить его действительное отношение к проблемам эволюции органического мира³⁰.

С самого начала своей научной деятельности в области антропологии и этнографии Причард выступил как решительный противник полигенистов. Задача, которую он поставил перед собой и над которой он работал всю жизнь, заключалась в научно строгом обосновании моногенизма — в доказательстве единства человеческого рода, общности происхождения рас человека, принадлежности их к одному и тому же виду. Уже в 1813 г., в первой английской версии своей латинской диссертации 1808 г.,

²⁸ E. B. Poulton. A remarkable anticipation of modern views on evolution, p. 175.

²⁹ C. Zirkle. Natural Selection..., p. 105.

³⁰ Из трудов Причарда в библиотеках Москвы имеются лишь третье издание его «Исследований» (Лондон, 1836—1847) и его труд 1843 г. О других его работах, и прежде всего об изданиях 1808, 1813 и 1826 гг., мы могли составить себе представление по многочисленным и достаточно обширным цитатам, приведенным в статьях Паултона, Фр. Дарвина и Сьюарда, Зэркла (см. примечания 21, 22 и 19), а также в труде Лоуренса 1823 г., в книгах Т. К. Пенниман «A hundred years of anthropology» (N. Y. 1936), А. С. Хаддона «History of anthropology» (London, 1945) и в «Dictionary of National Biography» (в статье о Причарде: vol. 46, London, 1896); в последнем издании приведена важная цитата из президентской речи Причарда в Лондонском этнологическом обществе 22 июня 1847 г.

Причард писал: «Природа и причины физических различий, характеризующих разные расы человека... редко занимали в нашей стране внимание авторов. Немногочисленные английские авторы, писавшие об этом вопросе... поддерживали мнение, согласно которому человечество состоит из нескольких различных видов. Значительная и очень авторитетная группа иностранных писателей во главе с Бюффоном и Блуменбахом, высказывалась в противоположном смысле... Много лет назад я сильно заинтересовался этим вопросом, поскольку мне приходилось слышать, что в связь с ним ставится истинность Моисеева рассказа, которая отрицается на том основании, что невозможно, якобы, согласовать этот рассказ с явлениями природы и, в частности, с разнообразием признаков различных рас человека. Доводы тех, кто утверждал, что эти расы представляют собою различные виды, казались мне поначалу непреодолимыми, и я не видел удовлетворительных доказательств в неопределенных предположениях, при помощи которых противоположное мнение обычно защищалось его сторонниками. В конце концов я убедился в том, что ходячие теории о действии климата и других модифицирующих причин по большей части гипотетичны и несовместимы с фактами, которые невозможно оспаривать... В настоящем сочинении я поддерживаю мнение, согласно которому все человечество составляет только одну расу, т. е. произошло от одной единственной семьи, но я далек от желания привлечь в пользу моих заключений какие-либо религиозные предубеждения. Наоборот, я готов допустить и, если это возможно будет показать, буду рад убедиться в том, что истинность священного писания не связана с решением этого вопроса»³¹. Это убеждение Причард пронес через всю свою жизнь. За год до смерти в президентской речи, произнесенной 22 июня 1847 г. в Лондонском этнологическом обществе, он заявил: «Чем дальше мы разведываем различные пути исследования, которые лежат открытыми перед нашей научной работой, тем больше оснований обнаруживаем мы для уверенности в том, что не существует никакой непреодолимой границы между различными расами человека, и, судя лишь на основании тех данных, которыми мы уже сейчас располагаем, тем большей становится вероятность того, что все человечество произошло от одной и той же семьи»³².

Защита Причардом моногенизма и его борьба против полигенизма имеет прямое отношение к вопросу об его эволюцион-

³¹ Цит. по кн.: Т. К. Penniman. A hundred years of anthropology, p. 77—78.

³² Цит. по кн.: «Dictionary of National Biography», v. 46. London, 1896, p. 346.

ных воззрениях. Чтобы исторически правильно оценить позицию Причарда в отношении моногенизма и полигенизма, необходимо коротко остановиться на истории этих двух концепций. В средние века учение о происхождении всех людей от Адама и Евы считалось церковной догмой. Этот церковный «моногенизм» не допускал никаких сомнений, всякие рассуждения о существовании «антиподов» были объявлены абсурдными и еретическими (Св. Августин). Когда же с открытием Америки «антиподы» были обнаружены, испанцы оправдывали жестокое истребление индейцев тем, что «краснокожие» не являются потомками Адама и Евы и не могут считаться людьми, равными потомкам Сима, Хама и Иафета. Папская булла 1512 г., объявившая индейцев потомками библейских прародителей, не помешала, однако, Кортесу и Писсаро во время их грабительских походов за мексиканским и перуанским золотом осуществлять кровавую резню индейцев.

Но именно в это время Парацельс в своем требовании научного объяснения природы в противовес церковно-религиозному выступил против традиционного моногенизма. Он утверждал (1520), что представители разных рас на пространстве всей земли, являясь несомненными людьми, не связаны кровным родством, а происходят от различных прародителей, имеют каждая своего Адама. На переломе XVI—XVII вв. Джордано Бруно и его последователь Ванини в своей атеистической пропаганде также выступили как сторонники полигенизма, и на этой же позиции стояли другие передовые мыслители эпохи возрождения. В XVIII в. полигенизм нашел своих последователей среди ряда французских мыслителей, ведших борьбу с церковью и разоблачавших библейские чудеса. Вольтер заявлял, что «подобно тому, как деревья [различных видов] не произошли от одного дерева, так и люди не имеют своим предком одного человека»³³. Руссо в «Рассуждении о происхождении неравенства» развивал взгляд, по которому люди произошли путем постепенного изменения и приспособления от нескольких различных более примитивных дочеловеческих форм.

С середины XVIII в. к решению вопроса о правильности моногенистской или полигенистской точки зрения обратились многие натуралисты-биологи, стремившиеся опереться на данные естественнонаучного характера. Интересно отметить при этом, что, поначалу, во всяком случае, провести резкую демаркационную линию между моногенистами и полигенистами с точки зрения их отношения к эволюционной проблеме невозможно. Так, моногенистами были столь явно выраженные креационисты, как

³³ К. Н. Державин. Вольтер. М., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 93.

Линней, Blumenбах, Кампер и Кювье, и столь же определенные эволюционисты, как Бюффон и Ламарк. И точно также среди полигенистов мы находим как эволюционистов (Бори де Сан-Венсан и др.), так и креационистов (Вирей, Демулен и др.). По мере приближения к середине XIX в. вопрос начал приобретать все в большей мере политический характер: в лагере полигенистов оказались все сторонники реакционных расовых теорий, в первую очередь — американские противники освобождения негров (антиаболиционисты). Наиболее резкими защитниками полигенизма явились в это время американские расисты Нотт и Глиддон и их английские единомышленники Нокс и Хэнт. После того как Дарвин окончательно доказал в «Происхождении человека» (1871) антинаучную сущность полигенизма, защитниками последнего являлись и продолжают являться и в настоящее время самые реакционные буржуазные антропологи, использующие его для обоснования расовой дискриминации в империалистических странах и их колониях.

Таким образом, в годы Причарда защита моногенизма могла вестись с различных научных и идеологических позиций, и сам по себе моногенизм Причарда вовсе еще не доказывает того, что он был эволюционистом. Во всяком случае, из всего того, что нам известно о Причарде, мы можем заключить, что первоначально он пришел к моногенизму не из эволюционных соображений. Приведенные выше осторожные высказывания Причарда в первом английском издании его трактата (1813) свидетельствуют о его стремлении исследовать проблему единства человеческого рода *независимо* от религиозных мотивов, но *относительно не в противоречии* с ними. Он заранее отмежевывается от тех, кто утверждает, что библейское сказание о сотворении человека «невозможно якобы согласовать... с явлениями природы и, в частности, с разнообразием признаков различных рас человека»; иными словами, он хочет найти подтверждение церковного моногенизма в данных естествознания. Это вполне подтверждает справедливость мнения, высказанного в 1908 г. видным английским антропологом Каннигэмом: «Хотя Причард обсуждал все данные, относящиеся к его теме, в научной и беспристрастной форме, заключения, к которым он приходил, были всегда ортодоксальны и выражены в такой форме, чтобы умиловать и не оскорбить установленные авторитеты. В этом он, несомненно, был вполне искренен. Говорят, что его отец, наблюдая направление исследований сына, рекомендовал ему не писать ничего такого, что имело бы тенденцию подорвать ту буквальную интерпретацию, которая в те времена давалась библейскому рассказу о происхождении человека. Невозможно сказать, в какой мере это повлияло на него, но те, кто лучше знали его,

уверяли, что его собственные склонности вполне соответствовали указаниям, которые он получил от своего отца»³⁴. Еще более решительно пишет Пеннимэн: «Оба, отец и сын, горячо стремились поддержать ортодоксальное представление о единстве человеческого рода»³⁵.

Несомненная ортодоксальность Причарда, его вера в буквальную истинность библейских рассказов в лучшем случае позволяла ему идти не дальше «рационального» истолкования этих рассказов. Так, проанализировав факты географического распространения видов растений и животных, он приходит к выводу, что первоначальная, прародительская пара каждого вида была создана в одном определенном месте земли, откуда потомство этой пары постепенно распространилось, заняв, наконец, свой нынешний ареал. Может показаться, говорит он, что этот вывод «о различных центрах творения организованных существ расходится с библейским рассказом о всемирном потопе», ибо трудно представить себе, что все ныне существующие виды животных «произошли от запаса, сохраненного Ноем в ковчеге». Конечно, пишет он далее, «собираение сверхъестественным путем животных из всех областей земли и возвращение их обратно подобным же способом на их естественные первоначальные места обитания — вполне во власти всемогущего творца», но «в Библии нет никакого намека на какие-либо необычайные меры, которые надо было бы применить для собириания животных из отдаленных областей», а он, Причард, «не склонен вычитывать в Библии больше того, что там сказано» и полагает, что речь идет только о домашних животных и жертвенных «чистых» животных, которые «и были спасены человеком и впоследствии распространились с ним по земле». Что же касается диких животных, то возможно объяснить их существование «после потопа» одним из двух предположений. Либо под библейской «всей землей» надо понимать только тогдашнюю ойкумену, т. е. населенную часть Передней Азии, развращенное человечество которой бог и решил уничтожить путем потопа; либо же действительно была затоплена вся земля, а после Ноева потопа имело место новое «частичное сотворение». Правда, в Библии об этом ничего не сказано, но «нужно ли предполагать, что священное писание содержит рассказ обо всем, что соблаговолил сделать Всемогущий в физическом творении, или только о его милостях в отношении людей и о том, что непосредственно касается человека? И насколько важно было бы людям знать, когда в Авст-

³⁴ D. J. Cunningham. *Anthropology in the eighteenth century*. «J. Roy. Anthropol. Inst. Great Britain and Ireland», 1908, v. 38, p. 28.

³⁵ T. K. Penniman. *A hundred years of anthropology...*, p. 77.

ралии появились кенгуру, а в лесах Парагвая броненосцы и муравьеды?» Возможность такого нового акта творения после потопа Причард обосновывает ссылкой на нахождение в древнейших пластах земли «органических остатков первой великой эры творения». «По-видимому, говорит он, между этим периодом и тем веком, когда возникли виды, являющиеся ровесниками человека, произошло несколько революций земного шара» и «сотворение организованных существ — либо в той или иной области, либо на поверхности всей земли — было в порядке вещей в отдаленные века земли, повторяясь в различные периоды вследствие великих переворотов или физических изменений на поверхности нашей планеты, сделавших ее подходящим местом для существ иной организации, чем те, которые ранее существовали на ней». В заключение Причард говорит; что он предоставляет выбору читателей первое или второе из этих двух предположений³⁶.

В этих рассуждениях Причарда, относящихся к 1836 г., отчетливо выражены креационистские и катастрофистские тенденции, характерные для Кьюве и его последователей. С еще большей ясностью Причард выразил их в своем труде 1843 г., но следует отметить, что здесь одновременно получили выражение и давнишние гуманистические тенденции Причарда, которые, наряду с его ортодоксальностью, сыграли, несомненно, решающую роль в защите им моногенизма. В приводимом ниже отрывке с большой силой высказано резко отрицательное отношение Причарда к реакционному учению о высших и низших расах и его возмущение колонизаторской политикой рабства, угнетения и дискриминации в отношении цветных народов. «Священное писание,— говорит он,— свидетельство которого всеми людьми, чей ум не затемнен, принимается с безоговорочным и почтительным согласием, заявляет, что Всемогущему творцу благоугодно было сотворить все народы земли единокровными, и что все человечество является попомством общих родителей. Но имеются в наши дни писатели, которые утверждают, что это заявление не имело в виду нецивилизованных обитателей отдаленных областей и что негры, готтентоты, эскимосы и австралийцы в действительности не являются людьми в полном смысле этого слова, т. е. существами, наделенными подобно нам умственными способностями. Некоторые из этих писателей утверждают, что упомянутые расы и другие примитивные и нецивилизованные племена по свойственным им способностям ниже той человеческой семьи, потомки которой заселили Европу и

³⁶ J. C. Prichard. Researches into the physical history of mankind. Third edition. V. I, London, 1836, p. 98—102.

Азию, что они органически иные и никогда не смогут в моральном и умственном отношении подняться до уровня той расы, которой в высшей степени свойственны все атрибуты человечества. Они утверждают, что безусловным жребием примитивных народов является состояние вечного рабства и что в тех случаях, когда они будут пытаться противостоять стремлению цивилизованных народов поработить их, они будут искоренены и уничтожены во всех странах, куда только ступит нога европейца. Эти *mixothera* — полулюди-полуживотные не принадлежат к тому, что г-н Бори де Сен-Венсан называет „Академической расой“. Они были созданы для того, чтобы служить домашними рабами касты господ, под защитой которых они способны к некоторому развитию, сравнимому с тем, какое достигается нашими лошадьми и собаками». Далее Причард с возмущением говорит о тех, кто в Англии считает бессмысленным парламентский акт об эмансипации рабов, о беззащитной защите рабства в других странах, о возмутительной охоте с собаками на негров на Кубе, об убийстве европейскими колонизаторами австралийцев, тело которых предназначалось в пищу собакам белых убийц и т. п. Все это, по мнению Причарда, и доказывает необходимость строго научного исчерпывающего обоснования несомненного для него положения о физическом и духовном единстве человеческого рода³⁷.

Мы видим, таким образом, что от начала и до конца научной деятельности Причарда основной характеристикой его мировоззрения было безоговорочное принятие им традиционного библейского рассказа о сотворении видов, которое он сочетал с кьювьеристскими представлениями о революциях земного шара и повторных актах творения. Эти взгляды были им с особенной четкостью выражены в его трудах 1836 и 1843 гг., в которых по мнению Паултона и других, Причард якобы погасил эволюционные взгляды, высказанные им в 1826 г. во втором издании его труда. В какой мере это действительно так, покажет дальнейший анализ воззрений Причарда по вопросу о видовой изменчивости и обуславливающих ее факторах. Нам кажется, однако, достаточно очевидным тот факт, что мировоззрению Причарда был всегда присущ ортодоксальный характер и что свою неизменную верность церковно-религиозной догме он поддерживал, по убедительному мнению Каннингэма, вполне искренно. В свете этого факта и следует оценивать биологические концепции Причарда.

Поставив в 1808—1813 гг. вопрос о доказательствах единства человеческого рода, Причард обратился прежде всего к кри-

³⁷ J. C. Prichard. The natural history of man... 1843; p. 5—8.

тике распространенного в его время представления о действии солнечного света и тепла («климата») как основном факторе, обусловившем различия в цвете кожи между человеческими расами. Развернутую критику этого представления мы находим в третьем издании его труда (1836—1847) и в труде 1843 г. Но если судить по двум обширным цитатам из диссертации 1808 г., приведенным Лоуренсом³⁸, Причард уже в то время решительно отвергал это представление, как научно несостоятельное. Причард рассматривает здесь данные о распространении в Европе и Азии народов с различным цветом кожи и о древности заселения ими соответствующих областей земли. Его общий вывод сводится к следующему. Расовые различия в цвете кожи невозможно объяснить действием климата — жары или холода. Каким образом, спрашивает он, одно и то же небо могло породить светлый цвет кожи немцев и шведов и сравнительно более темный цвет поляков и русских? Племена, населяющие отдаленные друг от друга страны с различным климатом, очень часто имеют сходный цвет кожи, между тем как самоеды, жители Камчатки и других северных холодных районов, имеют более темную кожу, чем китайцы, тунгусы и кохинхинцы, живущие в более теплых южных районах. Острова Индийского и Тихого океанов населены двумя расами людей, различающимися во многих отношениях. Одна из них по черному цвету кожи и другим признакам сходна, а в некоторых случаях идентична с неграми. Другая по более светлому цвету кожи и другим физическим признакам, а также по своему единственному языку, сходному с малайским, происходит, по-видимому, из юго-западной Азии. Эта раса более цивилизована, нежели первая, которая говорит на разных языках и занимает более возвышенные, нагорные районы. Это, очевидно, аборигены островов, вытесненные пришлым малайским элементом из более плодородных прибрежных низменностей. Другим фактом, противоречащим признанию прямой связи между климатом и цветом кожи, является, например, то, что жители Австралии и Тасмании, расположенных в южном полушарии примерно в тех же широтах, что и Англия в северном, принадлежат к черной расе.

Той же точки зрения Причард придерживался и в изданиях 1813 и 1826 гг. Так, в первом из них он, по словам Лоуренса³⁹ умело оспаривал взгляды Бюффона, Блуменбаха, Смита, Циммермана и Форстера, доказывавших, что у различных рас цвет кожи возник и развивался под прямым действием климата. В издании 1826 г. он рассматривает мнения того же ряда авторов

³⁸ W. Lawrence. Lectures on physiology... 1823, p. 452—454, 456—457.

³⁹ W. Lawrence. Op. cit., p. 443 (прим.).

и объявляет их лишенными основания, хотя признает, что данные Бюффона и других авторов о связи между географической широтой и цветом кожи в целом правильны. «Несомненно,— пишет Причард,— что большинство черных рас человека обитает в тропических областях и что большую часть светло окрашенных народов мы обнаруживаем в холодных или умеренных климатах». Однако этот факт возможно, по его мнению, «интерпретировать иначе, чем это обычно принято у современных писателей»⁴⁰. Следует иметь в виду, что Бюффон и другие ученые, приписывая возникновение расовых различий прямому действию условий среды, одновременно постулировали наследуемость возникающих, таким образом, различий и их постепенное усиление в последовательном ряде поколений. Что же имел в виду Причард, заявляя, что возможно иначе интерпретировать наличие расовых различий в цвете кожи у народов различных климатических поясов земли?

Решение вопроса о том, представляют ли расы человека различные, самостоятельные виды, или же только разновидности одного и того же вида, Причард с самого начала подчинил решению более общего вопроса о том, что надо понимать под видом и разновидностью (расой). В последних изданиях своего труда (1836—1847 и 1843 гг.) Причард полностью принимает известное определение вида, данное Кювье: «La réunion des individus descendus l'un de l'autre ou de parents communs, et de ceux qui leur ressemblent autant qu'ils se ressemblent entre eux»⁴¹, т. е. под видом следует понимать «совокупность особей, происходящих одна от другой или от общих родителей, а также тех, которые сходны с ними в такой же степени, в какой они сходны друг с другом». Соглашаясь с Флурансом, что в определениях вида, данных Бюффоном и Кювье, элемент сходства и различия представляется в известной мере гипотетическим, Причард следующим образом уточняет формулу Кювье: «Виды—это просто группы растений или животных, которые, как мы определенно знаем или можем заключить на основании достаточных данных, произошли от одного и того же ствола, т. е. от родителей, в точности сходных и никоим образом не отличающихся друг от друга»⁴². Существование таких групп (видов) Причард считает совершенно бесспорным фактом, но столь же бесспорным представляется и наличие не только индивидуальных различий между особями, принадлежащими к одному виду, но и постоянных

⁴⁰ E. B. Poulton. Essays..., p. 177.

⁴¹ Цит. по кн.: Т. Вайц. О видовом единстве человеческого рода. Перевод А. П. Федченко. СПб., 1867, стр. 21. См. также: H. Daudin. Cuvier et Lamarck. Les classes zoologiques, t. 2. Paris, 1926, p. 15—17.

⁴² J. C. Prichard. The natural history of man, p. 10.

разновидностей (рас), общая принадлежность которых к одному и тому же виду доказывается возможностью плодовых скрещиваний между ними. Сходство, говорит Причард, требует объяснения не в меньшей степени, чем различие, и существование различных слабых отклонений от видового типа наводит на мысль о первоначальном сродстве. Правда, продолжает он, если пойти слишком далеко по этому пути, можно оказаться во власти опасных спекуляций, что и случилось «с теми натуралистами, которые широко поддерживают трансмутацию родов и видов... но такого рода идеи представляют собой всего лишь предположения»⁴³.

Отвергнув возможность трансмутации видов (т. е. эволюции), Причард допускает, однако, внутривидовую изменчивость и образование в пределах вида вариаций и постоянных разновидностей. Как первые, так и вторые не первичны (в противоположность видам), а возникли на протяжении существования вида. Вариации становятся постоянными, если они устойчиво передают свои особенности из поколения в поколение. Таким образом, различие между видами и постоянными разновидностями заключается в следующем: «Виды отличаются двумя свойствами, а именно — первичностью своих отличительных признаков и постоянством передачи их по наследству; постоянным разновидностям свойственно только второе»⁴⁴. Постоянные разновидности и суть расы в том смысле, как этим термином пользуются антропологи, но при этом часто молчаливо допускается, будто расовые различия являются примордиальными (исзначальными, исконными) и непрерывно передавались из поколения в поколение. Однако раса, охарактеризованная таким образом, представляла бы собой вид в строгом смысле этого слова.

Существует два метода решения вопроса о том, имеем ли мы дело с различными видами или только с разновидностями (расами) одного и того же вида. Первый метод — выяснение истории вида и разновидности. Однако наши сведения в подавляющем большинстве случаев настолько ограничены, что этот метод оказывается крайне сложным, трудным и ненадежным. Более простым и надежным методом Причард считает проверку способности исследуемых видов или разновидностей давать промежуточные плодовые гибриды. Можно считать «почти самоочевидным законом», говорит он, что «во всей природе мы не найдем ни одного случая промежуточной трибы, произведенной путем скрещивания двух различных видов, твердо известных как таковые. Если бы такой случай обнаружился, то это было

J. C. Prichard. Researches... v. 1, p. 105—109.
Там же, стр. 109.

бы поразительной аномалией»⁴⁵. И если бы, продолжает он, это было не так, «как могли бы сохраниться порядок и в то же время многообразие животного и растительного творения?» Такое смешение, если бы оно действительно было возможно, уже давно должно было наступить. Однако реальная картина мира показывает, что однообразное и регулярное воспроизведение видов сохраняется в мире постоянно, «границы каждого отдельного вида остаются теми же, какими, вероятно, они были много тысячелетий тому назад; ясно, что консервация различных видов была закреплена во всех разделах органического творения». Возможность широкой гибридизации допускали Линней и некоторые другие ботаники, однако опыты Декандоля, Гертнера, Линдлея доказали, что, как правило, межвидовые гибриды, если они вообще могут быть получены, оказываются бесплодными или в лучшем случае вырождаются и исчезают в третьем поколении. Таким образом, заключает Причард, могут быть получены только «гибридные растения [отдельные особи], но не гибридные расы».

Далее Причард ссылается на мнение «столь авторитетного ученого, как Найт», который писал: «Я никогда не видел гибридного растения, которое способно было бы приносить потомство и относительно которого было бы с достаточной степенью убедительности доказано, что оно произошло от двух первоначально различных видов, и я продолжаю поэтому оставаться при убеждении, что среди существующих ныне видов, способных приносить потомство, нет ни одного, который бы не вышел как таковой непосредственно из рук Творца». Это положение, а также признание того факта, что разновидности (расы) растений, животных и человека дают при скрещивании плодовых гибридов, образующих промежуточные между исходными расами племена, приводит Причарда к выводу, что все расы человека принадлежат к единому виду, а не являются различными видами.

Значительная часть первого тома третьего издания труда Причарда (стр. 13—102) посвящена вопросу о том, представляет ли собою каждый из современных видов растений и животных потомство единой пары родителей или же он первоначально возник в разных местах, происходит из нескольких различных источников. Иными словами, Причард рассматривает здесь вопрос о единстве или множественности центров происхождения (Причард говорит: центров творения) каждого вида. Рассмотрев обширный материал по географическому распространению

⁴⁵ Эта и следующие цитаты о гибридизации взяты нами из цитированного неоднократно труда: J. C. Prichard. The natural history of man... p. 11—18.

растений и животных, Причард отвергает как точку зрения Линнея, по которой все виды растений и животных получили начало в одном общем центре или в одной ограниченной области, откуда они затем распространились по всей земле, так и точку зрения Рудольфи и других, по которой каждый вид образовался в самых различных местах на земле совершенно независимо. Присоединяясь к мнению Вильденова, Причард приходит к следующему заключению по этому вопросу: «Различные трибы [виды] органических существ были первоначально поселены Творцом в определенных областях, к которым они были по своей природе специально приспособлены. Каждый вид имел только одно начало в виде единственного корня: вероятно, как предполагал Линней, сначала была призвана к существованию единственная пара в некотором особом месте, и потомству оставалось самостоятельно распространяться на столь большое расстояние от первоначального центра своего пребывания, на какое ему позволяли переселяться уделенные ему способности передвижения или его способность переносить воздействие изменения климата и других физических факторов».

Принимая, как и большинство биологов-креационистов его времени, внутривидовую изменчивость, Причард сделал попытку теоретически осмыслить известные в то время данные и выяснить закономерности образования в пределах вида постоянных разновидностей. Систематизированный обзор вопроса дан им в его труде 1843 г. (в главах VI—IX, стр. 26—75), где он широко использовал материал по породам домашних животных, «у которых явления изменчивости в высшей степени замечательно выражены» (стр. 27). Мы не знаем диких прародителей наших домашних животных, но некоторое представление о них дают нам породы, вывезенные из Европы в Америку и одичавшие там. В ряде стран Южной Америки они нашли для себя благоприятные условия существования, размножились и при этом несколько изменились. Эти изменения, говорит Причард, можно рассматривать как «реставрацию» их дикого состояния. В понимании того, что здесь происходит, Причард присоединяется к следующим трем положениям Рулэна (Roulin): 1) при переселении животных в новую область не только отдельные особи, но и расы в целом нуждаются в «согласовывании» их физической конституции с климатом; 2) эта акклиматизация заключается в некоторых постоянных изменениях в конституции животных, приводящих их в состояние приспособленности к климату; 3) восстановление у животных дикого состояния вызывает возврат к первоначальным признакам дикой трибы. Из этого можно сделать тот вывод, говорит Причард, что под воздействием разнообразных причин у породы возникают длительные

изменения в привычках и даже образуются новые наследственные инстинкты, приводящие к постоянным изменениям или модификациям в функциях животной жизни. Так, развившаяся у европейских коров способность к постоянной секреции молока исчезает у коров в Колумбии вследствие того, что их перестали там постоянно доить; размеры вымени уменьшились, и корова дает молоко только пока кормит теленка; если теленок умирает, отделение молока прекращается. «Все такие изменения развертываются только в ограниченных пределах» (стр. 40).

Причард полагает, что данные об изменениях, развившихся на протяжении трех столетий у пород, ввезенных в Америку, представляют, быть может, наилучшие установленные примеры того действия, которое оказывает на расы животных изменение внешних условий. Они показывают, по крайней мере, какого рода отклонения мы можем ожидать при подобных обстоятельствах. Можно предположить, что в более длительный период времени обнаружили бы более значительные различия. В этом можно убедиться путем сравнения различных пород наиболее древних одомашненных животных Старого света. Хотя мы не имеем данных об их общем происхождении, но оно кажется весьма вероятным. У крайних форм различия очень велики, но вместе с тем они настолько многочисленны, что нетрудно обнаружить переходные звенья, показывающие, что здесь нет того резкого разграничения, какое существует между разными видами, мы имеем здесь почти нечувствительные переходы. Во многих случаях мы имеем бесспорные доказательства того, что изменения в организации и привычках возникли под действием изменений в образе жизни и особенно под действием перевода пород в новые климатические условия. Исследования Кювье, Палласа, Эрмана, Меккеля, Штурма, Марселя де Сетра и других показывают, что разнообразные породы овец, лошадей, рогатого скота, собак, кур представляют собою не что иное как постоянные разновидности, возникшие указанным образом.

Пытаясь создать теорию внутривидовой изменчивости, понять природу отклонений от видового типа и их возможный размер, Причард обращается к учению Блуменбаха об «образовательном стремлении» («Bildungstrieb» или «Nisus formativus»). Он пишет: «Мы не можем рассматривать эти изменения [разновидности] как явления случайные. Они являются результатом особенной тенденции, или процесса, в животной экономике, производящей изменения, которые необходимы для продолжения существования триб [видов] или рас в определенных внешних условиях». Это и есть «образовательное стремление» Блуменбаха, которое Причард определяет как «результат жизненного устройства живых тел, благодаря которому организация получает осо-

бос направление со стороны внешних условий, а иногда проявляется весьма замечательные отклонения от своего обычного единообразия». Благодаря деятельности «образовательного стремления» все изменения целенаправлены, целесообразны: все изменения, говорит Причард, «имеют тенденцию сохранять каждую трибу и поддерживать продолжение ее существования в новых условиях». Тенденция эта приводится в действие различными факторами. Одним из них является перемена «климата» (т. е. совокупности физико-географических условий), другим, и притом весьма важным, является одомашнение: оно «вызывает значительно большее изменение во всем образе существования, чем перемена климата может произвести у животных в диком состоянии», ибо «доместикация — не случайное и временное воздействие на отдельных особей, а модификация расы, делающая ее приспособленной к существованию в новых условиях». Таким образом, например, ряд изменений, «приобретенных на протяжении многих поколений, мог сделать домашнюю собаку столь отличной от ее дикого предка, приводя ее характер постепенно из одного поколения в другое, в согласие с условиями ее существования». Причард считает «конечную причину такой заботы природы очевидной, так как без нее одомашненные животные не могли бы вообще существовать». Однако учение о «конечных причинах» («causal finales») весьма мало похоже на ту строго основанную на фактах науку, к которой, по его неоднократным заявлениям, стремился Причард. Почувствовав это, он торопится сделать следующую оговорку: «Мы не должны ссылаться на теорию конечных причин в обоснование этого факта [возникновения целесообразных изменений], хотя нет никаких трудностей, которые не позволяли бы связать этот возможный довод с принципами индуктивной философии. Факт покоится на явлениях, действительно наблюдавшихся» (стр. 40—62).

Подвергая затем подробному анализу различного типа изменения — морфологические, физиологические и психические, Причард приходит к следующему, основному для его теоретических представлений о внутривидовой изменчивости, заключению: «Вариации в форме и строении [то же, как он указывает далее, относится и к двум другим типам изменений] наблюдаются в потомстве одних и тех же родителей, и так как во всех органических трибах⁴⁶ существует весьма заметная тенденция к постоянной передаче по наследству любых телесных особенностей, какие когда-либо проявлялись, то мы получаем, таким

⁴⁶ Во времена Причарда термин «триба» пользовались произвольно для обозначения самых разнообразных систематических групп: подотряд, подсемейство, род, подрод, группа видов и даже вид как совокупность разновидностей.

образом, основание, на котором зиждется разнообразие пород, в действительности не существует ни одной трибы животных без такого рода разновидностей. Но эти отклонения от общего типа происходят всегда в определенных пределах, оставляя постоянными и неизменными видовые признаки трибы. Не всегда легко определить, какие признаки являются видовыми и какие особенности изменчивы. В общем, наиболее постоянны те признаки, которые имеют наибольшее значение для всего поведения трибы, например, число и форма конечностей, т. е. органов движения и перемены места, органы чувств, число и расположение зубов. Внешние признаки, например, окраска, особенности кожных покровов, фигуры, пропорции в длине и объеме конечностей, более подвержены отклонениям от общего стандарта» (стр. 62—63).

Из заключительных замечаний Причарда «о теории изменения или дегенерации» (стр. 74—75), в целом повторяющих приведенные выше положения, стоит, пожалуй, процитировать пятый пункт, в котором он совершенно недвусмысленно говорит о неизменности видов: «Все эти изменения возможны только в ограниченных пределах и всегда при сохранении своеобразного типа, каковым является тип вида. Каждый вид имеет определенный или поддающийся определению характер, охватывающий некоторые неизменные стороны внешнего строения, а также постоянные и неизменяемые особенности в законах его животной экономики и его психической природы. Только в этих пределах могут происходить отклонения под действием внешних условий».

Рассмотренные нами воззрения Причарда, как они изложены им в его двух последних трудах, не оставляют никаких сомнений в том, что он твердо придерживался креационистских воззрений, принимал извечное существование первозданных видов, но допускал, подобно другим креационистам, внутривидовую изменчивость и возможность возникновения в пределах вида отклонений от видового типа; эти отклонения возникают, по его представлениям, как целесообразные реакции на новые внешние условия [«климат», одомашнение, а в отношении человека — и «культура», которая на людей, на их психику действует еще сильнее, чем одомашнение на животных, «вызывая уклонения в едином видовом типе человека» (стр. 75)], причем неизменно целесообразный характер их определяется блуменбаховским мистическим принципом — «образовательным стремлением». В подавляющем большинстве случаев все такие изменения имеют тенденцию передаваться по наследству, благодаря чему они закрепляются, и это приводит к образованию постоянных разновидностей, сохраняющихся из поколения в поколение до

тех пор, пока не изменятся условия, к которым они приспособлены.

Вся эта концепция Причарда вполне согласуется с его общим мировоззрением, которое, как было показано выше, прочно установилось у него с самого начала его научной деятельности; мировоззрение это во всех своих основных чертах совпадало с ортодоксальной верой в библейское сказание о сотворении мира в той его форме, которая была разработана Кювье и его последователями.

Вместе с тем необходимо отметить и положительные черты труда Причарда: его моногенизм и обстоятельную разработку им огромного фактического материала по географическому распространению животных и растений и по породам домашних животных. Это было сделано им в порядке литературной сводки обширного материала, собранного многочисленными авторами конца XVIII и начала XIX вв., и хотя использование этого материала привело к ошибочным выводам, доказательство единства центров происхождения видов растений и животных и материал по изменчивости домашних животных оказался, несомненно, полезным для позднейших исследователей. Недаром Дарвин на листке, прикрепленном к первому тому третьего издания труда Причарда, перечислив отмеченные им страницы, написал: «Как все это похоже на мою будущую книгу!» Можно вполне согласиться с Фр. Дарвином и Сьюордом, которые, общая об этом, высказывают предположение, что Дарвин имел в виду, разумеется, не антиэволюционную концепцию Причарда, а обсуждение им вопроса о единстве центров происхождения на основании обширных данных о географическом распространении животных и растений⁴⁷. Приведем один только разительный пример, подтверждающий это. В 1836 г. Причард в качестве одного из доводов в пользу допущения единства «центров творения» приводит тот факт, что «отдаленные от материков острова полностью лишены млекопитающих (за исключением явно завезенных человеком или попавших туда случайно)»⁴⁸. Иными словами, с точки зрения креациониста Причарда виды млекопитающих, каждый из которых был создан в одном определенном центре, не могли из этих центров своего сотворения самостоятельно добраться до островов. Вполне признавая этот факт и основываясь на тех же примерах, что и Причард (Кергеленские острова, Хуан-Фернандес, Ново-Шотландские, Галапагосские острова, Новая Зеландия и др.), Дарвин в 1837 г., в своей «Первой записной книжке о трансмутации видов» усматривает в отсутствии млекопитающих на островах опровержение

⁴⁷ «More letters of Charles Darwin...», p. 46.

⁴⁸ J. C. Prichard. Researches... p. 95.

креационизма: «Следует настойчиво подчеркивать, что крупные млекопитающие не обнаружены на всех островах. Если имели место акты нового творения, почему крупные млекопитающие не были произведены [т. е. созданы] в Новой Зеландии? Если же они порождали друг друга, ответ может быть дан»⁴⁹. И вот ответ, как совершенно очевидно, совпадает с ответом Причарда (они не могли переселиться на острова из центров своего происхождения), но выводы Дарвина и Причарда прямо противоположны.

Нам остается рассмотреть вопрос, действительно ли Причард в 1826 г. во втором издании своего труда в полном противоречии с воззрениями, высказанными им в 1808—1813 и 1836—1847 гг., стал на эволюционную точку зрения и даже «близко подошел» к объяснению происхождения новых форм под действием естественного отбора (а по словам Дарлингтона, «ясно и подробно развил» такого рода объяснение).

В издании 1826 г. Причард следующим образом определяет сущность понятия вид: «Смысл, связываемый с термином вид в естественной истории очень прост и ясен. Он заключает в себе только одно обстоятельство, а именно: первичную особость и постоянную передачу по наследству любого признака. Раса животных или растений, отличающаяся какими-либо особенностями строения, которые всегда были постоянными и неотклоняющимися, составляет вид»⁵⁰. Как видим, это определение, подчеркивая изначальное постоянство видов, ничем не отличается от того понимания вида, которое было развито Причардом в его работах 1836 и 1843 гг. Более того, вслед за этим определением мы находим в издании 1826 г. то же прямое отрицание возможности трансмутации видов, которое уже знакомо нам по изданию 1836 г.: «Должен действительно быть какой-то принцип, при помощи которого можно объяснить явления сходства так же убедительно, как и явления различия, и отнесение нескольких форм к общему типу рассчитано, по-видимому, на то, чтобы внушить идею некоторого первоначального сродства; так как, однако, это только предположение, не следует принимать его во внимание, если наши исследования имеют в виду одни только факты»⁵¹.

В шестой главе второго тома издания 1826 г., озаглавленной «Приспособление определенных пород к особым местным условиям» Паултон обнаруживает у Причарда «абзац, наиболее примечательный с точки зрения современных взглядов на орга-

⁴⁹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, стр. 107.

⁵⁰ Цит. по кн.: «More letters of Charles Darwin»... р. 43.

⁵¹ Там же, стр. 44.

ническую эволюцию и того рода доказательств ее, на которые может полагаться нынешний натуралист»⁵². В этом абзаце, так же как и в издании третьем (1836 г.), речь идет о том, что виды какого-либо семейства или рода часто распределяются вокруг некоторого центра, «который кажется главным фокусом или благоприятным местом обитания трибы», откуда виды распространились по разным направлениям. Если, говорит Причард, сравнить разные виды, то их можно отнести «к одному типу организации». Незначительные различия между ними «кажутся теряющимися в одинаковости формы, свойственной роду, и внушают даже подозрение, что все они произошли от одной исходной формы». Повторив здесь уже знакомую нам фразу «явления сходства так же, как и явления различия, должны иметь свое достаточное основание», Причард ставит затем вопрос: должны ли мы верить, что «при первоначальном образовании какого-либо рода, когда он впервые начал свое существование, некоторая незначительная модификация производящих причин с самого начала вычеканила его со всеми его видовыми различиями? Или же более вероятно полагать, что видоизменение произошло уже после возникновения рода и что при своем сотворении род был однообразен и лишь впоследствии стал разнообразным под действием внешних факторов?» Очевидно, что первое из этих двух допущений есть не что иное, как признание креационистской веры в первозданность видов, которые «с самого начала» были «вычеканены» «производящими причинами» (т. е. волею творца) по единому типу рода, между тем как второе требует признания «сродства» видов, которые возникли из единого и единообразного рода под действием внешних факторов. Какое же из этих двух решений вопроса представляется приемлемым Причарду? Не колеблясь, он указывает, что «первое из этих предположений и является заключением, к которому нас приводит все, что может быть установлено относительно границ вида и объема изменений, происходящих под влиянием причин, существующих и действующих в настоящее время»⁵³.

Из приведенного видно, что и в издании 1826 г. Причард придерживался тех же креационистских воззрений, что и в ранних и последних изданиях своего труда. Он не видел в природе, в «существующих и действующих в настоящее время» причинах те факторы, которые могли бы преобразовывать одни виды в

⁵² E. B. Poulton. *Essays...*, p. 188.

⁵³ Приведенные в настоящем абзаце цитаты (кроме последней) заимствованы из статьи Паултона (1908, стр. 188—189), последняя же цитата — из статьи Фр. Дарвина и Сьюорда (стр. 44). Паултон ограничился лишь указанием, что с точки зрения Причарда первая из этих альтернатив «более решительно предписывается состоянием знаний в его время».

другие. Можно лишь удивляться тому, как дарвинист Паултон мог усмотреть в трактовке Причардом вопроса о центрах «творения» родов и видов растений и животных современный эволюционистский смысл. Во вполне креационистском, а не эволюционном смысле следует понимать и фразу Причарда, являющуюся непосредственным продолжением приведенной только что цитаты: «Какое бы из этих предположений ни было фактически правильным, разделение семейств и родов на отдельные виды и распределение этих видов по особым местообитаниям в соответствии с физическими особенностями последних представляют собою очевидно часть тех мер предосторожности природы, при помощи которых она заполнила землю живыми обитателями, помещенными каждый в таком месте, в котором почвы и температуры соответствовали их строению и повадкам»⁵⁴. Невозможно не видеть в этой формуле выражения той же мысли, которую с большей откровенностью высказал Агассиц в 1859 г. во время диспута в американской академии наук по вопросу о географическом распределении растений: «Животные первоначально были распределены на земной поверхности согласно плану, который мы сейчас вряд ли можем понять, но независимо от влияния климата. Этот план включает подготовку поверхности земли и различных внешних условий существования ее обитателей еще до того, как эти последние были созданы, точно так же, как хозяин закладывает основание дома, возводит надстройку и оборудует внутреннюю обстановку для жилья еще до того, как он поселится в доме»⁵⁵.

В чем же, однако, усмотрели Паултон и другие авторы идею естественного отбора во втором издании труда Причарда? Изложив приведенные выше соображения о приспособленности видов к условиям обитания, которая, по мнению Причарда, выражает, как мы видели, целесообразное распределение творческой силой созданных ею животных в соответствующих их строению условиях обитания, Причард задает вопрос: «Но почему мы должны предполагать, что действие этого закона, приспособления остановилось здесь? Не возможно ли, что разновидности, возникающие в пределах отдельных видов, представляют собой дальнейшие приспособления строения к условиям, в которых трибе предназначено существовать? Разновидности отвечают от общей формы вида, точно так же как формы вида отклоняются от общего типа рода. Почему же один класс явлений должен быть в большей мере, чем другой, лишен цели или по-

⁵⁴ Цит. по кн.: E. B. Poulton. Essays..., p. 189.

Цит. по статье: С. Л. Соболев. Полемика вокруг идей Дарвина в период, предшествовавший выходу в свет «Происхождения видов». «Журн. общ. биол.», 1940, т. 1, № 1, стр. 92.

лезности и являться просто результатом непредвиденного обстоятельства или случая?». Приведя затем ряд примеров пород домашних животных, обнаруживающих в своем строении «особое отношение к местностям, в которых они помещены», Причард заключает: «Рассматривая эти и аналогичные явления, мы вряд ли можем избежать заключения, что варьирование животных происходит согласно некоторым законам, при помощи которых строение приспособляется к необходимым местным условиям»⁵⁶. По поводу этой фразы Паултон пишет: «Это заявление на первый взгляд кажется очень похожим на естественный отбор. Ясно, однако, что Причард придерживался взгляда, сходного с тем, что некоторые современные авторы называют «selfadaptation» [прямым приспособлением], а именно — внешние условия таким образом действуют на организм, что прямо вызывают благоприятную реакцию»⁵⁷. В действительности, однако, Причард нигде (по крайней мере, в тех цитатах, которые приводят Паултон, Фр. Дарвин и Сьюорд, Зэркл и др.) в издании 1826 г. не раскрывает сущность тех «естественных законов», которые вызывают у растений, животных и человека возникновение приспособительных изменений, хотя он не устает повторять, что «разновидности видов животных возникли согласно естественному принципу, видоизменяющему строение и конституцию рас и приспособляющему их к физическим условиям, при которых этим расам назначено существовать»⁵⁸. Мы знаем уже, что в изданиях 1836 и 1843 гг. Причард сформулировал этот «естественный закон» как Blumenbachовское «образовательное стремление», которое в ответ на то или иное действие внешних условий порождает у вида целесообразные изменения. Нам кажется, что это представление является логическим завершением телеолого-креационистских воззрений Причарда, которые с такой определенностью высказаны им во всех изданиях его труда, включая и издание 1826 г. Если бы Паултон оценивал высказывания Причарда в свете этих его общих воззрений, он не мог бы усмотреть в приведенной выше фразе не только принцип естественного отбора (от чего, впрочем, он тут же отказался), но даже и теорию прямого приспособления.

С несколько большим основанием Зэркл и Паултон усмотрели принцип естественного отбора в обсуждении Причардом вопроса о вымирании европейцев в тропических и негров в холодных странах. Вот что он пишет по этому поводу: «По-видимому, представители европейских наций с трудом переносят

Е. В. Poulton. Essays... p. 190.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 191.

пребывание в тропической Африке. Вредность тропического климата для конституции европейцев крайне велика, и до настоящего времени, несмотря на многочисленные попытки колонизации, одного этого было достаточно, чтобы помешать количественному росту любой группы белых людей на африканских берегах... С другой стороны, негры, по-видимому, физически неспособны упрочиться в Европе и других северных странах, иначе мы обнаружили бы их здесь в большом числе. Они в большей степени, чем какой-либо другой класс населения, подвержены заболеваниям чахоткой и золотухой, и редко, даже при самых благоприятных условиях, бывают здоровыми. Болезни, которым подвержена каждая из двух рас в климате, неподходящем для нее, препятствуют образованию и численному увеличению колоний белых в тропической Африке и негров в северных странах. Геродот сообщает, что некогда в Колхиде была основана колония африканских черных, но с тех пор она уже давно сократилась в числе и исчезла». Само по себе это рассуждение о вредности чуждого климата для рас, приспособленных к жизни в резко отличных физико-географических условиях (при этом Причард рассматривает этот факт как явление чисто биологическое и игнорирует его социальную сторону, что, впрочем, было обычным в его время), вовсе еще не содержит в себе признания принципа естественного отбора.

Однако Паултон и Зэркл цитируют еще и другое место из издания 1826 г., основанное на этом рассуждении и с несомненностью показывающее, с их точки зрения, что Причард очень близко подошел к формулированию этого принципа. Заявив, что расы человека «развились и сохранились в связи с особыми климатами и различиями в местных условиях». Причард полагает, что «одна причина, имеющая тенденцию утвердить это отношение, очевидна: особи и семьи, и даже целые колонии погибают и исчезают в климатах, к которым они по особенностям своей конституции не приспособлены»⁵⁹. В этой фразе, несомненно, высказана одна из сторон принципа естественного отбора (устранение неприспособленных). Однако Причард применяет этот принцип в крайне ограниченном смысле — только по отношению к расам человека, и, кроме того, он вовсе не имел в виду объяснить при помощи этого принципа самый процесс расообразования (происходящий с его точки зрения в силу совершенно иных закономерностей), а лишь видел в нем одну из причин, поддерживающих отношения между уже возникшей расой и условиями ее обитания.

⁵⁹ Обе последние цитаты заимствованы из кн.: C. Zirkle. *Natural Selection...* p. 105—106.

Рассмотренная в предыдущем абзаце фраза и является, в сущности, тем единственным высказыванием Причарда во втором издании его труда, на основании которого Паултон и другие авторы отнесли его к эволюционистам и приписали ему открытие принципа естественного отбора. Как мы могли убедиться, утверждения эти основаны на использовании изолированных цитат, которые к тому же приводятся без малейшей попытки проанализировать их в свете общебиологических воззрений Причарда. Очевидно, что в той ограниченной и неотчетливой форме, в какой идея естественного отбора была высказана Причардом в 1826 г., она даже и не была осознана им как таковая, не говоря о том, что в системе его воззрений естественный отбор вообще не мог играть роли как фактор эволюционного преобразования видов. Но даже в отношении процесса порообразования (вернее, расообразования, поскольку у Причарда речь идет о расах человека) этот принцип занял у него лишь второстепенное и подчиненное место. Нет поэтому никаких серьезных оснований для утверждения, будто после 1826 г. Причард отошел от эволюционной идеи или, тем более, затушевал, подавил ее в связи с критикой эволюционизма, развернутой за десять лет до того церковниками против Лоуренса. Можно думать скорее, что, оставаясь в течение всей своей научной деятельности на позициях креационизма, Причард в последовательных изданиях своего труда придавал своей концепции все более строгий, более последовательный характер.

В издании 1826 г. Причард, «так же как и десяток-другой английских авторов» (слова Дарвина, цитированные нами выше), говорит об искусственном отборе. Паултон приводит следующую цитату из этого издания: «Обычно предполагают, что культивирование — наиболее продуктивная причина изменений породы как в животном, так и в растительном царствах. Но можно спросить, действительно ли культивирование дает начало совершенно новым изменениям или же оно лишь воспитывает и умножает те изменения, которые возникли естественным путем, или, как говорят, случайно? При этом последнем пути влияние искусства в установлении пород, например, скота, собак, лошадей, очень важно. Искусственный процесс заключается в тщательном отборе тех особей животных, которые случайно обладают в большей степени, чем обычно, какими-либо особыми признаками, которые желательно прочно закрепить. Эти особи берутся для размножения породы, и внимание повторно уделяется тем же обстоятельствам до тех пор, пока при непрерывном усилении этого действия не установится в породе особая фигура, окраска, пропорции членов или какое-нибудь другое желательное качество, а в дальнейшем единообразие породы поддерживается

путем устранения из нее какой-либо разнородности, которая может случайно возникнуть в ней»⁶⁰.

По поводу этой фразы Паултон замечает: «Главный итог неутомимых трудов Дарвина по вопросу об образовании домашних пород не мог бы быть более точно изложен, чем в этих словах, написанных в 1826 г.»⁶¹. Действительно, искусственный отбор как метод развития и упрочения в породе тех или иных желательных качеств охарактеризован здесь Причардом совершенно отчетливо. По существу, однако, мы имеем здесь дело с точным описанием широко известного во времена Причарда технического опыта животноводов и растениеводов. В отношении же причин возникновения целесообразных изменений (в данном случае «полезных» изменений) Причард ни на йоту не отклоняется от принятых им и уже известных нам взглядов. Из приводимых Паултоном цитат видно, что, как и в изданиях 1836 и 1843 гг., Причард считает, что такие изменения возникают в новых условиях, в которые оказывается поставленным организм, а именно — в измененных физико-географических условиях и при одомашнивании. Рассмотрев ряд примеров, показывающих, что совершенно различные животные (например, ангорские кролики, козы и кошки) в одних и тех же физико-географических условиях обнаруживают параллельные изменения (в данном случае наличие длинной тонкой шелковистой шерсти белого цвета), Причард приходит к выводу, что подобные факты «указывают на какую-то общую причину, особенно своеобразную в условиях, при которых эти животные существуют в климате и местности, занятых ими» и, следовательно, доказывают, что эти местные разновидности специально приспособлены «к условиям страны, в которой данное отклонение возникло»⁶².

Пытаясь понять механизм возникновения подобных изменений, Причард говорит: «Можно действительно задаться вопросом, не основаны ли вообще отклонения, которые, по-видимому, следуют какому-то изменению климата, на законе животной экономии, который вызывает изменение в породе, рассчитанное на приспособление расы к ее новому местопребыванию?» С этим положением мы уже встречались при рассмотрении поздних изданий труда Причарда; единственным отличием является то, что в 1843 г. Причард разъяснил, что основным моментом «животной экономии», определяющим целесообразную реакцию организма на измененные условия климата или на одомашнивание, которая выражается в появлении целесообразных измене-

⁶⁰ E. B. Poulton. Essays... p. 186.

⁶¹ Там же, стр. 187.

⁶² Эта и следующая цитаты взяты из кн.: E. B. Poulton. Essays... p. 187—188.

ний физических, физиологических и психических признаков, является «образовательное стремление». Таким образом, искусственный отбор представлялся Причарду не пороодообразующим фактором, а лишь методом упрочения и размножения пород, обладающих желательными качествами, которые возникли под действием «животной экономии», т. е. мистического «образовательного стремления».

Обнаружение у Причарда «эволюционных идей» было сделано Паултоном, так сказать, попутно. Главное, что первоначально привлекло его внимание к изданию 1826 г., было впервые, якобы, провозглашенное здесь Причардом отрицание передачи по наследству приобретенных признаков. Паултон, правда, обнаруживает, что даже в пределах издания 1826 г. высказывания Причарда по этому вопросу противоречивы, что Причард то признает, то решительно отрицает наследуемость приобретенных признаков, но это, по его словам «не меняет дела: все равно, некоторые высказывания Причарда сохраняют интерес как предвосхищение современных идей, хотя сам он был непоследователен, а в дальнейшем и вообще отказался от своих ранних взглядов»⁶³. Посмотрим, как в действительности обстоит дело.

Следует прежде всего указать, что идея ненаследуемости приобретенных признаков была отчетливо высказана Причардом впервые не в 1826, а в 1808 г. в его латинской диссертации. Вот что писал здесь Причард: «Многие нации придают своему телу неестественную форму: индейцы уплощают лоб, китайские женщины уменьшают размер стопы до одной трети ее естественных размеров, дикари удлиняют ушные раковины, многие расы обрезают крайнюю плоть. Мы часто увечим наших домашних животных укорачивая им хвосты или уши, и сами мы вследствие болезни нередко подвергаемся потере членов тела. То, что никакая деформация, никакое уродование этого рода не являются наследственными, с такой полнотой доказано всем, что мы видим вокруг нас, что приходится удивляться противоположному мнению, защищаемому некоторыми лицами... Если бы не этот благотворный закон, какое ужасающее зрелище представила бы нам любая раса животных! Неудачи всех предшествующих времен отяготили бы нас своим соединенным бременем, и перечесть их продолжал бы непрерывно возрастать до тех пор, пока вселенная, вместо того, чтобы представлять зрелище красоты и удовольствия, оказалась бы переполненной увечными, несовершенными и уродливыми созданиями»⁶⁴.

⁶³ E. B. Poulton. Essays..., p. 174.

⁶⁴ Цит. по кн.: W. Lawrence. Lectures on physiology... p. 437—438.

Причард был очень осведомленным в научной литературе чело­веческом и весьма примечательно, что он вовсе не приписывает себе формулировку изложенного положения. Приведенную цитату он открывает следующей фразой: «Кажется, ничто не считается более общепризнанным, чем то, что все приобретенные состояния тела, произведены ли они искусственно или случаем, заканчиваются вместе с жизнью той особи, у которой они были произведены»⁶⁵. Казалось бы, что это последнее утверждение решительно противоречит тому общеизвестному факту, что во времена Причарда и много позже передача по наследству приобретенных признаков признавалась очень широким кругом биологов и врачей. Следует, однако, учесть, что Причард говорит о таких случайно полученных или намеренно произведенных уродованиях, которые резко нарушают нормальное для данного вида животных строение тела. Допущение передачи по наследству такого рода изменений действительно нарушило бы всю организацию вида и привело бы органический мир в состояние полного хаоса, как это очень красочно описал Причард.

В издании 1826 г. Причард к прежним доводам добавляет еще новые. Как врач, он хорошо знал, что личный иммунитет, приобретенный людьми, переболевшими «оспой, корью, скарлатиной, коклюшем», никогда не передается по наследству. Из этого он делает тот вывод, что «незаметные модификации в строении тела, которые делают его конституцию неподдающейся действию некоторых безвредных ядов, управляются в отношении их наследственной передачи тем же законом, как и видимые изменения формы, вызванные искусством или случаем»⁶⁶. Смысл описанного таким образом Причардом закона ясен: этот закон предназначен поддерживать неизменность видов в их первоначальной форме. «Мы можем вообще заметить,— говорит он,— что каждое индивидуальное существо во всем животном и растительном мире обладает некоторыми законами организации запечатленными в его первичном зародыше; согласно этим законам предопределено все будущее развитие его строения. Эти врожденные или самопроизвольные тенденции, управляющие будущим развитием тела заставляют его принимать определенные качества формы и строения в различные периоды роста... Очевидно, такого рода самопроизвольные тенденции являются единственно наследственными и какие бы то ни было изменения организации, дополнительно произведенные внешними условиями и чуждые тому характеру строения, который запечатлен в исход-

⁶⁵ Цит. по кн.: W. Lawrence. Lectures on physiology... p. 437—438.

⁶⁶ Цит. по кн.: E. B. Poulton. Essays..., p. 182.

ных зародышевых элементах, исчезают вместе с особью и не оказывают никакого влияния на расу»⁶⁷.

Паултон склонен усмотреть в этой фразе глубокое сходство с современными генетическими теориями. Нам кажется, что исторически правильнее считать, что эта фраза представляет собою выражение идеи постоянства видов и что она вполне соответствует положению, сформулированному Причардом в третьем издании его труда в следующих словах: «Даже те физиологи, которые настаивают на том, что обозначается как неопределенная природа вида, признают, что в настоящее время и при определенных условиях виды имеют границы. Какие бы разнообразные формы не имели место, они возникают без того, чтобы был сломан характерный тип вида. Этот тип передается из одного поколения в другое: козы порождают коз и овцы — овец»⁶⁸. В сущности та же мысль выражена Причардом и в следующем положении во втором издании (1826 г.): «Это, по-видимому, закон животной экономии, согласно которому организация потомства, которая, как мы видели, следует типу, данному естественным и первоначальным строением родителей, не подвергается изменениям, которые испытали родители, и остается вне влияния какого-либо нового состояния, которое могли приобрести родители»⁶⁹. Во всех этих положениях Причарда идея неизменности видов получила, как в третьем, так и во втором изданиях его труда вполне законченное выражение.

Мы уже знаем, однако, что и в издании 1826 г. Причард признавал возникновение разновидностей, пород, рас под воздействием измененных условий существования (климата, доместикации, социальной культуры) в границах одного и того же вида. Так, в издании 1826 г. он писал: «Кажется вероятным, что такие местные условия, которые наиболее благоприятны для какой-либо особой расы, фактически способствуют появлению таких разновидностей, которые наилучше подходят для них, или склонны давать начало образованию их в породе»⁷⁰. Это значит, однако, что приобретенные изменения все же передаются по наследству, и Причард не отрицает этого: «Несомненно, что отдельные изменения, раз установившись в породе и передаваемые по наследству на протяжении многих поколений подряд, станут постоянными, хотя первоначально они и явились до известной степени результатом действия местных причин, и будут долго сохраняться даже после того, как раса переселилась

⁶⁷ Цит. по кн.: E. B. Poulton. Essays..., p. 182—183.

⁶⁸ J. C. Prichard. Researches..., v. I, p. 243.

⁶⁹ Цит. по кн.: E. Poulton. Essays..., p. 180.

⁷⁰ Цит. по кн.: C. Zirkle. Natural selection... p. 106.

в другой климат из того, в котором она возникла»⁷¹. Паултон усматривает в этом внутреннее противоречие в рассуждениях Причарда, который, по его словам, странным образом не замечает, что приведенное рассуждение, «если бы оно оказалось верным, подорвало бы все его доводы» против передачи по наследству приобретенных признаков⁷².

Действительно было бы странно, если бы Причард в самом деле не видел необходимости согласовать оба свои положения, но он отлично сознавал эту необходимость. В 1826 г. он выдвинул предположение, что внешние причины, «действуя на родителей, так влияют на них, что они производят потомство, наделенное некоторыми особыми признаками, становящимися согласно закону природы наследственными и таким образом изменяющими расу»⁷³. Позже, однако, эта догадка показалась ему, вероятно, необоснованной и развивая известные уже нам положения 1826 г., он должен был придти к заключению, что учение Блуменбаха об «образовательном стремлении» находится в гораздо большем соответствии с креационизмом и лучше объясняет возникновение и закрепление приобретенных признаков, не нарушающих основных характеристик вида.

Чарлз Дарвин внимательно изучал третье издание труда Причарда, о чем свидетельствуют многочисленные его карандашные пометки на полях этого издания и его ссылки на Причарда, о которых мы уже говорили выше. Как сообщают Фр. Дарвин и Сьюорд, Дарвин обратил особое внимание на следующее место во II томе: «В других частях Африки часто встречается желтая разновидность [человека], однако она не возрастает в числе. Особи, отличающиеся этим признаком, подобны семенам, погибающим в несоответствующей почве»⁷⁴. Фр. Дарвин и Сьюорд высказывают предположение, что Дарвин увидел здесь, вероятно, неясный намек на естественный отбор и, быть может, имел намерение когда-нибудь процитировать эту фразу. Возражая в общем против выводов Паултона, Фр. Дарвин и Сьюорд вместе с тем полагают, что в «Историческом очерке» Дарвина «названы в качестве предшественников лица, эволюционные высказывания которых менее сильны, чем Причарда, и что Дарвин, несомненно включил бы сюда Причарда, если бы считал его эволюционистом»⁷⁵. Однако, как мы могли убедиться из анализа воззрений Причарда, Дарвин имел все основания не считать его эволюционистом; к тому же неоднократные от-

⁷¹ Цит. по кн.: E. B. Poulton. Essays... p. 192.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 185.

⁷⁴ J. C. Prichard. Researches..., p. 344.

⁷⁵ «More letters of Charles Darwin...», p. 44, 45.

рицательные реплики Причарда по адресу трансформизма Этьена Жоффруа Сент-Илера⁷⁶ не могли оставить у Дарвина никаких сомнений в том, с представителем какого лагеря он имеет дело в лице Причарда. Питая глубокое уважение к Причарду как выдающемуся антропологу и этнографу, разделяя с ним (но на иных основаниях) убеждение в истинности моногенизма, Дарвин тем не менее поступил совершенно правильно, не включив его в число ученых, которые отстаивали эволюционную идею хотя бы в ограниченной форме. Что касается заявления Дарлингтона, будто Причард (наряду с Уэллсом и Лоуренсом) «ясно и подробно развил теорию естественного отбора», то, принимая во внимание приведенные нами данные, можно только сказать, что в своих инсинуациях по адресу Дарвина Дарлингтон не слишком церемонится с историческими фактами.

УИЛЬЯМ ЧАРЛЗ УЭЛЛС
(1757—1817)

В октябре 1865 г. Дарвин писал Гукеру: «Кстати, о „Происхождении видов“: один янки обратил мое внимание на статью, приложенную к знаменитому „Трактату о росе“ доктора Уэллса: она была доложена в 1813 г. в Королевском обществе, но [в то время] не напечатана; он весьма отчетливо прилагает в ней принцип естественного отбора к человеческим расам. Итак, бедный старик Патрик Мэттью не является первым и больше не может или не должен печатать на титульных страницах своих работ „Впервые открывший принцип Естественного Отбора!“⁷⁷ В «Историческом очерке» Дарвин более подробно сообщает, от кого он узнал о статье Уэллса: «Я обязан м-ру Роули из Соединенных Штатов тем, что он обратил мое внимание, через м-ра Брейса, на приведенный выше отрывок из сочинения д-ра Уэллса»⁷⁸. Ознакомившись, таким образом, осенью 1865 г. с работой Уэллса, Дарвин включил характеристику его взглядов в «Исторический очерк» в 4-м издании «Происхождения видов», вышедшем в 1866 г. Дарвин писал здесь, что Уэллс «определенно признает принцип естественного отбора, и это первое кем-либо высказанное признание этого принципа»⁷⁹. Далее Дарвин пишет: «Уэллс допускает его [этот принцип] только по

⁷⁶ J. C. Prichard. Researches, v. I, p. 109.

⁷⁷ «Life and letters of Ch. Darwin», v. III, 1887, p. 41.

⁷⁸ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 3, стр. 263. Шрайок (см. ниже сноску 84) сообщает, что относительно Роули ему ничего не удалось узнать; что же касается Брейса, он предполагает, что «это Чарлз Лоринг Брейс», несомненно, интересовавшийся эволюционным учением и Дарвином.

⁷⁹ Ч. Д а р в и н. Сочинения, т. 3, стр. 263.

отношению к человеческим расам и то в применении к некоторым только признакам. Указав, что негры и мулаты не подвержены некоторым тропическим болезням, он замечает, во-первых, что все животные имеют склонность изменяться до известной степени и, во-вторых, что земледельцы улучшают свой домашний скот отбором; и затем он добавляет: то, что в последнем случае достигается „искусством, по-видимому, с одинаковым успехом, хотя и более медленно, осуществляется природой в процессе образования разновидностей человека приспособленных к странам, ими обитаемым. Из случайных разновидностей человека, появившихся среди первых немногочисленных и распыленных обитателей средних областей Африки, одна какая-нибудь, может быть, была лучше остальных приспособлена к перенесению местных болезней. Эта раса могла, следовательно, численно увеличиваться, между тем как другие должны были убывать не только вследствие их неспособности противостоять болезни, но вследствие невозможности конкурировать со своими более сильными соседями. Цвет этой более сильной расы мог быть на основании сказанного черным. Но так как это стремление к образованию разновидностей все еще сохраняется, то с течением времени могла образовываться все более и более черная раса, и так как самая темная могла оказаться наилучше приспособленной к климатическим условиям, то она и стала, наконец, преобладающей, если не единственной расой в той стране, в которой она возникла“ Затем он распространяет свои воззрения и на белых обитателей более холодных стран»⁸⁰.

На протяжении многих лет упоминания об Уэллсе (и как увидим дальше, о Мэттью) в эволюционной литературе ограничивались приведенной выше информацией Дарвина, в основном повторяя данную им характеристику взглядов Уэллса, в целом совершенно правильную и даже несколько преувеличивающую эволюционный аспект его воззрений. Так, Клодд писал в 1897 г., что через пять лет после обнаружения Мэттью «был извлечен из забвения другой предшественник Дарвина» д-р У. Ч. Уэллс, после чего изложил воззрения Уэллса словами Дарвина⁸¹. Примерно также писали об Уэллсе Осборн (1894), Томсон (1892 и 1909), Джэд (1910) и другие историки эволюционного учения⁸². Нео-

⁸⁰ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, стр. 263.

⁸¹ E. Clodd. Pioneers of evolution from thales to huxley. London, 1897, p. 153. Русский перевод: Э. Клодд. Картина мира. Детство человечества. Пионеры эволюции в XIX столетии. СПб., 1898, стр. 392—393.

⁸² H. F. Osborn. From the greeks to Darwin. Second edition. N. Y. — London, 1929, p. 320—321; J. A. Thomson. Darwin's predecessors. В кн.: «Darwin and modern science». Edited by A. C. Seward. 1910, p. 15; J. W. Judd. The coming of evolution. 1910. Русские переводы: Дж. Джуд. Революция в науке. Перевод под ред. В. Н. Маракучева. М., 1912, стр. 98; Дж. Джэд. Воз-

жиданная нота в трактовку взглядов Уэллса была внесена некоторыми новейшими авторами (Кофоид, 1943; Шрайок, 1946; Лернер, 1959; Дарлингтон, 1959), которые считают, что он «почти» или «вполне» высказал теорию эволюции путем естественного отбора и что Дарвин крайне ограничил его роль в создании научной эволюционной теории. С мнением Дарлингтона мы уже знакомы. Кофоид⁸³, с одной стороны заявляет, что высказанная Уэллсом «теория изменения наследственных особенностей живых существ путем естественного отбора заслужила и получила полное признание Дарвина», а с другой,— утверждает, будто Дарвин «проглядел» указание Уэллса на наличие у людей и животных постоянно встречающихся индивидуальных изменений большого или меньшего размера, его ссылку на часто встречающееся действие отбора у овец и пр. Если, однако, обратиться к приведенному выше тексту Дарвина легко увидеть, что утверждения Кофоида лишены каких бы то ни было оснований.

Шрайок усматривает разницу между Уэллсом и Дарвином только в том, что у первого «нет ни эксперимента, ни обширного материала доказательств, чем отличается работа Дарвина. Уэллс не собирал никаких данных, он обратился только к таким иллюстрациям, которые встретились ему мимоходом. Успех Дарвина таился в его обширном арсенале доказательств. По существу же вопроса надо сказать, что Уэллс сочетал две до тех пор изолированные идеи, давно знакомые биологам,— „естественный отбор“ и „происхождение видов“ — в существенно новую комбинацию. А эта комбинация и была главным в учении Дарвина». Вместе с тем, явно противореча самому себе, Шрайок пишет: «Что касается оговорок Дарвина, то, строго говоря, он был прав. Уэллс действительно говорит об образовании разновидностей человека. Но он мог бы с успехом сказать — и животных. Однако он не сделал этого. И все же, хотя он не говорит этого, почти хочется сказать, что он мог бы это написать! Но никакой эволюции у Уэллса и в помине нет»⁸⁴. Странные рассуждения! Хорошо ли понимает сам автор то, что он пишет?

никновение и развитие идеи эволюции. Перевод под ред. Н. Бобринского. М., 1924, стр. 60 (Джэд идет несколько дальше других авторов, заявляя, что Уэллс, Мэттью, Причард, Грант, Герберт «выражали взгляды в пользу эволюции и даже в некоторых случаях словно предчувствовали естественный отбор как способ для ее осуществления»).

⁸³ Ch. A. Kofoid. An American pioneer in science, Dr. William Charles Wells, 1757—1817, «Sci. Monthly», 1943, vol. LVII, p. 77—80.

⁸⁴ R. H. Schryock. The strange case of Wells' theory of natural selection (1813). Some comments on the dissemination of scientific ideas. Studies and essays in the history of science and learning offered in homage to G. Sarton... Edited by M. F. Montagu. N. Y. 1946, p. 195—207.

Наконец, Лернер⁸⁵ определенно заявляет, что, начиная с древности, принцип естественного отбора не раз выдвигался для объяснения внутривидовых приспособлений, но только в XIX в. он был впервые выдвинут Уэллсом и Мэттью в качестве механизма происхождения видов. Таким образом Лернер признает, что Уэллс стоял на вполне эволюционной точке зрения. Такой же точки зрения придерживается и Зэркл⁸⁶. Столь значительное расхождение во мнениях между старыми и новыми авторами и противоречивость в высказываниях некоторых из цитированных нами авторов вынуждает внимательнее ознакомиться с работой Уэллса. Приведем сначала краткие биографические сведения об Уэллсе⁸⁷.

Уильям Чарлз Уэллс, шотландец по происхождению, родился 24 мая 1757 г. в приморском г. Чарлстоне (Юж. Каролина, США), куда его родители эмигрировали из Шотландии в 1754 г. Отец Уэллса, состоятельный книгопродавец и издатель газеты, в 1767 г. отправил сына для получения среднего образования на родину, где он обучался сначала в школе в г. Дамфрисе (Сев. Англия), а затем в низших классах Эдинбургского университета. В 1771 г. Уэллс вернулся в Чарлстон, где он несколько лет занимался естествознанием у местного натуралиста д-ра Гардена. В 1775 г., когда началась американская война за независимость от Англии, Уэллс был снова послан отцом в Эдинбург, где поступил на медицинский факультет. В 1778—1780 гг. он поехал для усовершенствования в медицине в Лондон (где занимался у У. Хэнтера) и в Голландию, а в 1780 г. получил степень доктора медицины в Эдинбурге. В том же году он вернулся в Чарлстон, где возглавил добровольческий отряд английских роялистов, принявший участие в войне с американским народом. Через некоторое время отряд должен был эвакуироваться во Флориду. После того как главные силы англичан были разбиты при Йорктауне в 1781 г., Уэллс вернулся в Чарлстон, где был арестован. Он был освобожден в 1783 г. после подписания Версальского мирного договора, по которому Англия признала независимость США. В 1784 г. Уэллс окончательно вернулся в Англию, где обосновался в Лондоне сначала в качестве частного врача, а позже в качестве врача нескольких лондонских больниц. В своей «Автобиографии» Уэллс говорит, что в Англии он придерживался воззрений «конституциональ-

⁸⁵ J. M. Lerner. The concept of natural selection: a centennial view. «Proc. Americ. Philosoph. Soc.», 1959, v. 103, N 2, p. 173—182.

⁸⁶ C. Zirkle. Natural selection..., p. 106—109.

⁸⁷ Главный источник: «Автобиография» Уэллса в сборнике его работ 1818 г., стр. VII—LX (см. сноску 90). См. также упомянутые выше статьи Кофоида и Шрайока, а также статьи в Dictionary of National Biography, London; Dictionary of American Biography, N. Y.

ных тори», но, что многие считали его «республиканцем» (стр. LX). Он умер в Лондоне 18 сентября 1817 г.

Помимо клинических работ, Уэллсу принадлежит ряд трудов по физиологии (трактат о бинокулярном зрении, трактат о мышечном сокращении и др.), а также особенно прославивший его физический трактат о росе (1814). За свои ученые труды Уэллс был избран членом Лондонского (1793) и Эдинбургского (1814) королевских обществ. На трактат о росе Дж. Гершель и Дж. Ст. Милль указывали как на выдающийся образец естественнонаучного индуктивного исследования, основанного на серии экспериментов. Гершель, например, писал: «Мы нарочно выбрали для примера эту теорию росы, впервые разработанную покойным доктором Уэллсом, и выбрали ее как один из превосходнейших образчиков индуктивно-экспериментального исследования, не выходящего из пределов обыкновенного... мы от души рекомендуем каждому занимающемуся естественными науками прочесть книгу Уэллса..., как образец, с которым следует хорошенько познакомиться»⁸⁸. И еще много лет спустя известный английский физик Джон Тиндаль, подробно излагая открытия и взгляды Уэллса на природу росы, писал о нем как о «превосходном авторе, опубликовавшем изумительный трактат по этому вопросу»⁸⁹.

В 1813 г. Уэллс выступил в Лондонском королевском обществе (1 и 8 апреля) с докладом: «Сообщение о женщине белой расы, часть кожи которой сходна с кожей негров, с замечаниями о причинах различий в цвете и форме между белой и негритянской расами людей». Доклад этот был впервые опубликован только после смерти Уэллса, в 1818 г., в книге, содержащей автобиографию Уэллса и его основные труды (о бинокулярном зрении, о росе)⁹⁰. Кофойд выяснил, что в протоколах Лондонского королевского общества сохранилось резюме доклада (написанное, по-видимому, самим Уэллсом), но в них нет никаких указаний на то, что доклад был подвергнут обсуждению. Ни Кофойд, ни другие авторы не могли обнаружить и каких-либо откликов в печати на доклад Уэллса как при жизни Уэллса, так и после его смерти. Несмотря на известность Уэллса как врача

⁸⁸ Дж. Гершель. *Философия естествознания*. СПб., 1868, стр. 161.

⁸⁹ J. Tindall. *Heat. A mode of motion*. 7-th ed. London, 1887, p. 497—502; русский перевод: Дж. Тиндаль. *Теплота, рассматриваемая как особый род движения*. СПб., 1886.

⁹⁰ W. Ch. Wells. *Two Essays: one upon single vision with two eyes; the other on dew. A letter to the Hon. Lloyd, Lord Kenyon; and an account of a female of the white race of mankind, part of whose skin resembles that of a negro, with some observations on the causes of the differences in colour and form between the white and negro races of men. With a memoir of his life, written by himself*. London, 1818, LXXIV 439 p.

и физика, его маленькая работа о расовых различиях у человека оставалась совершенно незамеченной до 1866 г., когда Дарвин сообщил о ней в 4-м издании «Происхождения видов». Замечательно, что два наиболее крупных английских антрополога того времени, Причард и Лоуренс, подробно обсуждавшие в своих трудах тот же вопрос о происхождении расовых различий в цвете кожи, хранят полное молчание о работе Уэллса. Мы не знаем, как обстоит дело в этом отношении во втором издании труда Причарда (1826), которое мы не имели возможности видеть, но в его пятитомном третьем издании (1836—1847) и в работе 1843 г., а также в труде Лоуренса (3-м стереотипном издании 1823 г.) мы не обнаружили ни единой ссылки на Уэллса, хотя поводов для этого там достаточно. Этот факт уже сам по себе с несомненностью свидетельствует, что на работу Уэллса в свое время не было обращено никакого внимания.

Обратимся теперь к рассмотрению самой работы, которая представляет собой краткое сообщение размером в 15 страниц. Первая половина работы занята анатомо-гистологическим и клиническим описанием случая, который Уэллс наблюдал в одной из лондонских больниц: у 23-летней английской девушки из Суссекса, дочери несомненных («чистокровных») англичан, левое плечо и рука были покрыты обширными черными и черновато-красными пятнами. По цвету и структуре эти участки кожи были, как утверждает Уэллс, тождественны с кожей негров. В остальном весь облик этой девушки был вполне английским. Оставляя в стороне вопрос о правильности утверждения Уэллса о «тождественности» темных участков кожи этой девушки с кожей негров⁹¹, отметим два вывода, которые делает Уэллс на основании этого случая. Он полагает, во-первых, что черный цвет кожи негров «совершенно не доказывает, будто они представляют собой отличный от белой расы вид человека», и во-вторых, что общераспространенное мнение, будто черный цвет кожи негров был вызван длительным действием солнечных лучей в жарких странах, представляется «совершенно ошибочным». Как видим, оба вывода совпадают с мнением Причарда и других моногенистов. Отметим попутно, что в годы жизни в южных штатах США Уэллс имел возможность близко наблюдать негров и, по-видимому, проникся сочувствием к их тяжелому положению. Во всяком случае, можно думать, что хорошее знание негров помогло ему, человеку консервативных политических убеждений, увидеть в неграх несомненных людей и решительно отвергнуть точку зрения рабовладельцев, считавших негров не

⁹¹ Пятна на коже девушки, описанной Уэллсом, несомненно, являются пигментными или сосудистыми родимыми пятнами.— *Ред.*

то животными, не то людьми другого, низшего вида. Отсюда, вероятно, моногенизм Уэллса, защите которого и посвящена вторая половина его маленькой работы, с которой подавляющее большинство биологов знакомо только по изложению Дарвина и небольшой приведенной им цитате.

Шрайок, ссылаясь на Зэркла, утверждает, что «Уэллсу дал толчок труд Причарда по физической антропологии, вышедший в том же 1813 г. и посвященный тем же проблемам, которыми интересовался Уэллс»⁹². Это, однако, явное недоразумение; Зэркл говорит буквально следующее: «Современник Причарда, У Ч. Уэллс, был первым, кто объяснил органическую эволюцию при помощи естественного отбора»⁹³. Ни единого слова о влиянии Причарда на Уэллса мы не находим у Зэркла. У нас нет никаких данных, которые позволяли бы установить, сделал ли Уэллс свой доклад до или после выхода в свет первого издания труда Причарда и был ли он знаком с ним или с латинской диссертацией Причарда 1808 г. Конечно, Уэллс был образованным ученым и, надо думать, следил за литературой по интересовавшим его вопросам. Однако тема рассматриваемой нами работы 1813 г. была для него, без всякого сомнения, случайной, эпизодической; вряд ли он до того времени специально занимался ею. Работа его обнаруживает все признаки оригинальности, самостоятельности его мысли; в ней нет никаких данных, которые позволяли бы усмотреть какие-либо литературные влияния на него⁹⁴.

⁹² R. H. Schryock. The strange case..., p. 202.

⁹³ C. Zirkle. Natural selection..., p. 106.

⁹⁴ Кофойд (Ch. A. Cofoïd. An american pioneer in science..., p. 80) говорит, что невозможно установить прямого влияния на Уэллса Бюффона или Ламарка, хотя не исключена возможность того, что он был знаком с их воззрениями через своего друга философа Давида Юма, бывавшего во Франции. Это заявление представляет собою сплошную путаницу, непростительную для историка науки, особенно специально занявшегося Уэллсом. Давид Юм умер в 1776 г. на 66-м году жизни. Во Франции он жил в последний раз в 1765—1766 гг. и уже по одному этому не мог ничего знать об эволюционных взглядах Ламарка! Уэллс поступил в Эдинбургский университет зимой 1775 г., когда ему еще не было 19 лет. О какой дружбе между престарелым философом и 19-летним мальчиком может идти речь. Секрет, однако, раскрывается очень просто: Уэллс действительно поддерживал очень тесные, дружеские отношения с Давидом Юмом, но не с философом, а с племянником философа, который был однолеткой Уэллса, учился одновременно с ним в Эдинбургском университете (см. «Автобиографию» Уэллса, стр. X и XII) и впоследствии стал профессором юриспруденции этого университета. Этот Давид Юм издал, по завещанию своего дяди, в 1779 г. написанные последним еще в 1751 г. «Диалоги о естественной религии», которые Юм при жизни не хотел публиковать. Вероятно, Уэллс был знаком с этой работой, но неизвестно, обратил ли он внимание на рассеянные в ней неясные намеки на идею эволюции. В «Автобиографии» (стр. XLI) Уэллс указывает, что Эразм Дарвин кригиковал в своей «Зоономии» его теорию головокращения и что он ответил на

Сам Уэллс говорит следующее о своей работе: «При рассмотрении различия между европейцами и африканцами в отношении цвета кожи мне пришла в голову мысль, не высказанная ни одним из авторов, сочинения которых мне попадались. Я осмелюсь поэтому упомянуть о ней здесь, хотя вследствие своей рискованности эта мысль скорее фантастическая, нежели имеющая основание»⁹⁵. В этом заявлении поражают два момента: во-первых, твердая уверенность Уэллса в полной оригинальности его мысли, уверенность, высказанная в весьма ответственной обстановке — на заседании высшего ученого органа Англии, Королевского общества; во-вторых, наряду с этим, до крайности скромная оценка этой мысли как рискованной, фантастической, не имеющей основания. В конце статьи Уэллс снова говорит: «Я не стану дольше злоупотреблять временем читателя для обсуждения вопроса, который допускает одни только предположения».

Таким образом, достаточно очевидно, что выдвинутую им идею Уэллс сам оценивал только как догадку, как предположение, а не как разработанную, твердо обоснованную теорию, и прежде всего потому, что самый вопрос с его точки зрения допускает одни только предположения. Шрайок, который, как мы уже видели, пытается досказать за Уэллса то, что последний якобы просто не дописал, усматривает в скромной и осторожной самооценке Уэллса причину того, что его работа о расовых различиях не обратила на себя внимания и оказалась прочно забытой. Этот довод весьма неубедителен: впечатление, оказываемое научным исследованием на современников, определяется не самооценкой автора, а фактической обоснованностью и логической убедительностью работы. В аргументации Шрайока нельзя не увидеть глубокую веру в рекламу как двигатель прогресса, столь характерную для нынешней капиталистической Америки! Незачем искать какую-то особую тайну в том факте, что маленькая работа Уэллса не потрясла мир. Случайное, казуистическое сообщение полумедицинского характера, доложенное случайно по своему составу кругу специалистов, среди которых не было, вероятно, ни одного ученого, специально интересующегося антропологическими проблемами, и напечатанное через пять лет в виде приложения к сборнику, который мог привлечь внимание только физиков и врачей-офтальмологов, естественно, должно было затеряться и оказаться забытым. Его «воскресе-

эту критику двумя письмами в редакцию одного журнала. Следовательно, он читал «Зоономию» и мог знать об эволюционных взглядах Эразма Дарвина, но следов этого в его работе обнаружить невозможно.

⁹⁵ Эта и все следующие цитаты из работы Уэллса относятся к стр. 432—439 сборника работ Уэллса 1818 г., описанного выше в сноске 90.

ние» могло произойти только после того, как благодаря Дарвину эволюционное учение победоносно вошло в естествознание.

Уэллс начинает с констатации того, нередко обсуждавшегося в его время факта, что негры и белые резко различаются по способности «переносить без вреда для себя действие причин, вызывающих многие болезни». Однако в противоположность Причарду он очень ясно видит причину этого не в простой неприспособленности к климатическим условиям, а в сочетании климатических условий с социальными. «Хорошо известна,— говорит он,— гибельность для европейцев климата центральных районов Африки, в которых, однако, негры живут, без вреда для их здоровья. Предположим, что некоторое число европейцев было отправлено в эту страну и что они должны были поддерживать там свое существование при помощи собственного физического труда: кажется несомненным, что вся колония вскоре вымрет. С другой стороны, большая подверженность негров в Европе заболеванию смертельными болезнями столь же хорошо установлена. Если поэтому колония негров была бы привезена в Европу и должна была бы работать здесь на открытом воздухе для поддержания своего существования, то многие из них быстро умерли бы, а остальные вследствие неспособности к напряженной физической работе в холодном климате и частых заболеваний не могли бы работать столько же дней в году, сколько белые. Следствием этого, *независимо от дальнейшего учета неблагоприятности климата для них*, было бы то, что *их заработки оказались бы недостаточными* для пропитания их самих и членов их семейств. Они становились бы *поэтому* все более слабыми и еще более неспособными поддерживать жизнь за счет своего труда. Тем временем их дети будут умирать *от голодания или болезней*, вызванных недостаточным или несоответственным питанием, и таким образом колония негров в холодной стране быстро прекратит свое существование»⁹⁶.

Уэллс замечает тут, что указанное «различие в характере сопротивляемости двух рас действию причин, вызывающих многие болезни» он принимает как факт, хотя он «совершенно не в состоянии объяснить его». Для него ясно, во всяком случае, что различная восприимчивость к болезням не зависит, «строго говоря, от различия в цвете кожи». Он полагает, что цвет кожи является только одним из признаков, свидетельствующих о каком-то конституционном различии, «которое, хотя и сильно проявляется по его воздействию на жизнь, тем не менее представляется слишком тонким, чтобы оно могло быть открыто анатомами» на вскрытии тела, «точно так же,— добавляет он,—

⁹⁶ Здесь и всюду в дальнейшем подчеркивания в цитатах принадлежат не Уэллсу, а нам.— С. С.

как тело человека, невосприимчивого к оспе, ни в каком заметном отношении не отличается от тела человека, весьма подверженного этому заболеванию». Если, однако, люди черного цвета лучше противостоят болезням жаркого климата, чем белые, то логично допустить, что люди с более темным цветом кожи, чем белые, приближаются в этом отношении к неграм. В качестве подтверждения этого Уэллс приводит мулатов, которые, представляя собой помесь негров с белыми, «гораздо более здоровы в жарком климате, чем белые».

Тут Уэллс обращается к явлению индивидуальной изменчивости и закреплению полезных изменений у домашних животных путем искусственного отбора. «У людей, — говорит он, — так же как и у других животных, постоянно встречаются отклонения [различия, *varieties*] больших или меньших размеров. В давно населенной цивилизованной стране подобные отклонения по большей части быстро исчезают вследствие браков между представителями разных семей. Так, если появится очень высокий мужчина, он по большей части женится на женщине гораздо более низкого роста, чем он сам, и их потомство не будет отличаться по росту от остальных своих соотечественников. Однако в местностях незначительного протяжения и мало сообщаящихся с другими странами случайное различие во внешности обитателей часто будет переходить к их позднему потомству. Так, клан Мэкров населяет оба берега Лох-Дуиха в Шотландии, но те, которые живут на одном берегу озера называются черными Макрами, а на противоположном — белыми вследствие различия, которое всегда наблюдалось между ними в цвете лица. С другой стороны, те, кто занимаются улучшением [пород] домашних животных, обнаружив особей, обладающих в большей степени, чем обычно, желательными для них качествами, спаривают самца и самку с этими качествами, затем берут лучших из их потомства *в качестве нового племени* и продолжают поступать таким образом, пока они не приблизятся к намеченной цели в такой степени, в какой это позволяет природа вещей (*as the nature of things will permit*)». Таким образом, Уэллс отчетливо высказывает здесь мысль о том, что на основе свойственной всем животным изменчивости и наследуемости отдельных признаков могут возникнуть в пределах вида разновидности путем изоляции или (в отношении домашних животных) путем искусственного отбора. Далее он непосредственно переходит к описанию естественного отбора как средства возникновения разновидностей человека, но нигде не называет этот процесс естественным отбором. Вот что он пишет:

«Но то, что здесь [при искусственном отборе] было достигнуто искусством, по-видимому, было достигнуто с такой же дей-

ственностью, хотя и более медленно природой при образовании разновидностей человечества, приспособленных к странам, которые они населяют. Среди случайных уклонений (*accidental varieties*) человека, которые могли появиться у первых немногочисленных и рассеянных по стране обитателей центральных районов Африки некоторые могли быть лучше приспособлены, чем другие к тому, чтобы противостоять болезням этой страны. Эта раса, следовательно, численно возростала бы, между тем как другие убывали бы в числе не только вследствие их неспособности противостоять болезням, но и из-за их неспособности соперничать со своими более сильными соседями. На основании того, что уже было сказано, я считаю само собой разумеющимся, что цвет кожи этой более сильной расы был темным. Но при наличии все того же самого предрасположения образовывать уклонения, с течением времени должна была возникать все более и более темная раса и так как наиболее темная должна была быть наилучше приспособленной к климату, то в конце концов именно она стала превалирующей, если не единственной, расой в той стране, в которой она получила свое начало. Таким же образом та часть первоначального ствола человеческой расы, которая распространилась в холодных областях земли стала на протяжении времени белой, если она первоначально не была таковой, вследствие того, что люди этого цвета кожи оказались лучше приспособленными к тому, чтобы противостоять болезням холодного климата, чем люди с темной кожей»⁹⁷

Это путь образования рас человека путем отбора по признаку сопротивляемости болезням кажется, однако, Уэлсу недостаточным для объяснения всей совокупности фактов, и он снова обращается к принципу изоляции. «Изложенная мною причина,— говорит он,— которая, вероятно, повлияла на цвет кожи человеческих рас, с необходимостью должна была действовать главным образом в течение раннего детства человечества, когда немногочисленные бродячие дикари, невежественные и неспособные к предусмотрительности, не в состоянии были поддерживать свое существование во все времена года даже в странах, наиболее благоприятных для их здоровья. Но когда люди приобрели знакомство с земледелием и другими искусстваами и благодаря этому усвоили более совершенный образ жизни, они обнаружили, что приверженность старым обычаям и привычкам будет способствовать длительному сохранению их как расы, отличающейся от первоначальных обитателей страны.

⁹⁷ Небольшие стилистические отличия в переводе этого отрывка от приведенного выше перевода объясняются тем, что первый сделан нами наново по подлиннику, а второй заимствован из третьего тома «Сочинений» Дарвина.

в которую они переселились. Примеры этого рода часто встречаются на островах восточных морей тропического пояса, на которых обитатели побережий, несомненные пришельцы, в некоторой степени являются цивилизованными и кожа которых коричневого цвета, между тем как древние местные уроженцы, живущие во внутренних районах островов, дикари и черного цвета».

Интересно отметить, что в этом отрывке Уэллс высказывает, хотя и в наивной форме, совершенно правильную мысль о том, что естественный отбор мог быть фактором расообразования только на самых ранних стадиях истории человечества и что позже должны были вступить в действие (в качестве изолирующего фактора) чисто социальные моменты. Аналогию этому он находит снова в деятельности человека по разведению домашних животных. «Подобные же факты,— говорит он,— встречаются и у других видов животных. Кажется несомненным, например, что тонкошерстные овцы, вроде испанских, никогда не возникали и не сохраняли свою породу в северных районах Европы; однако при заботливом уходе эта слабая раса, после того как она была выведена в Испании, была размножена и сохранена в очень холодных странах. Так, покойный м-р Драйендер (Dryander), ученый библиотekarь Королевского общества, сообщил мне, что порода тонкошерстных испанских овец сохранялась в прекрасном состоянии в Швеции в течение долгого времени, кажется, он говорил о столетии. В таком случае, если только моя память точно воспроизводит то, что мне говорил м-р Драйендер, мы имеем здесь пример разновидности животных, гораздо более подверженной действию внешних условий, чем человеческая раса, и сохранившейся без изменения в стране, весьма отличающейся от ее родины, путем уподобления, насколько это возможно, своего нового состояния старому, что происходило в течение по крайней мере пятидесяти поколений, т. е. в течение периода, эквивалентного 1500 годам в истории человечества».

Заключительные страницы статьи Уэллс посвятил рассмотрению других расовых отличий негров, а именно курчавых волос и «уродливых» черт лица. «До сих пор,— пишет он,— говоря о внешности негров, я обращал внимание только на цвет их кожи. Скажу теперь несколько слов об их курчавых волосах и об уродливых, с точки зрения нашего представления о красоте, чертах их лица». Совершенно неожиданно, в резком контрасте с аргументацией всей предыдущей части статьи, Уэллс ставит эти черты негров в связь со степенью их цивилизованности. Вот что он говорит: «Имеются различные данные, которые показывают, по-видимому, что это обстоятельство [курчавость и «уродливость» черт лица] некоторым образом связано с низким уров-

нем их [негров] цивилизованности. Во-первых, черные обитатели Индостана, живущие в области Ганга, которых можно рассматривать, по сравнению с африканскими неграми, как цивилизованный народ, имеют волосы и черты лица, менее отличающиеся от европейских [чем волосы и черты лица негров]. Во-вторых, шерстистые головы и уродливые черты лица появляются вновь по мере продвижения далее на восток у диких обитателей Новой Гвинеи и прилегающих островов, на расстоянии приблизительно половины окружности земного шара от Африки, и, следовательно, без малейшей вероятности того, что когда бы то ни было существовала какая-либо связь между этими двумя странами. Наконец, на основании сохранившихся остатков древнего искусства, кажется вероятным, что древние обитатели Египта принадлежали к негритянской расе. В таком случае, если некогда африканские негры подверглись цивилизации, их шерстистые волосы и уродливые черты лица изменились, вероятно, в течение столь длинного ряда лет, какой представляет история египтян».

Интуиция, позволявшая Уэллсу так близко подойти к формулировке принципа естественного отбора, когда он анализировал различие между неграми и белыми в цвете кожи, изменила ему, когда он занялся другими расовыми различиями. Здесь Уэллс не проявил оригинальности. В исторической, этнографической и антропологической литературе конца XVIII и начала XIX в. было довольно широко распространено представление, будто цивилизация «облагораживает» черты лица «диких» народов. В частности, полагали, что древние египтяне являются «облагороженными» неграми⁹⁸. Но Уэллс идет еще дальше и после приведенной фразы о неграх и египтянах высказывает уже совершенно странную мысль о том, что черты лица африканских негров являются причиной их «деградированного состояния»: «С другой стороны, их [африканских негров] внешние черты могут рассматриваться, вероятно, не только как признак, но и как причина их деградированного состояния, препятствующего каким-то неизвестным образом надлежащему развитию их умственных способностей, ибо африканские негры во все века были

⁹⁸ Сводку о подобных представлениях дал Причард в издании 1813 г. Соответствующую цитату из этого издания приводит Лоуренс (1823, стр. 291—см. сноску 38). Причард полагал, что «первые люди» (Адам и Ева!) были черными и что от них в результате цивилизации возникла белая раса! Если бы не широкое распространение подобного представления, рассмотренные выше заключительные страницы статьи Уэллса могли бы действительно наводить на мысль, что он был знаком с трудом Причарда 1813 г. Однако делать такое заключение на основании этого единственного совпадения было бы неосторожно.

рабами, а негры восточных морей нигде решительно, думаю, не являются господами своих более красивых соседей, а во многих местах находятся в полном подчинении у них, хотя последние обычно менее многочисленны». Таким образом, ни моногенизм Уэллса, ни его симпатии к американским неграм не помешали ему в конечном счете прийти к выводу о существовании «высших» и «низших» рас и нелепым образом связать степень «цивизованности» с внешними чертами лица.

Приведем заключительный абзац статьи Уэллса: «Против выдвинутых мною соображений относительно различия в цвете кожи у европейцев и африканцев можно, без сомнения, возразить, что у индейцев большей части гигантского материка Америки кожа почти одного и того же цвета. Думаю, что в отношении этого факта могут быть представлены вполне основательные объяснения, согласующиеся с тем, что было сказано относительно цвета кожи первых двух рас; но я воздержусь от злоупотребления временем читателя для обсуждения вопроса, который допускает одни только предположительные выводы».

Ознакомление с полным текстом статьи Уэллса позволяет сделать следующие выводы. Стремясь доказать единство человеческого рода, принадлежность всех рас человека к единому виду, Уэллс поставил перед собой вопрос о том, в силу каких естественных закономерностей в пределах единого вида человека возникли различные разновидности (расы). В качестве исходного объекта рассуждения он взял столь резко контрастный признак расового различия между европейцами и неграми, как цвет кожи. Отвергнув, как и многие другие антропологи его времени, представление, по которому черный цвет кожи является результатом действия инсоляции, и установив, подобно Причарду и другим, что люди черной расы столь же легко противостоят тропическим болезням, как белые — болезням стран холодного климата, Уэллс высказывает предположение, что черный (и соответственно белый) цвет кожи оказался случайно связанным с какими-то конституциональными особенностями, предрасполагавшими к устойчивости против специфических болезней стран соответствующего климата.

Принимая внутривидовую индивидуальную изменчивость и передачу по наследству каждого из этих двух признаков (цвета кожи и способности противостоять болезням), Уэллс полагает, что лица с наиболее черным цветом кожи и наибольшей способностью противостоять болезням должны были выживать, а более светлые погибать в условиях тропического климата. Таким образом и возникли приспособленные к условиям своих стран черная и белая разновидности (расы) человека. Этот процесс Уэллс сопоставляет с хорошо известным в Англии того времени

методом искусственного отбора и, таким образом, приходит к признанию естественного отбора (хотя и не называет так этот принцип) как фактора, обуславливающего возникновение приспособленных к условиям среды рас человека. Дальнейшее закрепление этих рас Уэллс ставит в связь с взаимной изоляцией их друг от друга, обуславливаемой сложившимися культурно-национальными традициями различных народов. Он сопоставляет действие этого фактора с деятельностью человека по уходу за выведенными им породами домашних животных, которые при условии тщательного содержания могут длительно сохранять свою породу в чистоте в условиях чуждого для них климата. Когда, однако, Уэллс обращается к другим расовым признакам (курчавые волосы и внешние черты лица негров), он оказывается не в состоянии распространить на них свой анализ, поддерживает ложную идею о влиянии цивилизованности на эти признаки и доходит даже до признания существования низших и высших рас, из которых первые в силу обусловленного чертами их лица низкого умственного развития всегда являлись и являются рабами вторых.

Ни о какой эволюции органического мира у Уэллса, как мы могли убедиться из рассмотрения полного текста его статьи, нет и речи. Ему не только не хватает, как полагает Эйсли⁹⁹, фактора времени для полноты его якобы эволюционной концепции, такой концепции у него вообще нет. В самом деле, Уэллс вовсе не говорит о возможности преобразования одних видов в другие, нигде у него мы не находим даже намек на историческую преемственность форм животных и растений, на их эволюционное развитие в процессе восхождения от низших форм к высшим. Его интересует и он допускает лишь варьирование в пределах вида; ему известно появление в любом виде животных отклонений от видового типа, и он убежден, что в известных, указанных выше условиях некоторые из этих отклонений могут оказаться закрепленными и усиленными, и дать начало разновидностям или расам.

Нельзя, конечно, всерьез принимать мнение тех историков эволюционного учения, которые видят в Уэллсе прямого «предшественника» Дарвина. Его концепция, очень слабо разработанная и неубедительно аргументированная, совершенно не противопоставляла себя креационизму, да и не представляла для него никакой опасности. Мы уже указывали на то, что очень многие креационисты, ботаники и зоологи, признали внутривидовую изменчивость и возможность образования в пределах вида

⁹⁹ L. Eiseley. Darwin's century. Evolution and the men who discovered it. N. Y. 1958, pp. 122—125.

разновидностей или рас. Уже по одному этому попытка Уэллса объяснить процесс расообразования при помощи выживания наиболее приспособленных, которое он сопоставил с искусственным отбором, не могла, если бы даже она обратила на себя внимание, показаться ни новой, ни революционной, и это тем более, что он сам называет свою концепцию «рискованной» и «фантастичной». Мы уже говорили, что ни Причард, ни Лоуренс не были, вероятно, знакомы с работой Уэллса, ибо можно не сомневаться в том, что они не преминули бы упомянуть о ней, если бы она была известна им. Дарвин, внимательно изучавший в годы своего обучения в Кембридже «Введение в изучение естествознания» («Философию естествознания») Гершеля¹⁰⁰, который, как мы видели, горячо рекомендовал начинающим естествоиспытателям изучить «Трактат о росе» Уэллса, по-видимому, не последовал совету великого астронома, иначе он мог бы задолго до 1865 г. познакомиться с работой Уэллса о расовых различиях человека¹⁰¹. Курьезно, что Фоконер, рекомендуя в 1864 г. Дарвина в качестве кандидата на Коплеевскую медаль Королевского общества, сравнивал в своей рекомендации труд Дарвина о коралловых рифах с «Трактатом о росе» Уэллса, как произведения одинакового научного достоинства, но ни словом не обмолвился об «эволюционной» работе Уэллса, хотя в 1864 г. эволюционное учение Дарвина уже пользовалось громадной популярностью и Фоконер, обратив внимание на работу Уэллса, несомненно заинтересовался бы ею и сообщил бы об этом Дарвину¹⁰². Все это свидетельствует о том, что работа Уэллса находилась в полном забвении до 1865 г., когда Брейс обратил на нее внимание Дарвина. И тем не менее, нельзя отрицать исторического интереса, представляемого работой Уэллса: она показывает, что принцип естественного отбора (но не в его эволюционном аспекте) постепенно созрел в Англии в первой трети XIX в. под влиянием практики искусственного отбора и лишь ждал того исследователя, который мог бы действительно применить его для объяснения закономерностей эволюционного процесса.

Мы уже говорили, что некоторые современные историки эволюционного учения обвиняют Дарвина в том, что он сознательно преуменьшил значение Уэллса в своем «Историческом очерке», заявив, что Уэллс допускал действие естественного отбора «только по отношению к человеческим расам и то в применении к некоторым только признакам». Они указывают, что Дарвин

¹⁰⁰ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 9, стр. 195.

¹⁰¹ Впрочем, «Трактат о росе» издавался несколько раз самостоятельно, а не только в том сборнике 1818 г., где была впервые напечатана работа о расовых различиях.

¹⁰² «More letters of Charles Darwin... v. 1, p. 254.

якобы умолчал о том, что Уэллс говорит не только о человеке, но и о животных. Несостоятельность этого заявления легко обнаружить, перечитав ту характеристику Уэллса, которую дает Дарвин, и сравнив ее с текстом самого Уэллса, приведенным на предыдущих страницах. Дарвин не только не преуменьшил, но скорее преувеличил значение Уэллса, так как у Уэллса речь фактически идет о применении естественного отбора по отношению не к «некоторым», а лишь к одному признаку — цвету кожи. Тем не менее, Дарвин считал, что Уэллс «определенно признает принцип естественного отбора, и это первое кем-либо высказанное признание этого принципа». Дарвин не подчеркнул, однако, того, что Уэллс вовсе не был эволюционистом и что принцип естественного отбора не имел у него эволюционного аспекта.

УИЛЬЯМ ЛОУРЕНС

(1783—1867)

Подобно Причарду, Лоуренс привлек к себе внимание в качестве «эволюциониста» только в конце прошлого или в начале настоящего века. Каннингэм в упоминавшемся уже выше очерке истории антропологии в XIX в. писал, что в своих лекциях по естественной истории человека Лоуренс «в одном или двух местах... стряхивает с себя мешавшее ему учение о неизменности видов. Говоря о „первичном“ человеке, он задает вопрос: „Ходил ли он в выпрямленном состоянии или на всех четырех?“»¹⁰³. Но главное, что привлекло внимание Каннингэма, была поддержка Лоуренсом учения о наследуемости приобретенных признаков, которое он защищал в том же смысле, что и Причард, и, как мы видели, с подробными ссылками на работы Причарда 1808 и 1813 гг. По-видимому, опираясь на Каннингэма, в этом же духе писал о Лоуренсе Бэтсон¹⁰⁴. Осторожное заявление Каннингэма об эволюционизме Лоуренса приобрело более решительный характер в устах Пеннимэна, который пишет, что «Причард и Лоуренс придерживались, несомненно, эволюционных воззрений» и что Лоуренс являлся «антропологом, излагавшим эволюционные доктрины перед лицом своего времени и остававшимся непризнанным до недавних дней»¹⁰⁵. Зэркл полагает, что «Уильям Лоуренс почти дошел до объяснения эволюции путем действия естественного отбора, но, как и Причард, совершенно не сумел сделать последний логический вывод»¹⁰⁶. Аналогичную мысль высказывает и Хэддон: «Лоуренс

¹⁰³ D. J. Cunningham. Anthropology in the eighteenth century..., p. 31.

¹⁰⁴ «Darwin and modern science...», p. 86, 90.

¹⁰⁵ T. K. Penniman. A hundred years of anthropology..., p. 58 и 81.

¹⁰⁶ C. Zirkle. Natural selection... p. 109.

далеко опередил свое время, и многое, чему он учил, можно сказать предвосхитило эволюционное учение»¹⁰⁷ Наконец, Дарлингтон, до крайности гиперболизируя изложенные взгляды, заявляет, что Лоуренс в 1813 г. (одновременно с Уэллсом и Причардом) «ясно выдвинул и подробно развил теорию естественного отбора», что его книга раскрывала связь теории эволюции «с идеями, которые грозили разрушением как церкви, так и правящему классу», и что вследствие этого Лоуренс и его труд подверглись гонениям со стороны церковников и государственных властей¹⁰⁸.

Приведенные оценки труда Лоуренса и его воззрений представляются тем более странными что ни один из упомянутых авторов не приводит сколько-нибудь серьезных данных, которые подтверждали бы, что Лоуренс действительно был эволюционистом и высказал принцип естественного отбора. Приводимые ими цитаты говорят лишь о том, что Лоуренс был моногенистом, принимал возникновение рас человека как результат случайных вариаций наследственного характера, отвергал передачу по наследству приобретенных признаков, был знаком с искусственным отбором и в некоторой степени предугадал действие полового отбора (в отношении человека). Дарвин не считал возможным включить Лоуренса (как и Причарда) в свой «Исторический очерк» в качестве эволюциониста, хотя, как видно из недавно опубликованной Г. де Бером второй части «Записной книжки о трансмутации видов»¹⁰⁹, он был знаком с трудом Лоуренса еще в 1838 г. Характерно, однако, что он ставит здесь имя Лоуренса в один ряд с именами Блуменбаха и Причарда, отмечая, что в трудах всех этих трех ученых собран богатый фактический материал по разным различиям человека. Лоуренс и Причард посвятили свои труды Блуменбаху, которого оба они называют своим учителем. Дарвин, несомненно, не видел существенного различия между хорошо известным ему креационизмом Блуменбаха и воззрениями двух его английских последователей, и был совершенно прав. Поскольку, однако, в новейшей литературе высказываются, как мы видели, прямо противоположные взгляды на Лоуренса, а Дарлингтон доходит даже до утверждения, что из книги Лоуренса его современники впервые узнали «о принципе полового отбора и об аналогии с разведением животных, которые Ч. Дарвин выставил впоследствии как свои

¹⁰⁷ A. C. Haddon. History of anthropology, p. 41.

¹⁰⁸ C. D. Darlington. The origin of darwinism.

¹⁰⁹ «Darwin's notebooks on transmutation of species». Part II, p. 107, 115. Edited with an introduction and notes by Sir Gavin de Beer. «Bull. Brit. Mus. Nat. History Histor. ser.», v. 2, N 3, 1960.

собственные открытия»¹¹⁰, необходимо выяснить истинный характер воззрений Лоуренса.

Уильям Лоуренс, сын врача, родился в 1783 г. Он был учеником видного лондонского хирурга Эбернети, а затем его демонстратором и ассистентом по кафедре анатомии и хирургии в лондонском госпитале св. Варфоломея. В 1813 г. он был избран членом Лондонского королевского общества, а в 1815 г. (еще при жизни Эбернети, который умер в 1831 г.) заместил своего учителя в должности главного хирурга госпиталя св. Варфоломея, которую занимал до 1855 г. В 1815 г. он был назначен также профессором анатомии и хирургии Лондонского королевского хирургическо-

Уильям Лоуренс

го колледжа и впоследствии дважды состоял президентом этого колледжа. В последние годы жизни был лейб-медиком королевы Виктории. Считался одним из самых выдающихся английских хирургов своего времени. Умер Лоуренс в 1867 г.

В 1816 г. Лоуренс издал первый курс лекций, читанных им в хирургическом колледже: «Введение в сравнительную анатомию и физиологию» («An Introduction to Comparative Anatomy and Physiology»). Этот небольшой курс подвергся резким нападкам со стороны клерикально настроенной профессуры во главе с Эбернети — учителем Лоуренса. Лоуренса обвиняли «в недостойном намерении распространять вредные для общества идеи, в попытке усилить их с целью расшатать те сдерживающие начала, от которых зависит благополучие человечества»¹¹¹

¹¹⁰ C. D. Darlington. The origin of darwinism.

¹¹¹ W. Lawrence. F. R. S. Lectures on physiology, zoology, and the natural history of man, delivered at the Royal college of surgeons. Third ed. London, 1823, p. 1.

Во вступительной лекции к курсу 1817 г., откуда взяты только что процитированные слова, Лоуренс следующим образом характеризует ту идею, за пропаганду которой он подвергся нападению: «Где найдем мы доказательства независимости души от тела? Этой души, которая, подобно телесной организации, младенческая у ребенка, мужественная у зрелого человека, болезненная и расслабленная у больного, иступленная или меланхолическая у душевнобольного, ослабленная на склоне жизни, впадшая в детство у дряхлого старика и разрушающаяся со смертью? Устраните умственные способности человека или какого-либо другого животного, деятельность пяти внешних чувств и функции мозга, и что же тогда останется? Но в таком случае то, что жизнь, или совокупность всех функций, непосредственно зависит от организации [тела], кажется мне, физиологически говоря, столь же ясным, как то, что присутствие солнца над горизонтом является причиной дневного света; и предположить, что мы могли бы иметь дневной свет без этого источника, было бы не более бессмысленным, чем считать, что жизнь независима от животного тела, в котором наблюдаются жизненные явления»¹¹². В различных вариантах Лоуренс развивает это представление о соотношении «души» и тела, жизненных функций и телесной организации и в ряде других мест своего курса лекций¹¹³.

Пытаясь обезопасить себя от нападения клерикалов и реакционеров, Лоуренс стремится доказать, что его концепция носит не материалистический, а чисто естественнонаучный, физиологический характер. Так, заключая приведенную цитату, он говорит: «Я прошу вас обратить особое внимание на мои слова „физиологически говоря“, потому что теологическое учение о душе и независимом существовании ее не имеет никакого отношения к физиологическим проблемам и основывается на доказательствах совершенно иного порядка. Эти возвышенные догмы никогда не могли бы быть разъяснены трудами анатома или физиолога. Нематериальная и духовная сущность не может быть обнаружена среди крови и грязи анатомического театра»¹¹⁴. Сопоставляя эти слова Лоуренса с другими его высказываниями по вопросам мировоззрения, можно думать, что они представляют собой не простую отписку, а достаточно искреннее выражение его действительных мыслей. Это, однако, не помогло ему, и он был обвинен, как мы видели, в материализме, в безбожии, в отрицании «души» и личного бессмертия.

¹¹² W. Lawrence. Lectures on physiology... p. 6—7.

¹¹³ Там же, стр. 52—53, 66—68, 72, 80—81.

¹¹⁴ Там же, стр. 7.

Несмотря на нападки на него, Лоуренс повторил свой курс в 1817 и 1818 гг., значительно расширив его за счет обстоятельного изложения учения о расовых различиях человека. В 1819 г. он выпустил свои лекции вторым изданием в виде объемистого тома в 500 страниц. Во вступительной лекции к курсу 1817 г. он дал перед студенческой аудиторией публичный ответ на обвинения, предъявленные ему клерикалами. Энергично отстаивая свои взгляды, Лоуренс требовал свободы слова и научного исследования. «От этих привилегий,— говорит он,— я никогда не откажусь. Я не хочу, чтобы кто бы то ни было, где бы то ни было и под каким бы то ни было предлогом запрещал и предписывал мне что бы то ни было. Как бы ни льстило моему тщеславию носить эту [профессорскую] мантию, но если это связано с необходимостью пожертвовать своей независимостью и с малейшим отказом от права свободно исследовать предмет, которому посвящены мои лекции, и безбоязненно излагать результаты моих исследований, я немедленно сниму ее с себя»¹¹⁵. И он, действительно, сделал это, когда под давлением его противников лорд-канцлер Элдун издал в марте 1822 г. правительственное постановление об отказе Лоуренсу в закреплении за ним авторских прав на книгу на том основании, что «бессмертие души — одно из учений священного писания, и закон не должен брать под свою защиту тех, кто опровергает священное писание»¹¹⁶. В этих условиях Лоуренс, считавший своим главным призванием и основной работой деятельность хирурга, изъясил книгу из продажи. Однако постановление Элдуну получило обратный эффект: оно создало книге известность, вызвав повышенный интерес к ней среди широкого круга читателей. Воспользовавшись отсутствием у Лоуренса авторских прав на его труд, типографы начали выпускать одно издание книги за другим без разрешения автора. С 1823 по 1844 гг. было выпущено таким путем девять изданий лекций Лоуренса¹¹⁷.

Сформулированные Элдуном мотивы отказа Лоуренсу в официальном признании его авторских прав вполне подтверждают, что конфликт возник не из-за «эволюционных» воззрений Лоуренса, как утверждает Дарлингтон, а из-за интерпретации вопроса о «взаимоотношении души и тела», которую давал Лоуренс в своих лекциях. Еще одно подтверждение этого мы находим в воспоминаниях известного немецкого натурфилософа, зоолога и врача Карла Густава Каруса, который в 1844 г. посетил

¹¹⁵ W. Lawrence. Lectures on physiology..., p. 3.

¹¹⁶ Цит. по кн.: Т. J. Cunningham. Anthropology in the eighteenth century..., стр. 31.

¹¹⁷ Мы пользовались третьим изданием книги, напечатанным в 1823 г. лондонским типографом Дж. Смитом (XX, 496 стр., см. сноску 111).

Лоуренса с целью познакомиться с постановкой лечебного дела в госпитале св. Варфоломея. Карус рассказывает, что лекции Лоуренса заинтересовали его еще до посещения им Лондона. Встреча с Лоуренсом позволила ему выяснить, что «этот труд сделал его автора ненавистным церковникам, потому что Лоуренс попытался проникнуть несколько глубже в отношение между сознательной и бессознательной жизнью души»¹¹⁸. Хотя последние слова Каруса не вполне точно передают суть дела, но и его свидетельство показывает, что нападение церковников на Лоуренса вовсе не было вызвано, как заявляет Дарлингтон, тем, что Лоуренс отрицал наследуемость приобретенных признаков и объяснял возникновение расовых различий случайным возникновением новых признаков. Мы уже знаем, что Причард за три года до Лоуренса¹¹⁹ примерно так же обосновывал моногенизм, не вызвав, однако, этим никакой реакции против себя.

В постановке и обосновании вопроса о единстве человеческого рода можно констатировать большое сходство между Лоуренсом и Причардом, но это сходство вовсе не говорит о несамостоятельности Лоуренса, о заимствовании им его взглядов и фактического материала у Причарда, хотя их взаимовлияние кажется несомненным¹²⁰.

Во «Введении» к курсу 1817 г. Лоуренс излагает историю зоологии, и уже здесь примечательно, что он выражает глубокое восхищение Кювье как зоологом и сравнительным анатомом. В дальнейшем, когда он приступает к рассмотрению вопроса о системе животного мира и проблемы вида, он полностью становится на позиции Кювье. Только сравнительная анатомия позво-

¹¹⁸ M. Neuburger. C. G. Carus on the state of medicin in Britain in 1844. Science, medicin and history. Essays... edited by E. A. Underwood... in honour of Ch. Singer, v. II. Oxford, 1953, p. 266.

¹¹⁹ В погоне за красным словом Дарлингтон, пренебрегая истиной, заявляет, что Причард, Уэллс и Лоуренс выступили со своими «эволюционными» теориями в одном и том же 1813 г.! Но это, можно сказать, мелочь по сравнению с тем, как исказил Дарлингтон историческую истину в своем изложении эпизода с Лоуренсом. Более того, этот «историк», стремясь доказать, что «эволюционные учения» Причарда, Уэллса и Лоуренса, «использованные» впоследствии Дарвином, не получили признания вследствие церковной реакции, утверждает, что именно история с Лоуренсом вынудила Причарда «загнать» свои эволюционные идеи в издании 1836—1847 гг., между тем как в издании 1826 г. они были им вполне ясно высказаны. Мы уже показали ранее полную неосновательность этих заявлений Дарлингтона.

¹²⁰ Когда Лоуренс читал и печатал свои «Лекции» (в 1816—1818), Причард успел опубликовать лишь латинскую диссертацию (1808) и первое одностороннее английское издание своего труда (1813), которые Лоуренс не раз цитирует. Однако «Лекции» Лоуренса, изобилующие ссылками на первоисточники, показывают, что он охватил вопрос значительно шире, чем это сделал к тому времени Причард, давший развернутое изложение вопроса впервые в издании 1826 г.

ляет научно разобраться в вопросе о «градациях организации и конечных целях, проявляемых Природой в построении ее живых машин» (стр. 41)¹²¹. Многие натуралисты представляют животный мир в виде последовательного ряда, который, по их мнению, и выражает мудрость и красоту творения; в этом ряду нет, как им кажется, никаких внезапных изменений, никаких перерывов, а лишь постепенный и плавный переход от одного звена этой лестницы существ к другому. Но построенная лишь на одном поверхностном, внешнем сходстве концепция лестницы существ не выдерживает проверки в свете объективного исследования. Только изучение анатомии животных, только сравнительно-анатомическое сопоставление их позволяют установить истинные сходства и различия в плане строения. Кювье удалось установить такое сходство строения в пределах нескольких больших групп животного мира, каждая из которых принадлежит к определенному первичному типу, построена по некоторой единой модели (стр. 41—43).

Учение о «конечных целях» (causal finales) имеет свою разумную основу. Тот, кто видит, что часы сконструированы для того, чтобы показывать время, не может сомневаться в том, что «наши желудки были специально построены для пищеварения, наши глаза для зрения и остальные наши органы для целей, которые они столь превосходно выполняют» (стр. 44). Но физико-теологи и другие не в меру усердные сторонники этого учения вместо того, чтобы действительно раскрывать «мудрость творения», договариваются до абсурдов, утверждая, например, что море сделано соленым, дабы предохранить его от загнивания, что приливы и отливы предназначены для того, чтобы обеспечить благополучное вхождение судов в порты, что камни созданы для постройки человеческих жилищ и что шелковичный червь был создан в Китае для снабжения европейских красавиц шелком. «Отсюда остается только один шаг до утверждения, что овцы были сотворены для того, чтобы их стричь и резать на мясо, ноги — чтобы носить башмаки, а нос — для очков» (стр. 44). Необходимо избегать как подобного рода преувеличений, так и непомерного скептицизма, ибо соответствие между особенностями строения и функцией позволяет нам распознать «цели и приспособления той возвышенной мощи и мудрости, о которых свидетельствует и во всеуслышание заявляет природа всеми своими делами» (стр. 45). Назначение и функции многих органов даже человеческого тела все еще остаются скрытыми для нас, но «задачи или конечные цели Творца могут быть

¹²¹ Здесь и дальше в скобках указаны страницы третьего издания (1823) «Лекций» Лоуренса (см. сноску III).

освещены самым ярким светом, если мы возьмем какое-нибудь животное с определенно выраженными особенностями в его экономии и сопоставим его строение с его образом жизни» (стр. 46). Кювьериистские убеждения Лоуренса, его креационизм и телеологизм в достаточной степени определенно выражены в приведенных положениях, вполне мирясь, как это нередко бывало в его время, с его механистическим материализмом¹²².

Но с еще большей определенностью креационизм Лоуренса, его убеждение в неизменности видов и их изначальном существовании выразились, как будет видно, в его представлениях о виде.

Ископаемые остатки животных, обнаруживаемые в различных пластах земли, по большей части значительно отличаются от современных обитателей земного шара, принадлежа к видам и даже родам, совершенно новым для нас. Более глубокие и, следовательно, более древние пласты содержат остатки животных, наиболее отличающихся от современных, а по мере приближения к поверхности земли мы обнаруживаем постепенное появление в пластах остатков животных, все более и более сходных с нынешними. Эти данные свидетельствуют о том, что уже задолго до Адама земля испытала ряд изменений, ряд переворотов или революций, и доставляют науке «любопытный материал для предположений касательно вымерших рас животных и способа, при помощи которого их место заняли современные виды живых существ» (стр. 48). Здесь Лоуренс ссылается на работы Кювье, Броньяра, Ламарка и Паркинсона как на сочинения, содержащие основной материал по данному вопросу, из чего видно, что он был знаком с эволюционной теорией Ламарка. Однако не здесь, а только в четвертой лекции, где он приступает к вопросу о сущности понятия «вид», Лоуренс с полной определенностью высказывается в пользу учения о первозданности и неизменности видов.

Каждому животному, — говорит Лоуренс, — свойственна своя неизменная, фиксированная внешняя форма, которая продолжается из поколения в поколение путем размножения. «Некото-

¹²² Как показано выше, именно за свой механический материализм, за свои воззрения на психику («душу») как на функцию мозга и на жизнь, как на взаимодействующую совокупность жизненных функций, связанных с организацией, с «устройством механизма» животного тела, Лоуренс подвергся гонениям со стороны клерикалов. С другой стороны, многие передовые биологи первой трети XIX в. восхищались Лоуренсом как борцом за материализм. Так, знаменитый американский ботаник Аза Грей, ставший впоследствии борцом за дарвинизм в США, писал в 1831 г. Фолуэллу (Folwell): «Этот Лоуренс — восхитительный малый, решительный и приятный автор. Хотел бы, чтобы Вы прочитали его... Он материалист — вполне в моем вкусе...» (A. D u p r e e. Asa Gray, 1810—1888. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press, 1959, pp. 20—21).

рые формы, точно те же, какие существуют в мире в настоящий момент, существовали уже в незапамятные времена» (стр. 82). Весь опыт человечества подтверждает этот факт. Все животные, принадлежащие к той или иной из этих форм, и составляют то, что зоологи называют видом. Однако сходство особей, принадлежащих к одному и тому же виду, не следует понимать в абсолютном смысле. Не существует двух особей одного и того же вида (это относится как к растениям и животным, так и к человеку), которые не обладали бы теми или иными индивидуальными отличиями. «Этот закон природы неизменно наблюдается во всем творении... Индивидуальная изменчивость — источник всего прекрасного и интересного во внешнем мире» (стр. 82—83). Силой, которая модифицирует организацию животного, заставляя ее отклоняться от организации родителей, являются некоторые внешние условия, такие, например, как пища, климат, образ жизни. Но влияние на организм этих условий заканчивается с жизнью особи. Так, дети европейцев, кожа которых потемнела под действием солнца, рождаются такими же белыми, какими были при рождении их родители, если только не произошло скрещивания с представителем какой-либо темнокожей расы. Однако при некоторых условиях, сущность которых нам еще неизвестна, может произойти более существенное изменение организации. Возникает новый признак, который распространяется в потомстве: это и есть то, что натуралисты называют разновидностью. Однако «число и степень такого рода вариаций ограничены узкими пределами; они встречаются главным образом у домашних животных и не препятствуют передаче и продолжению тех форм, которые составляют вид» (стр. 85).

Ограничив, таким образом, изменчивость пределами вида, Лоуренс принимает, как это сделал и Причард, определение вида, данное Кювье: «Исходя из критерия определенной формы, передаваемой путем размножения, мы можем определить вид как совокупность всех особей, происшедших одна от другой или от общих родителей, а также всех тех, которые столь же сходны с ними, как они сходны друг с другом» (стр. 85). Это определение вида позволяет построить естественную систему животного мира. В противоположность системе искусственной, которая при всей своей полезности представляет собою всего лишь указатель, перечень организмов, естественная система стремится «распознать и вскрыть те тайные пружины, которыми великая система организации, именуемая „природой“, поддерживается в своей неизменной активности» (стр. 59). В естественной системе кажущаяся нам непрерывной «лестница существ», постепенно нисходящая от человека до тех «одушевленных микроскопиче-

ских точек, тысячи которых мы обнаруживаем в единой капле жидкости», распадается на группы, охватывающие организмы по большей или меньшей степени глубокого сходства их строения и жизнедеятельности. Близкие виды объединяются в роды, близкие роды — в отряды, близкие отряды — в классы и близкие классы — в отделы (типы). Четыре типа, на которые разделил Кювье весь животный мир, действительно позволяют проследить постепенные переходы от высшего к низшему в пределах каждого типа, раскрывая перед ними план природы, строение и модификации органов во всем животном царстве (стр. 86—88).

Установив эти основные положения, Лоуренс обращается к изложению того, что он назвал «Естественной историей человека». Задачи, которые ставит перед собой Лоуренс, он сформулировал в виде следующего ряда вопросов: «Представляет ли собою человек вид, совершенно отличающийся от всех других видов или же он родственен в видовом отношении орангутану и другим обезьянам? В чем заключаются его телесные и умственные отличительные особенности? Иного ли рода последние [т. е. умственные отличия] или же они отличаются от умственных способностей высших животных только по степени своего развития? Существует ли только один вид людей или же существует много различных видов их? Какие особенности внешней формы и внутреннего строения характеризуют различные расы...? Как влияют на человека внешние воздействия: климат, пища, образ жизни? Могут ли эти или какие-нибудь другие [факторы], воздействуя на первоначально одинаковые существа, вызвать все те различия, какие до сих пор наблюдались? Или же мы должны предположить, что с самого начала были созданы различного рода люди, каждый род для своего собственного местообитания? Если мы примем предположение о едином виде, то в какой стране он первоначально обитал? И каков был внешний вид этого первичного человека? Ходил ли он в выпрямленном состоянии или на всех четырех? Был ли он патагонцем, или эскимосом, или негром, или кавказцем? (стр. 103—104). Мы уже видели, что предпоследний из этих вопросов дал основание Каннингэму усмотреть в Лоуренсе эволюциониста; несмотря на то, что Лоуренс уже через несколько страниц высказывает резко отрицательное отношение к возможности положительного ответа на вопрос о том, ходил ли первоначально человек «на всех четырех», странным образом Каннингэм не заметил этого!

Приступая к рассмотрению «естественной истории человека», Лоуренс прежде всего отмечает, что в этой области можно встретить самые невежественные утверждения даже у весьма

выдающихся авторов. Так, Монбоддо и Руссо поддерживали «весьма странное мнение... будто человек и обезьяна, по крайней мере орангутан, принадлежат к одному и тому же виду и что различия между ними возникли просто в результате того, что они подверглись действию различных условий физического и морального порядка»; Монбоддо предполагал даже, что «человеческая раса некогда обладала хвостом», а Руссо допускал, что и сейчас на земле существует «дикий человек, ведущий, подобно диким зверям, изолированный и уединенный образ жизни» (стр. 106—107). С другой стороны, авторы (например, Уайт), поддерживающие учение о лестнице существ и о том, что «природа не делает скачков», рассматривают человека как «наиболее совершенный род обезьяны и обрекают несчастного африканца на деградированное положение в качестве связующего звена между высшими расами человечества и орангутаном» (стр. 108). Все эти утверждения Лоуренс считает ошибочными, научно несостоятельными. Свое отношение к воззрениям, согласно которым человек «был предназначен природой ходить на всех четырех» и «от природы является четвероногим», Лоуренс выражает заимствованной им у какого-то классического автора фразой: «*Nihil tam absurdum esse, quod non ab aliquo philosopho dictum fuit*» («Нет ничего сколько угодно нелепого, чего не утверждал бы тот или иной философ», стр. 117).

Присоединяясь к Блуменбаху и Кювье, Лоуренс относит человека — во всех его разновидностях — к особому отряду (*Rimana*) с единственным родом (*Homo*), содержащим только один вид (*Homo sapiens*). Этот вид характеризуется следующими неотъемлемыми признаками: выпрямленное положение тела (прямохождение), двурукость, тесно сближенные и одинаковой длины зубы, вертикальное положение нижних резцов, выступающий подбородок, разум, речь, отсутствие [естественного] вооружения и беззащитность (стр. 114). В семи главах первой части «Естественной истории человека» Лоуренс подробно рассматривает с анатомической, сравнительно-анатомической и физиологической точек зрения отличительные признаки человека как самостоятельного вида животного мира. Подобный анализ строения и функций руки и ноги человека приводит его к следующим выводам: Аристотель был совершенно прав, утверждая, что среди всех животных один только человек обладает руками, действительно заслуживающими этого названия (стр. 136); прямохождение — не только необходимый результат строения человека, но и особенность, исключительно специфичная для него; уже одних только отличий в форме и расположении частей руки и ноги совершенно достаточно, чтобы «отделить человека широким интервалом от всех других животных» (стр. 142).

Здесь нет необходимости останавливаться на рассмотрении других доказательств, которые Лоуренс приводит в обоснование положения о видовой специфичности человека. Отметим лишь, что он считает весьма убедительной ту характеристику человека, которую предложил Франклин, чтобы противопоставить человека всему остальному животному миру: «Человек — это животное. делающее орудия»; он считает справедливым также мнение Гоббса, что речь, свойственная среди всех животных только человеку, обусловив возможность взаимного общения людей и передачу и сохранение человеческого опыта, сделала человека «социальным животным» (стр. 199).

Обосновывая в целом правильно специфичность человека как одного из видов животного мира, Лоуренс исходил, однако, при этом из того убеждения, что специфичность эта является изначальной, так же как она изначальна для любого другого вида животных. Доказательства этого в изобилии представлены во второй части «Естественной истории человека» (стр. 209—496), посвященной анализу расовых различий человека. Возможно, — говорит он, — одно из двух решений вопроса о сущности и происхождении человеческих рас: либо они «были первоначально созданы со всеми своими характерными отличиями и происходят от различных первичных семей», т. е. в соответствии с обычной терминологией натуралистов, представляют собой *различные виды*; либо же мы «должны предположить, что в первой инстанции был образован только один род человеческих существ», который под действием различных причин приобрел свое нынешнее разнообразие, или, иначе говоря, расы человека представляют собой *различные разновидности* одного и того же вида (стр. 210). Лоуренс прежде всего заявляет, что вопрос этот относится к области естественной истории и физиологии и должен быть исследован методами естествознания. Для тех, кто считает библейский рассказ о сотворении мира боговдохновенным и описывающим подлинный ход событий, такое исследование может показаться излишним. Однако многие неясности и противоречия этого рассказа вынуждают нас считать, что вопрос подлежит исследованию и обсуждению. Во всяком случае, «если происхождение человечества от одного ствола может быть доказано независимо от библейских книг, то это заключение косвенным образом подтвердит достоверность древней летописи» (стр. 218). Мы видим, что Лоуренс становится на такую же точку зрения, как Причард, на которого, надо сказать, он здесь и ссылается.

Историко-лингвистические данные приводят Лоуренса к выводу, что древнейшим или первоначальным местом обитания человека была Центральная Азия, и в частности, как ему кажет-

ся вероятным, Кашмир; здесь же следует искать источник возникновения главных пород домашних животных и сортов культурных растений; здесь находится колыбель искусств и наук. Но факты, доставляемые историей и лингвистикой, не могут помочь нам в решении главного вопроса: была ли заселена земля одним или несколькими первичными стволами; они не дают нам также возможности проследить, каким образом шло распространение этих стволов (стр. 224). Прежде чем перейти к детальному рассмотрению расовых различий человека, Лоуренс вновь обращается к вопросу о точном определении терминов «вид» и «разновидность» в зоологии, и о том, как в пределах вида возникают разновидности. Хотя в основном мы уже познакомились с его взглядами по этому вопросу, первая глава рассматриваемой части его книги содержит ряд существенных для нас подробностей.

С большой определенностью Лоуренс настаивает здесь на абсолютной неизменности видов. «Постоянное и неизменное различие — самая существенная черта, выражаемая словом „вид“». Не имеет значения размер этого различия, ибо будет ли оно велико или мало, раз речь идет о разных видах, они остаются абсолютно различными независимо от степени их сходства. Так, домашняя и полевая мышь — столь же различные и постоянные в своем различии виды, как каждый из этих двух видов мышей и слон. Однообразие вида поддерживается постоянным воспроизведением одних и тех же признаков в потомстве, отвращением к скрещиванию с другими видами, благодаря чему сколько бы ни миновало веков не возникают никакие отклонения от первоначальной модели вида. Лоуренс ссылается здесь на описания Аристотеля, на известные заключения Кювье о неизменности видов на основании древнеегипетских мумий животных и т. п. Это относится, говорит Лоуренс, главным образом к диким животным, организация которых строго приспособлена к условиям их местообитания. Если у них и наблюдаются некоторые изменения под влиянием изменившихся условий жизни (пищи, климата и пр.), то они крайне незначительны и не нарушают основных признаков вида (стр. 224—225).

Иначе обстоит дело у домашних животных: животные, подвергшиеся одомашниванию, по большей части уже не существуют в своем естественном, диком состоянии, их первичная форма не сохранилась. Степень различного рода изменений, которым они подверглись, измеряется интенсивностью и длительностью действия вызвавшей их причины. Так, слон и северный олень практически не изменились, у кошки изменилась окраска шерсти, но не скелет; самые же удивительные изменения в форме и других признаках были получены человеком в тех случаях,

когда он мог регулировать скрещивание животных, отбирая особей на племя, как видно на примерах лошади, коровы, собаки, свиньи, овцы. Таким образом, понятие «вид» приобретает совершенно различный смысл в применении к диким и домашним животным. В то время как у диких животных особи, относящиеся к одному и тому же виду, представляют близкое и строгое сходство, обнаруживая лишь иногда незначительные отклонения в окраске, качестве меха, размерах и развитии некоторых менее существенных частей тела, у домашних животных одного и того же вида мы признаем отклонения гораздо более значительные, чем те, которыми отличаются друг от друга дикие животные разных, вполне определенных видов. Отвлеченно говоря, мы относим к одному и тому же виду всех животных, различия между которыми могли возникнуть в силу естественного хода дегенерации [изменения], т. е. в результате признаваемых нами причин изменения. Наоборот, к разным видам мы относим тех животных, различия между которыми не могут быть объяснены причинами такого рода. Главная трудность заключается в том, на основании каких критериев можем мы на практике решать вопрос, имеем ли мы дело с простыми разновидностями или с врожденными видовыми различиями (стр. 224—227).

Одним из таких общепризнанных критериев является возможность или невозможность получения плодовых гибридов при скрещивании. В первом случае мы имеем дело с разновидностями одного и того же вида, во втором — с различными видами. На основании этого критерия вопрос в отношении человека решается просто: все расы человека принадлежат к одному виду. Как правило, этот критерий верен. Неспособность разных видов давать плодовитое потомство при скрещивании является средством, при помощи которого природа обеспечивает сохранение единообразия вида. Известны, правда, и исключения из этого правила (у млекопитающих и птиц), но во всех такого рода ненормальных союзах дело чаще всего происходит при содействии человека. Весь известный нам фактический материал вынуждает нас в целом прийти к тому заключению, что «при помощи непреодолимых барьеров инстинктивного отвращения [к половому общению разных видов друг с другом], стерильности гибридного потомства и поселения разных видов в различных частях земли природа предотвратила какую бы то ни было порчу (corruption) или какое бы то ни было изменение (change) вида у диких животных. Мы должны, следовательно, допустить в отношении всех видов, известных нам в настоящее время, что они достаточно различны и постоянны, и имеют [каждый] особое происхождение, восходящее к одному и тому же времени (sufficiently distinct and constant, a

distinct origin and common date). С другой стороны, плодовитое скрещивание некоторых видов, достигнутое при помощи искусства, не дает нам основания считать их идентичными по расе или по происхождению, поскольку мы видим, что в естественном, диком состоянии они отличаются постоянными признаками от типа, характерного для смежного вида, и всегда производят потомство, отличающееся этими признаками» (стр. 227—231). Эти свои соображения об изначальной неизменности видов и о возникновении в пределах вида (у домашних животных и человека) разновидностей в условиях изменения среды Лоуренс подкрепляет ссылкой на аналогичные рассуждения Блуменбаха, который также признавал, что разновидности (расы) возникают «под действием обычных причин дегенерации», между тем как «дикие виды остаются постоянными, неизменными» (стр. 232—233).

В главах 2—8 второй части «Естественной истории человека» Лоуренс с большой подробностью рассматривает различия между расами человека по цвету кожи и глаз, типу волос, чертам лица, черепу, зубам, пропорциям тела, росту, особенностям ушей, половых органов, попутно развивая теоретические соображения о закономерностях расообразования, краткое повторение и сводку которых он дает в последней, девятой главе второй части книги. Некоторые из соображений Лоуренса, развитых им в этих главах, представляют для нас дополнительный интерес. Пытаясь решить вопрос о возникновении расовых различий, следует иметь в виду, говорит он, что «закон сходства между родителями и потомством, сохраняющий [неизменность] вида и поддерживающий единообразие в органической части творения, случайно и в редких исключениях нарушается; при некоторых обстоятельствах производится потомство с новыми особенностями, отличающимися от особенностей прародителей; наиболее эффективным из этих обстоятельств является и искусственный образ жизни, который мы называем состоянием одомашнения» (стр. 383). Но каким образом условия жизни могут оказывать влияние на характер воспроизводимого путем размножения потомства? Как это происходит? Ответ на этот вопрос можно будет дать только тогда, когда будут познаны все условия развития и питания зародыша. В настоящее же время, заявляет Лоуренс, возможно только констатировать самый факт: «Условия одомашнения производят в изобилии не только такие отклонения от естественного состояния организации, которые порождают болезни, но и такие отступления от обычного хода генеративных функций, которые приводят к появлению у потомства новых признаков, и таким образом ведут к установлению новых пород» (стр. 383). Так как такие новые

прирожденные особенности передаются по наследству, то, скрещивая особей, обладающих ими, мы и получаем возможность вывести новую породу.

У человека этому процессу способствуют браки в небольших изолированных обществах, где становится возможным, таким образом, поддерживать чистоту расы. С другой стороны, можно, наподобие того, как это делают животноводы, и изменять расу (сознательно или бессознательно) в том или ином направлении. Так, мужчины какого-либо народа, выбирая себе жен в соответствии со стандартом красоты, сложившимся у этого народа, будут способствовать установлению в этом народе тех или иных определенных черт лица. Правда, добавляет Лоуренс, в человеческом обществе такой выбор самых красивых женщин в качестве жен могут свободно осуществлять только знать и богачи (стр. 384—390). Именно в этих замечаниях Лоуренса Зэркл и другие авторы усмотрели предвосхищение идеи полового отбора, что, конечно, является сильным преувеличением. Во всяком случае, идея эта не получила у Лоуренса никакого дальнейшего развития, да и как видно из изложенного, он приводит факт выбора красивых жен мужчинами как пример искусственного отбора в человеческом обществе. Как мы уже видели, значение и сущность искусственного отбора Лоуренс представлял себе в достаточной мере ясно. Развивая приведенные только что соображения, он говорит: «Создание новых разновидностей путем размножения особей, у которых желательные особенности выражены в наибольшей степени, можно видеть с гораздо большей отчетливостью на примере наших домашних животных, чем на примере нашего собственного вида, ибо первые находятся целиком во власти человека. Великой задачей является сохранение расы в чистоте: при отборе животных для размножения мы можем взять наиболее примечательных по величине, окраске, форме, пропорциям или любой другой особенности и исключить всех других. Таким путем мы можем получить овец, ценных по своей шерсти, с большим или малым туловищем, с толстыми или тонкими ногами, словом, точно таких, каких мы наметили, [конечно] в определенных пределах. Важность этого принципа полностью осознана в деле разведения лошадей. Арабы сохраняют родословные своих лошадей более тщательно, чем свои собственные... Английский животновод столь же хорошо знает, что он должен по-разному выбирать жеребцов и кобыл в соответствии с тем, желает ли он получить ломовую, рысистую или скаковую лошадь, и что ошибка, допущенная в этом отношении, немедленно расстроит его планы» (стр. 392—393).

В непосредственной связи с этими рассуждениями об искусственном отборе, применяемом животноводами, следуют две фразы, в которых некоторые авторы хотят видеть намек на идею естественного отбора, но в которых, как нам кажется совершенно очевидным, Лоуренс говорит лишь о возможности применения искусственного отбора к человеку. Вот что он пишет: «Наследственная передача физических и моральных качеств, столь хорошо выясненная и обычно действующая у домашних животных, равным образом имеет силу и в отношении человека. Высшая порода человеческих существ могла бы быть произведена лишь путем отборов и исключений, сходных с теми, которые так успешно применяются при выведении наиболее ценных наших животных». То, что здесь имеется в виду именно искусственный отбор, подтверждается дальнейшим текстом, на основании которого некоторые современные буржуазные авторы открыли, к своей радости, в Лоуренсе предтечу современной евгеники. Лоуренс действительно выражает сожаление, что в человеческом обществе, для которого так важно было бы добиваться усовершенствования человеческой породы, возможность применения к людям принципа искусственного отбора совершенно игнорируется. «Вследствие этого,— говорит он,— все уродства ума и тела, появляющиеся в таком изобилии при нашем искусственном образе жизни, передаются потомству и ведут в результате их умножения и расширения к деградации расы. Поэтому масса населения в наших больших городах не выдерживает сравнения с дикими нациями, у которых, если несовершенные и уродливые особи и выдержат трудности при своем первом появлении, устраняются от размножения своих недостатков благодаря отвращению, которое они внушают к себе».

К чести Лоуренса надо сказать, что его симпатии были на стороне простого народа и что свои «евгенические соображения» он основывал на примерах вырождения богачей, знати и королевских домов Европы, «всех тех, кому вручены судьбы народа», и кто, в силу «законов, обычаев, предрассудков, чванства и нетерпимости», ставит соображения происхождения и богатства выше физических и моральных качеств избираемого супруга. В результате «ко всему пагубному влиянию, которое неотделимо от их высокого положения», присоединяется физическая и моральная деградация их. «Ярким примером этого является нынешнее состояние многих королевских домов Европы», у которых в последовательных поколениях все более возрастает число умственно отсталых и идиотов (стр. 393—395).

В последней (девятой) главе Лоуренс следующим образом формулирует свой основной принцип образования в пределах

вида различных разновидностей (рас, пород): образование «тех замечательных различий, которыми отличаются друг от друга разновидности [домашних] животных [и соответственно — расы человека] можно объяснить только... случайным возникновением, в качестве природной и прирожденной разновидности, потомка, признаки которого отличаются от признаков родителей, и последующим размножением такой разновидности из одного поколения в другое» (стр. 438). Этим собственно и исчерпывается теория расообразования, которую поддерживал Лоуренс. Опыт животноводов позволил ему привлечь сюда искусственный отбор в качестве средства, позволяющего человеку осуществлять изоляцию (выделение), закрепление и размножение полезных для него разновидностей (пород) домашних животных. В отношении видов диких животных, которые, как он был убежден, остаются неизменными со времени сотворения их, он, конечно, не мог даже и ставить вопроса о каких-либо закономерностях их видоизменения. Что же касается человека, то все, что, как мы видели, можно извлечь из его труда, сводится к неотчетливому представлению о том, что возникавшие согласно изложенному принципу разновидности могли закрепляться и умножаться благодаря географической изоляции отдельных групп, племен, наций. Никакого намека на идею естественного отбора мы у Лоуренса не находим.

Все это подтверждается также итоговыми выводами, которыми Лоуренс заключает свою девятую главу. Их стоит привести полностью: «Приведенные в настоящем разделе факты и наблюдения с очевидностью ведут нас к следующим заключениям. Во-первых, различия в физической организации и в моральных и интеллектуальных качествах, которыми характеризуются разные расы нашего вида, аналогичны по своему характеру и степени тем различиям, которыми отличаются друг от друга породы наших домашних животных, и объясняются поэтому теми же самыми принципами. Во-вторых, в обоих случаях они впервые возникли как природные или прирожденные вариации, и затем передавались потомству в наследственной последовательности. В-третьих, обстоятельства, благоприятствующие этому предрасположению к образованию вариаций в животном царстве, проявляются наиболее мощно в состоянии одомашнивания. В-четвертых, внешние или побочные причины, например, климат, местоположение, пища, образ жизни играют значительную роль в изменении конституции человека и животных, но их влияние, так же как и влияние искусства или случая, ограничивается особью, не передается при размножении, и, следовательно, не оказывает воздействия на расу. В-пятых, таким образом, человеческий вид, так же как и вид коро-

вы, овцы, лошади, свиньи и других является единым, и все различия, которые он представляет, следует рассматривать всего лишь как его вариации (разновидности)» (стр. 470—471).

Итак, систематический анализ книги Лоуренса (а не произвольное выдергивание из текста отдельных фраз и цитат, как это делали упомянутые нами авторы, занимавшиеся Лоуренсом) полностью убеждает нас в том, что Лоуренс не только не был эволюционистом, но что он при несомненном знакомстве с воззрениями Бюффона и Ламарка твердо придерживался учения Кювье и других креационистов о неизменности и первозданности видов. Признавая индивидуальную изменчивость, он ограничивал возможность изменений пределами вида и считал, что возникающие иногда наследственные индивидуальные изменения могут при содействии искусственного отбора, применяемого животноводами, и географической изоляции вести к образованию постоянных разновидностей (пород, рас) данного вида. Однако в отличие от Причарда, с воззрениями которого (как и с воззрениями Уэллса) концепция Лоуренса обнаруживает очень близкое сходство, Лоуренс для объяснения причин возникновения наследственных приспособительных изменений не обратился, как это сделал Причард, к мистическому «образовательному стремлению» Блуменбаха, а считал, что только дальнейшее развитие биологической науки (познание закономерностей индивидуального развития) позволит научно разъяснить подлинную сущность этого процесса. О естественном отборе Лоуренс не имел никакого представления. Дарвин был совершенно прав, не включив Лоуренса в свой «Исторический очерк».

ПАТРИК МЭТТЮ

(1790—1874)

Патрик Мэттью был, как это можно считать в настоящее время, твердо установленным, первым английским автором, высказавшим до Дарвина идею естественного отбора в достаточно отчетливой форме и попытавшимся объяснить при помощи естественного отбора процесс видообразования. Об отношении Патрика Мэттью к эволюционному учению стало впервые известно в 1860 г., после выхода в свет первых двух изданий «Происхождения видов», когда Мэттью напечатал в журнале «Gardeners' Chronicle» от 7 апреля 1860 г. статью (датированную 7 марта) под заглавием «Nature's Law of Selection» (стр. 312—313). Обращаясь в начале статьи к редакции журнала, Мэттью писал: «Будучи уверен, что вы стремитесь воздать должное каждому, я надеюсь, что вы напечатаете нижеследующее сообщение. В номере вашего журнала от 3 марта я обра-

тил внимание на длинное извлечение, в котором сообщается, что м-р Дарвин „заявляет, что он открыл существование и способ действия природного закона отбора“, то есть „силы, которая в природе замещает человека и sua sponte (самопроизвольно) осуществляет отбор“ в органической жизни. Это открытие, недавно опубликованное как „результат двадцатилетних исследований и размышлений“ м-ра Дарвина есть ни что иное, как именно то, что я весьма полно изложил и предложил применить практически в лесоводстве в моем труде „Строевой корабельный лес и древонасаждение“»¹²³, опубликованном уже давно, 1 января 1831 г., и прорецензированном во многих периодических изданиях: в «Metropolitan Magazine», «Quarterly Review», «Gardeners' Magazine» Лоудона, который говорит о ней как об известной книге, а также в «United service Magazine» за 1831 г., и др. Нижеследующее является извлечением из этой книги, ясно доказывающим основательность моих претензий. В этой же книге содержится и первый проект парового тарана (который после того был заявлен также несколькими другими авторами — английскими, французскими и американскими) и военной флотилии паровых канонерских лодок, которые станут необходимыми в будущей морской войне; все это, так же как и органический закон отбора, только теперь пролагает себе путь»¹²⁴.

* Таким образом, в данном случае в противоположность тому, что мы видели в случае с Уэллсом, который с исключительной скромностью оценивал свою концепцию как догадку, предположение, стоящее на грани фантазии, мы встречаемся с автором, твердо уверенным, что не Дарвину, а ему принадлежит первенство на провозглашение теории естественного отбора. Так как эти претензии Мэттью были поддержаны многими писателями еще во времена Дарвина (в частности, С. Батлером,

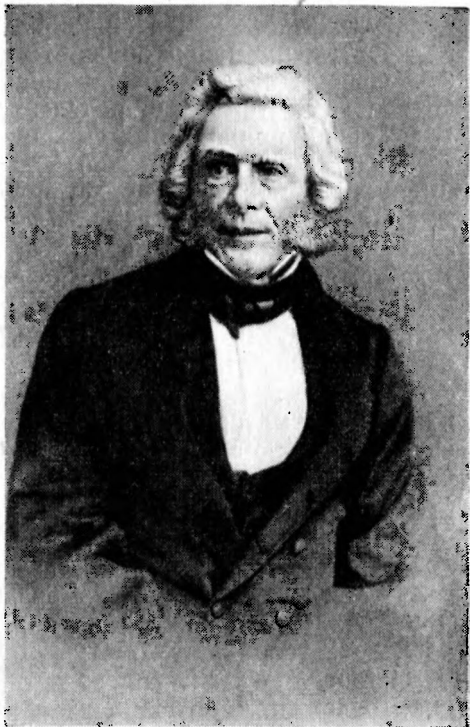
¹²³ P. Matthew. On naval timber and arboriculture; with critical notes on authors who have recently treated the subject of planting. A. and Ch. Black, Edinburgh, and Longman and Co., London, 1831, 391. Книги этой в библиотеках Москвы и Ленинграда нет. Наш знаменитый лесовод Г. Морозов сообщает в статье «Дарвинизм в лесоводстве» («Лесной журнал», 1913, отд. оттиск, стр. 4), что ему «удалось получить редкую книгу Мэттью „Кораблестроение и лес“, некоторые главы которой будут помещены в переводе в одном из выпусков „Лесного журнала“». Последнее, по-видимому, не было осуществлено, а экземпляр книги Мэттью, приобретенный Морозовым обнаружить не удалось. Пользуюсь случаем выразить благодарность академику В. Н. Сукачеву за оказанное им содействие в поисках этого экземпляра.

¹²⁴ Это извлечение воспроизведено (за исключением четырех небольших абзацев) в книге: S. Butler. Evolution, old and new. London, 1921, p. 317—324. Батлер допустил, однако, ряд мелких отклонений от текста Мэттью, а в двух-трех случаях даже заменил одни слова другими, например, вместо «creation» — «conception».

1879), следует подробно остановиться на разборе воззрений Мэттью.

Те рассеянные в разных местах его труда 1831 г. отрывки, в которых он излагал свои эволюционные взгляды, Мэттью собрал воедино и приложил к приведенному выше письму в «*Gardeners' Chronicle*», где они и были напечатаны. Так как существо взглядов Мэттью неизвестно нашим читателям (в 1913 г. перевод его текста, напечатанного в «*Gardeners' Chronicle*», появился в «Лесном журнале», но он выполнен на крайне низком уровне и искажает как мысли, так и терминологию Мэттью), мы приведем здесь этот текст Мэттью практически полностью в нашем переводе.

«В Природе существует всеобщий закон, направленный к тому, чтобы сделать каждое размножающееся существо возможно лучше соответствующим его условиям — насколько это допускают его род или организованная материя — [и] который, по-видимому, предназначен для того, чтобы формировать физические и умственные или инстинктивные способности до их высшего совершенства и закреплять их таковыми. Этот закон поддерживает силу льва, быстроту зайца и хитрость лисицы. Так как природа обладает способностью во всех своих видоизменениях жизни, возрастая далеко за пределы того, что необходимо, чтобы заполнить место того, что погибает под разрушительным действием Времени, то те особи, которые не обладают необходимой силой, быстротой, смелостью или хитростью, погибают преждевременно, не оставляя потомства, либо как добыча своих естественных истребителей, либо от болезней, обычно вызываемых недостатком пищи, а их место занимают более совершенные из их собственного рода, захватывающие средства существования...

Патрик Мэттью

...На протяжении этой книги мы испытывали значительное неудобство, применяя общепринятую классификацию растений, и все время путаясь между видом и разновидностью, которые в условиях культуры определенно сливаются друг с другом. В условиях природы, несомненно, существует в значительной степени то особое единство — у каждого рода свое, которое именуется видом. Это единство существовало в течение последних сорока столетий. Геологи открывают подобное же особое сходство — ископаемые виды — в глубоких отложениях каждой великой эпохи; но они открывают также, что существует почти полное различие между видами или складом жизни одной эпохи и видами или складом жизни каждой другой. Мы приходим, следовательно, к необходимости допустить либо повторное сверхъестественное сотворение, либо свойственную живой организованной материи, или, вернее, скоплениям низшей жизни, из которой, по-видимому, формируется высшая способность изменяться под действием изменения условий. Расстройства и изменения в органическом существовании, вызванные изменением условий вследствие вмешательства человека, давая нам доказательство пластичности высшей жизни, и вероятность того, что условия были очень различными в разные эпохи, хотя и постоянными в каждой из них, сильно повышают вероятность последней теории.

Наблюдая гигантские известковые и битуминозные формации, [отложенные] главным образом водами и атмосферой, и учитывая [процессы] окисления и осаждения, происходившие либо постепенно, либо при некоторых из великих катастроф, нам кажется по крайней мере возможным, что жидкие элементы, содержащие в себе жизнь, значительно изменялись по своему составу и весу в разные времена; что наша атмосфера содержала в гораздо большей пропорции угольную кислоту и кислород, а наши воды вследствие избытка угольной кислоты и более высокой температуры, обусловленной большей плотностью атмосферы, содержали большее количество извести и других растворенных минералов. Является ли в таком случае не философским заключение, что живые тела, которые, как доказано, обладают способностью соответствовать условиям (очень незначительное изменение условий в культуре вызывает соответствующее изменение признака) могли постепенно сами приспособляться к изменениям элементов [стихий], в которых они жили, и без какого-либо нового сотворения обнаружили расходящиеся изменчивые явления прошлой и нынешней организованной жизни?

Разрушительные потоки жидкости, сносившие самые прочные горы и измельчавшие их в гравий, песок и ил, распространя-

лись, вероятно, по всей поверхности земного шара и уничтожали почти все живые существа, так что должно было образоваться незанятое поле для новых расходящихся разветвлений жизни. Последняя в связи с половой системой растений и естественными инстинктами животных образовывать стада и соединяться с себе подобными должна была распадаться на видовые группы. Эти пережитки [которые] в беге времени формировались и приспосабливали свое существование наново к изменению условий и ко всем возможным средствам существования, и миллионы веков, которые, по-видимому, не прерываясь протекали между эпохами, после того как это приспособление, вероятно, было завершено, приносили ископаемый запас непрерывного видового состава.

Существует только два возможных пути изменения — отмеченное выше и еще более значительное отклонение от нынешнего состояния — неразрушимой, или молекулярной жизни, которая проявляется в силах притяжения и отталкивания (в некотором роде подобно законам сцепления материн) и к постепенному объединению и развитию этих молекул в новые, приспособленные к условиям живые агрегаты, возникшие в отсутствии какой-либо формы, или зачатка прежних агрегатов, но этот путь мало чем отличается от нового творения, хотя и является частью непрерывной системы.

Стараясь по первому пути проследить принцип этих изменений формы, которые имели место в тайниках жизни, мы сталкиваемся со следующими вопросами: возникли ли они путем смещения близко родственных видов, производящих промежуточные виды? Или они являются расходящимися разветвлениями живого начала при изменении условий? Или же они представляют собой результат комбинированного действия того и другого? Существует ли только одно начало жизни? Не происходит ли организованная природа, а может быть и вся материальная природа от одного первичного начала жизни, способного к постепенным и бесконечным изменениям и комбинациям, которые соответствуют условиям под действием растворяющего или сообщающего движение фактора тепла или света? Имеется больше красоты и единства плана в этом продолжающемся постоянно равновесии между жизнью и условиями и больше соответствия с такого рода предрасположениями природы, раскрывающимися перед нами, чем во всеобщем разрушении и новом сотворении. Невероятно, что бы все это огромное разнообразие возникло путем скрещивания близко родственных видов; ведь при этом всякое изменение представляется строго ограниченным в пределах того, что называется видом; потомство одних и тех же родителей при большом различии условий

может в течение нескольких поколений превратиться в новые виды, неспособные к взаимному размножению.

Саморегулирующееся предрасположение к приспособлению в органическом мире можно отчасти усмотреть в необычайной плодовитости природы, которая, как уже было указано, обладает во всех разновидностях своего потомства способностью плодовитости, далеко превосходящей (во многих случаях в тысячи раз) то, что необходимо, чтобы заполнить все свободные места, создаваемые разрушением старого. Так как поле существования ограничено и переполнено, то только более сильные, более крепкие, более соответствующие условиям организмы [особи] способны продолжать борьбу до зрелости, и именно они занимают ситуации, к которым они наилучше приспособлены и обладают большей способностью занять их, чем какие-либо другие особи их рода; более слабые и менее соответствующие условиям преждевременно [до созревания] уничтожаются. Этот принцип действует постоянно; он регулирует цвет, форму, способности и инстинкты; те особи каждого вида, окраска и покров которых наиболее пригодны для укрывания или защиты от врагов, или для обороны от превратностей и суровости климата, форма тела которых наилучше приспособлена для здоровья, силы, обороны и поддержания жизни; способности и инстинкты которых наилучше регулируют их физическую энергию для их собственной пользы в соответствии с условиями — в этой гигантской затрате первичной и юной жизни, — только они развиваются до зрелости в результате строгого испытания, при помощи которого природа проверяет их соответствие ее стандарту совершенства и пригодность продолжать свой род путем воспроизведения.

Благодаря непрерывности действия этого закона в природе, сочетающегося с тенденцией потомства удерживать наиболее характерные особенности родителей, и с половой системой у растений, и с инстинктивным ограничением своим собственным родом у животных получается значительное однообразие формы, цвета и характера, устанавливающее виды; потомство постепенно приобретает наилучшую приспособленность к своим условиям, какая только допустима для них, и когда происходит изменение условий, они изменяются по своим признакам, насколько природа допускает такое изменение.

Этот закон приспособления к условиям, действуя на незначительное, но постоянное предрасположение потомства отклоняться от нормального типа (разнообразие семян), не исключает предполагаемого влияния воли и чувства на конфигурацию тела. Задача рассмотреть это предрасположение к отклонению от нормы у потомства, которое проявляется даже в том

случае, когда имеется только один родитель, как у многих растений и исследовать, насколько варьирование модифицируется умом или нервной чувствительностью родителей, или самим живым существом в процессе его созревания: насколько она зависит от внешних условий и насколько от воли, раздражимости и мышечного упражнения — все это открытое поле для изучения и эксперимента. Прежде всего мы должны рассмотреть его зависимость от предшествующих звеньев каждой особой цепи жизни, так как разнообразие часто выражает попросту типы или приближения к прежним родичам затем наши эксперименты должны охватить изменчивость семейную и индивидуальную.

Эта непрерывность семейного типа не нарушаемая случайными особыми отклонениями, касается как умственных, так и телесных качеств, и выражается, например, многими наклопностями и инстинктами различных рас человека. Эти врожденные или непрерывные представления и инстинкты пропорционально больше у семейств насекомых, особенно у тех, у которых развитие короче; образуя постоянную память, они могут разрешить многое в загадке инстинкта и в том предвидении, которым обладают эти семейства в отношении того, что необходимо для завершения их круга жизни, сведя все это к знанию или впечатлениям и привычкам, приобретенным путем долгого опыта.

Эта большая непрерывность существования или скорее непрерывность восприятий и впечатлений у насекомых весьма возможна; у некоторых из них трудно даже установить те особые ступени, на которых начинается индивидуальность при различных фазах яйца, личинки, куколки, и насколько существует сознание индивидуальности. Непрерывность воспроизведения нескольких поколений подряд только самими самками у некоторых из этих семейств ведет к вероятности большей непрерывности существования; продление жизни путем деления (даже у животных) должно окончательно обезоружить защитников индивидуальности.

Среди миллионов видовых разновидностей живых существ, населяющих водную часть поверхности нашей планеты, насколько можно проследить в прошлом, не появлялось, за исключением человека, ни одной особо преобладающей расы, но устанавливалось относительно хорошее равновесие в способности захватывать места или скорее поразительное разнообразие условий параллельно природе каждого вида, как если бы условия и виды развивались одновременно. Существуют, правда, некоторые расы, угрожавшие своим восхождением в некоторых особых областях, но только один человек составил всеоб-

шую угрожающую опасность для существования своих собратьев.

Насколько простирается назад история, человек обладал уже значительным влиянием и овладел своими собратьями-животными, вызвав, вероятно, гибель многих видов и образование и закрепление известного числа разновидностей, а может быть и видов, которые он нашел более соответствующими для удовлетворения его потребностей, но которые вследствие слабости своего состояния, не подвергшись действию отбора по закону природы, о котором мы уже говорили, не могли бы сохраниться без культуры и защиты.

Только в настоящий период, однако, человек начал пожирать плоды своего утомительного воспитания и доказал, что «знание — сила». Он приобрел господство над материальным миром и вытекающую отсюда способность численно возрастать, так что вполне вероятно, что он станет скоро завоевателем всей поверхности земли благодаря этой аномальной тенденции к разрастанию, вызывая тем самым гибель всего удивительного и прекрасного разнообразия животного мира, не соответствующего его потребностям.

...Пышность и размер строевого леса в значительной степени зависят от свойств той или другой разновидности, от способа обхождения с семенами до посева и от ухода за молодым растением, а так как это основное правило обыкновенно или остается непонятным или ему мало уделяют внимания, то мы будем говорить о нем с самого начала.

В настоящее время налицо последствия нашего прискорбно-го невежества, нашего невнимания к одной из наиболее очевидных особенностей естественной истории, к тому, что растения, как и животные, обладают всеобщей способностью к почти безграничному многообразию, управляемому климатом, почвой, пищей и новыми сочетаниями уже сформировавшихся разновидностей. Во всех областях животного и растительного мира, особенно близких человеку, в которых он наиболее проявлял свою власть изменением условий почвы или развития тех или иных свойств, это обращало на себя внимание, например, в отношении собаки, лошади, коровы, овцы, домашней птицы, а также яблони, груши, сливы, крыжовника, картофеля или гороха, дающих бесконечно много разновидностей, значительно отличающихся друг от друга по размеру, вкусу, цвету, плотности строения и почти по всем известным своим качествам. Во всех этих областях человек до сих пор проявляет свое влияние, предупреждая исчезновение старательным отбором наиболее плодовых и ценных производителей; только в области строевого леса мы видим как раз обратное. Так как крупные разно-

видности не так скоро дают семена и многие из них даже срубаются до достижения ими зрелости, то обыкновенно в качестве производителей выбираются для удобства мелкие и хилые сорта известные ранним и обильным производством семян, а для более легкого извлечения последних оболочки их даже подвергаются сушке в печи. Можно ли в таком случае удивляться тому, что наши насаждения переполнены болезненными, недолговечными экземплярами, как это особенно, например, характерно для рода сосны, и в частности, для шотландской сосны? Насколько она по качеству хуже той, которая своим происхождением обязана одной природе, в которой только наиболее сильное, наиболее приспособленное к почве достигает зрелости и способности воспроизведения!

Мы настаиваем на том, чтобы сельский хозяин столько же уделял внимания при лесоразведении особенностям той или другой древесной разновидности, сколько он уделяет внимания породе животных — лошадей, коров или овец. Пусть заведующий питомником считается с разновидностями строевого леса, не засевая других семян, кроме собранных с наиболее крепких, здоровых, пышно растущих деревьев, воздерживаясь от засеивания преждевременно созревших, а также старых, перезревших... от них по аналогии с миром животных можно ожидать лишь слабое потомство, обреченное на преждевременную гибель»¹²⁵.

По поводу выступления Мэттью Дарвин 10 апреля 1860 г. писал Ляйеллю: «В номере „Gardeners' Chronicle" за последнюю субботу некий м-р Патрик Мэттью напечатал длинное извлечение из своего труда о „Строевом корабельном лесе и дрвонасаждении“, изданном в 1831 г., в котором он коротко, но полностью предвосхитил теорию Естественного Отбора. Я заказал эту книгу, так как некоторые абзацы кажутся мне недостаточно ясными; я думаю, однако, что это, несомненно, полное, хотя и не развитое предвосхищение...! Как бы то ни было извинительно, что этот факт не был обнаружен [мною] в сочинении о строевом корабельном лесе»¹²⁶. Ознакомившись с книгой Мэттью, Дарвин направил (13 апреля) в редакцию «Gardeners' Chronicle» ответное письмо через Гукера, которого просил предварительно ознакомиться с этим письмом, так как «вопросы приоритета часто приводят к отвратительным ссорам». Он отмечал также в своем письме к Гукеру, что в статье Мэттью его концепция выражена с большей силой, чем в книге, по той причине, что в статье несколько отрывков, рассеянных в книге

¹²⁵ P. Matthew. On naval timber..., p. 106—108, 364—365, 381—388.

¹²⁶ «The life and letters of Charles Darwin...», v. II, p. 301—302.

в самых различных местах, собраны воедино, «но было бы мелочным педантизмом отмечать это». Письмо Дарвина появилось в «Gardeners' Chronicle» 21 апреля в виде заметки под заглавием «Естественный Отбор» (стр. 362—363): «Я был очень заинтересован сообщением м-ра Патрика Мэттью в номере Вашего журнала от 7 апреля. Я охотно признаю, что м-р Мэттью предвосхитил много лет назад то объяснение происхождения видов, которое я предложил под именем Естественного Отбора. Полагаю, что никого не удивит то обстоятельство, что ни я, ни, по-видимому, никто другой из натуралистов не слышали о взглядах м-ра Мэттью, если принять во внимание, что они изложены очень коротко и появились в виде приложения к труду о строевом корабельном лесе и древонасаждении. Все, что я могу сделать [сейчас], это лишь принести мои извинения м-ру Мэттью за то, что я совершенно не знал о его сочинении. Если потребуется новое издание моего труда, я включу в него замечание указанного характера».

Дарвин действительно осуществил это в 3-м издании «Происхождения видов» (1861), в котором впервые появился его «Исторический очерк». Он дал здесь следующую характеристику взглядов Мэттью: «В 1831 г. м-р Патрик Мэттью издал свой труд о „Строевом корабельном лесе и древонасаждении“, в котором он развивает точно такое же воззрение на происхождение видов, какое было предложено м-ром Уоллесом и мною в „Журнале Линнеевского общества“ (ссылка на последнее будет дана ниже) и в расширенном виде изложено в настоящем сочинении. К несчастью, это воззрение было изложено м-ром Мэттью очень кратко в разрозненных абзацах в приложении к труду по совершенно другому вопросу, в результате чего оно осталось незамеченным, пока сам м-р Мэттью не привлек к нему внимание в „Gardeners' Chronicle“ от 7 апреля 1860. Различия между воззрением м-ра Мэттью и моим несущественны: он полагает, по-видимому, что в последовательные периоды мир почти лишался населения и затем заполнялся заново, и допускает в качестве одной из альтернатив, что новые формы могли зарождаться „в отсутствии какой-либо формы или зачатка, [сохранившихся] от прежде существовавших агрегатов“ Я не уверен, что [правильно] понял некоторые фразы, но он, кажется, приписывает большое влияние прямому действию условий жизни. Однако он ясно видел всю силу принципа естественного отбора»¹²⁷

¹²⁷ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, стр. 263—264. Наш перевод несколько уточнен. В первом варианте «Исторического очерка» за приведенным текстом следовали еще три фразы, опущенные Дарвином в 4—6 изданиях. Мы рассмотрим их ниже.

В связи с этим эпизодом разные авторы обсуждали следующие три вопроса: 1) как повел себя Мэттью после того, как Дарвин публично признал его приоритет; 2) действительно ли Дарвин не знал о труде Мэттью 1831 г. и не заимствовал ли он у Мэттью идею естественного отбора как фактора эволюции, скрыв это; 3) кто такой был Мэттью и что он представлял собою как натуралист и мыслитель. Прежде, чем приступить к анализу эволюционных воззрений Мэттью, следует ответить на эти вопросы.

Не указывая источника, Френсис Дарвин сообщает, что «м-р Мэттью, несмотря на признание отцом его претензии на приоритет, остался неудовлетворенным и жаловался, что статья в „Saturday Analyst and Leader“ (от 24 ноября 1860 г.) «вряд ли справедлива, называя м-ра Дарвина создателем [теории] происхождения видов, поскольку известно, что я более 29 лет назад опубликовал все то, что пытается доказать м-р Дарвин»»¹²⁸. Это находит известное подтверждение в письме Дарвина к Гукеру от октября 1865 г., в котором Дарвин писал, что Уэллс опередил Мэттью в провозглашении принципа естественного отбора и что поэтому Мэттью не должен был бы больше называть себя первым, кто открыл этот принцип. Однако тот факт, что в 1862—1863 и 1871 гг. Мэттью прислал Дарвину несколько очень любезных и полных чувства глубокого уважения писем¹²⁹, показывает, что у него не было никаких враждебных чувств по отношению к Дарвину, а его письмо в «Gardeners' Chronicle» от 12 мая 1860 г. свидетельствует, что он очень скромно оценивал свою роль в формулировании теории естественного отбора по сравнению с ролью Дарвина. Орывок из этого письма Дарвин привел в первом варианте своего «Исторического очерка», но, как уже сказано, в последующих изданиях «Происхождения видов» исключил три предложения, в которых шла об этом речь. Приводим эти предложения: «В ответ на мое письмо (напечатанное в „Gardeners' Chronicle“ 13 апреля¹³⁰, в котором я полностью признал, что м-р Мэттью предвосхитил меня, он с великодушной прямоотой написал письмо („Gardeners' Chronicle“ от 12 мая), в котором говорит: „У меня представление об этом законе Природы возникло интуитивно как самоочевидный [для меня] факт, почти без всякого напряжения мысли. М-ру Дарвину принадлежит, по-видимому, большая заслуга в этом открытии, чем мне, которому оно и не показалось открытием. Он, видимо,

¹²⁸ «The life and letters of Charles Darwin...», v. II, p. 302.

¹²⁹ «Some unpublished letters...», 1959, p. 39—43.

¹³⁰ Ошибка Дарвина: 13 апреля он послал свое письмо Гукеру (см. выше), напечатано оно было 21 апреля.

разрабатывал вопрос путем индуктивного рассуждения, медленно и с надлежащей осторожностью, прокладывая свой путь вперед синтетически, от одного факта к другому; между тем я, исходя лишь из общего взгляда на систему Природы, оценил это отбирающее производство видов как факт, могущий быть узнанным а priori, как аксиому, на которую достаточно указать, чтобы она была принята непредубежденным умом, обладающим способностью быстрого восприятия"»¹³¹.

Эта самооценка Мэттью удивительно напоминает по своему характеру то сравнение себя с Дарвином, которое сделал в 1909 г. А. Р. Уоллес (см. выше).

Недавно опубликованные Г де Бером письма Мэттью к Дарвину 1862 и 1871 гг.¹³² позволяют уточнить представление о Мэттью как типе ученого и о его мировоззрении, что чрезвычайно важно для правильного суждения об его эволюционной концепции. Биографические сведения о Мэттью были сообщены в 1911 г. Вальтером Маем¹³³, собравшим их у родственников Мэттью — потомков его сына, переселившегося в конце 60-х годов XIX в. в Германию. У Мая был экземпляр книги Мэттью, изданной в 1831 г., и в своей статье он кратко изложил ее содержание в целом, что позволяет судить и о некоторых общественных взглядах Мэттью.

П. Мэттью (Patrick Matthew) родился в Шотландии 20 октября 1790 г., умер 8 июня 1874 г. Лесовод и агроном по специальности, он некоторое время управлял имениями своих родственников в Шотландии. Изданный в 1831 г. труд Мэттью, полное заглавие которого «On Naval Timber and Arboriculture; with critical notes on authors who have recently treated the subject of planting» (391 стр.), состоит из четырех частей и приложения. В первой части рассматриваются доски и строевой лес как кораблестроительный материал; во второй — британские древесные породы, пригодные для кораблестроения; в третьей — различные вопросы, связанные с корабельным лесом, в частности, вопрос о применении в лесоводстве искусственного отбора; в четвертой части дан критический обзор различных

¹³¹ Ch. Darwin. On the origin of species. Third ed., London, 1861. Цит. по кн.: Ch. Darwin. The origin species. A variorum text. Edited by Morse Peckham: Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Presse, 1959, p. 63.

¹³² Переписка Ч. Дарвина с П. Мэттью приведена в «Приложении» к настоящей статье.

¹³³ W. May. Darwin und Patrick Matthew. «Zool. Ann.», 1911, В 9, Н. IV, S. 280—295. Переводы этой статьи Мая на русский язык, а также статьи Мэттью от 7 апреля 1860 г. были напечатаны совместно с упоминавшейся выше статьей Г Морозова в «Лесном журнале» за 1913 г. (см. сноску 123). Качество перевода неудовлетворительное, вследствие чего мы цитируем эту работу в нашем собственном переводе.

сочинений по лесоводству; наконец, в нескольких разделах приложения обсуждается идея естественного отбора в различных аспектах. Эволюционные воззрения Мэттью мы рассмотрим в дальнейшем на основании собранных им воедино в статье 1860 г. отрывков из его труда 1831 г. Здесь же, пользуясь данными Мая, отметим некоторые стороны его общественно-политических взглядов.

Мэттью считал, что Англия как великая военно-морская держава должна усиленно развивать кораблестроение, ибо только этот путь обеспечит ей в дальнейшем мировое господство. К войнам не надо стремиться, но они неизбежны, и поэтому надо развивать в нации дух военных доблестей, которые поддерживают чувства «рыцарства, геройства и любви к свободе».

Так же как в природе борьба за существование приводит к выживанию наиболее сильных, наиболее совершенных, так «борьба между нациями служит к их совершенствованию». С другой стороны, аристократия, первородство и законы о наследстве являются «противоестественными учреждениями», наносящими вред нации. «Отмена законов наследования и прав старшинства при нынешнем состоянии цивилизации не только умножила бы счастье собственника, подняла бы нравственность и доставила бы общественному порядку большую прочность, но и поощрила бы трудолюбие и прогресс, благодаря чему улучшилось бы жизненное положение рабочего класса». Сорок лет спустя его стремления к общественному благу возобладали над его шовинистическими агрессивными настроениями в 30-х годах XIX в., как это видно из его письма Дарвину от 12 марта 1871 г., в котором он, между прочим, писал: «Я занят в настоящее время поддержкой Мира и Общественного мнения».

В этом же письме Мэттью сообщал Дарвину, что он занят подготовкой «Философии агрикультуры, но так как я уже перешагнул за 80 лет, то вряд ли мне удастся завершить эту работу». Он поздравляет Дарвина с выходом в свет «Происхождения человека», работы, которая позволила Дарвину «полно проиллюстрировать природные законы изменчивости и отбора». Он хотел бы написать разбор этого труда, но «настолько занят политическими и агрономическими делами, что отсутствие времени» вряд ли позволит ему сделать это, тем более, что он не является «достаточно квалифицированным натуралистом» и не сумеет поэтому «разобраться в научных подробностях»*

Поразительно, что некоторые старые биографы Дарвина сумели вполне правильно подчеркнуть обстоятельство, отмеченное самим Мэттью, а именно то, что он сам не осознал значения

своего открытия. Так, Грант Аллен в своей книге о Дарвине писал еще в 1885 г.: «П. Мэттью в приложении к сочинению „*Naval Timber*“, случайно и сам не сознавая его важности, развил вполне дарвинистское учение о естественном подборе»¹³⁴. Примерно также Дж. Джэд писал в 1910 г., что Уэллс, Мэттью, Причард, Грант, Герберт «приписывали своим мнениям так мало значения, что даже не позаботились поместить их в серьезных научных изданиях, и, наверное, ни Лайель, ни Дарвин не были знакомы с их сочинениями в то время, когда сами работали над тем же вопросом»¹³⁵. Даже С. Батлер, выступивший в 1879 г. против Дарвина и восхвалявший Мэттью как автора, который в противоположность Дарвину «принимает самую телеологическую, или целенаправленную, концепцию организма, какая была когда-либо принята каким-либо автором (не теологом), за исключением меня [т. е. самого Батлера]»¹³⁶, не решается заподозрить Дарвина в заимствовании идеи естественного отбора у Мэттью. Мы не имели возможности познакомиться с теми журнальными рецензиями, на которые, как мы видели выше, Мэттью ссылается в доказательство известности своей книги. Но Батлер сообщает, что «книга Мэттью получила хороший прием; так, обзор ее был дан в „*Quarterly Review*“ (т. 49, стр. 125), хотя ее хвалили скорее за его представления о корабельном лесе, чем за эволюционные взгляды»¹³⁷. Эта характеристика рецензии позволяет думать, что в других рецензиях Батлер нашел еще меньше или совсем не нашел замечаний по поводу эволюционных взглядов Мэттью, ибо не приходится сомневаться, что в противном случае он с удовольствием отметил бы это. Естественно полагать, что Дарвин, если и натолкнулся на эти рецензии, уже по самым заголовкам их (отзывы на книгу о корабельном строительном лесе) должен был пройти мимо них.

Однако в 1959 г. американский историк эволюционного учения Л. Эйсли сделал попытку доказать, что Дарвин познакомился с книгой Мэттью не позднее 1844 г. Учитывая неоднократные заявления Дарвина о том, что он длительно и широко изучал сочинения агрономов и садоводов, Эйсли полагает, что трудно допустить, чтобы Дарвин не был «втайне осведомлен о тех или иных своих предшественниках». С целью уличить Дарвина в сознательном плагиате и доказать, что мы не можем принять его изобретательный отказ: «извинительно,

¹³⁴ Г. Аллен. Ч. Дарвин. СПб., 1887, стр. 23 (англ. изд. 1885 г.).

¹³⁵ Дж. Джэд. Возникновение и развитие идеи эволюции, стр. 60.

¹³⁶ S. Butler. *Evolution, old and new*, p. 316.

¹³⁷ Там же, стр. 64.

что этот факт [формулировки теории естественного отбора Мэттью] не был обнаружен [мною] в сочинении о строевом корабельном лесе» (см. выше), Эйсли учиняет самый настоящий сыск¹³⁸.

В «Очерке 1844 г.» Дарвина Эйсли находит следующую фразу: «В случае лесных деревьев, выращенных в питомниках и изменяющихся сильнее, чем те же деревья в их родных лесах, причина, по-видимому, заключается просто в том, что им не приходится вести борьбу с другими деревьями и сорняками, которые в их естественной обстановке, несомненно, ограничивают условия их существования»¹³⁹. Как утверждает Эйсли, эта фраза не была включена Дарвином в текст «Происхождения видов» и «звучит так, как если бы она была основана» на следующем замечании обнаруженного Эйсли на 308 странице труда Мэттью: «Вмешательство человека, препятствуя этому естественному процессу отбора среди растений, независимо от широкого круга условий, в которые он ставит их, усилило различие между разновидностями, особенно у одомашненных пород». Эйсли заявляет, что его уверенность в том, что Дарвин заимствовал у Мэттью указанную мысль, основана на том, что ему «не известен какой-либо другой подходящий источник», заявление очень странное, если принять во внимание, что со времени Бюффона, Дюамеля Дюмонсо, Форсайта, Болотова и других авторов, писавших еще в XVIII в. по вопросам лесоводства, явление устранения межвидовой борьбы в питомниках было вполне известно.

С другой стороны неверно, будто Дарвин изъясил из «Происхождения видов» пример с питомниками. Он использовал его лишь в другом контексте, как сделал это со многими другими положениями «Очерка 1844 г.». В разделе «Обстоятельства, благоприятствующие человеку в применении отбора» (не соответствующем разделу «В чем состоит одомашнение» «Очерка 1844 г.») он пишет: «Владельцы питомников, разводящие большие количества одного и того же растения, обычно гораздо успешнее любителей выводят новые и ценные разновидности»¹⁴⁰.

Развивая свое обвинение, Эйсли пишет: «В 1868 г. внимание Дарвина было уже публично обращено на книгу Мэттью и не было поэтому оснований, почему бы ему не сослаться на нее». И действительно, «во II томе „Изменения животных и расте-

¹³⁸ L. C. Eiseley Charles Darwin, Edward Blith, and the theory of natural selection. «Proc. Amer. Philos. Soc.», Philadelphia, 1958, v 103, N 1, p. 110.

¹³⁹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, стр. 129.

¹⁴⁰ Там же, стр. 297

ний“ мы сразу же находим под „Мэттью“ следующую ссылку: „Как можно видеть в каждом большом питомнике, наши обыкновенные лесные деревья очень изменчивы, но поскольку они не ценятся так, как ценятся плодовые деревья, и приносят семена в позднем возрасте, к ним не применялся отбор; вследствие этого, по замечанию м-ра Патрика Мэттью“ (Matthew, Naval Timber, 1831, p. 107), они не образовали самостоятельных рас...»¹⁴¹.

* Анализ приведенных выше отрывков из книги Мэттью показывает: 1) что он был вполне знаком с практикой искусственного отбора, понимал все значение этого метода в деле выведения новых пород и даже полагал, что искусственный отбор может позволить человеку создавать не только разновидности, расы, породы, сорта, но и новые виды; 2) что Мэттью проводил аналогию между искусственным отбором и процессом возникновения новых форм в естественных условиях, в природе, процессом, который он называл «отбор при помощи (или путем) закона природы» («selection by law of Nature»); 3) что отбор в природе происходит в результате борьбы за существование, приводящей к переживанию тех особей данного вида, которые по своим качествам — физическим и психическим — оказываются наиболее соответствующими, т. е. наиболее приспособленными, условиям своей среды: «несоответствующие» (Мэттью часто пользуется этим словом в значении «неприспособленные») становятся жертвой своих «естественных пожирателей», болезней, вызываемых недостаточным питанием и суровых физических условий существования, т. е. борьбы за существование; 4) что в этой борьбе за существование наиболее соответствующие занимают все места, остающиеся свободными в результате гибели неприспособленных и старых особей и, таким образом, постепенно становятся господствующими формами, дающими начало формам, все более отклоняющимся от исходной формы данного вида; 5) это становится возможным в силу того, что каждому организму свойственна изменчивость, приводящая к появлению самых разнообразных и далеко идущих в разные стороны отклонений признаков от типичных для данного вида, и что признаки, вообще говоря, обладают способностью наследственно закрепляться.

В результате Мэттью приходит к выводу, что на протяжении достаточно длительного периода времени один вид может дать начало многим и разнообразным видам и что именно таким путем образовалось на земле то огромное разнообразие организмов — растений и животных, которое мы наблюдаем в

¹⁴¹ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 4, стр. 628.

настоящее время. Иными словами, надо признать, что Мэттью действительно сумел раскрыть все основные стороны теории естественного отбора как принципа, объясняющего каким образом происходит в природе процесс видообразования. Есть одна сторона, однако, в рассуждениях Мэттью, на которую совершенно правильно указал в своем «Историческом очерке» Дарвин, но на которую в дальнейшем не обращали внимания историки эволюционного учения и только Эйсли¹⁴² достаточно обстоятельно и совершенно правильно рассмотрел. Дарвин писал: «Уклонения его [Мэттью] точки зрения от моей не имеют существенного значения. По-видимому, он считает, что жизнь в известные периоды почти вымирала, а затем возрождалась вновь и в виде одной из возможностей выставляет положение о развитии новых форм „без участия какого-либо прежнего зачатка или прежней формы“ Я не уверен, правильно ли я понимаю все места, но, по-видимому, он придает большое значение внешним жизненным условиям. Во всяком случае принцип естественного отбора он признает во всей его широте»¹⁴³.

Необходимо признать, что Дарвин, с одной стороны, значительно смягчил свои расхождения с Мэттью, с другой,— действительно не совсем правильно понял некоторые его положения. Мэттью не считал возможным «возникновение новых форм без участия какого-либо прежнего зачатка или прежней формы». Он определенно добавляет к приведенным только что словам, что подобное положение «мало чем отличается от „нового творения“, хотя и является частью цельной схемы». Но Мэттью в своих представлениях о геологической истории Земли целиком принимал воззрения катастрофистов. Он считал, что в истории Земли неоднократно происходили всемирные перевороты (катастрофы), резко изменявшие весь облик Земли. Эти перевороты и отделяют, и притом в очень резкой степени, один геологический период (или эпоху) от другого. На протяжении же каждой эпохи геологические процессы протекают относительно спокойно, нося характер не революции, а медленной эволюции. Наша, современная эпоха, полагал Мэттью в полном согласии с религиозной традицией, началась примерно «сорок веков назад». Таким образом, Мэттью должен был, казалось бы, принимать и другое положение катастрофистов, их основное представление о ходе развития органического мира на Земле, который после каждого очередного переворота возникал заново путем новых актов творения. Но этого-то Мэттью как раз и не принимал, прямо заявляя, что из двух возможных ответов на

¹⁴² L. C. Eiseley. Charles Darwin, Edward Blith... p. 125—133.

¹⁴³ Ч. Дарвин. Сочинения, т. 3, стр. 264.

вопрос о том, как происходило возникновение новых видов,— путем новых актов творения или благодаря свойственной живым существам способности изменяться под действием изменяющихся условий среды,— он предпочитает последний ответ и отбрасывает «новое творение» как сверхъестественное.

Но тогда перед Мэттью возникала необходимость ответить на вопрос о том, как же возможно сочетать представление о непрерывности жизни на земле с учением о всемирных геологических катастрофах, уничтожавших на земле всю жизнь, развившуюся в предыдущую геологическую эпоху. В ответ Мэттью использовал ту маленькую лазейку, которая весьма непоследовательно была придумана еще Кювье: уничтожалось при всемирных катастрофах не все, а почти все живое население земли, уцелевшие формы, сохранившиеся в каких-то укромных уголках земли затем расселялись и занимали новые свободные области. Кювье, как известно, на этом и останавливается, и его ученики (д'Орбиньи и др.), отбросив непоследовательность учителя, довели учение о катастрофах до его логического конца, постулировав возникновение жизни и живых существ путем новых, повторных актов творения в каждую новую геологическую эпоху.

Мэттью использовал указанное положение Кювье, постулировав сохранение каких-то *низших форм* жизни после каждого геологического переворота, которые и дали начало новым формам жизни путем эволюционного развития, определяемого естественным отбором. Таким образом, Мэттью не верил в полное уничтожение всех живых форм при каждом перевороте и полагал, что благодаря сохранению немногочисленных низших форм цепь жизни оставалась непрерывной. При каждом новом перерыве в истории Земли уничтожение старых форм настолько велико, что открываются новые обширные зоны для заселения их новыми формами, мир вновь заполняется, но эти новые формы никогда не бывают в точности подобны прежним. Следствием этого является то, что каждый новый период в геологических пластах характеризуется новым, своим, отличным от предыдущего, составом растений и животных, хотя непрерывность жизни на ее низшем уровне сохраняется. Мэттью полагал, что в стабильные геологические периоды жизнь, после того как мир вновь наполнился новыми формами, относительно также стабильна, хотя он отчетливо представлял себе, что эволюция протекает при помощи отбора с заметной быстротой, поскольку объем, количество форм заметно уменьшились после катастрофы. Иными словами, Мэттью видоизменяет концепцию Кювье таким образом, что новая фауна и флора являются не просто пришедшими в готовом виде из других районов Земли,

а *развиваются* самостоятельно из сохранившихся низших форм жизни. В неясной форме он, по-видимому, допускал и самопроизвольное зарождение низших форм наряду с сохранением прежних низших форм.

По существу, Мэттью не дал прямого, отчетливого ответа на вопрос о том, как объяснить крайне быструю способность развития (эволюции) высших форм из низших в том гигантском разнообразии их, какое наблюдается в каждой геологической эпохе, и почему результаты этого развития были различными и притом все более усложняющимися, все более дифференцированными, более прогрессивными в последовательные геологические эпохи. Вообще проблема исторического прогресса жизни не затронута Мэттью. При этом надо отметить, что в отличие от антиэволюционистов и неэволюционистов, утверждавших последовательное (хотя бы и не историческое) повышение, прогресс форм, как бы нацеленный на конечное появление человека как высшей, конечной формы творения. Мэттью не обнаруживает тенденции к сведению эволюционного процесса к человеку как «венцу творения». Как мы видели, выделяя человека как существо, сумевшее проявить в конечном счете господство над неживой и живой природой в своих личных интересах, часто становящихся на пути благополучного развития его «низших собратий» — животных, Мэттью вместе с тем говорит, что можно представить себе жизнь в состоянии некоторого, как мы бы сказали, динамического равновесия, которое определяется, с одной стороны, случайными изменениями, которыми подтвержены все живые существа, с другой, — естественным законом переживания наиболее «соответствующих» условиям среды. В этом смысле эволюционный процесс, согласно представлениям Мэттью, не является направленным, он носит случайный характер, и уже по одному этому он не может дважды повториться в одной и той же форме в разные геологические периоды, и возможно, что именно это воззрение Мэттью оттолкнуло его (хотя он об этом прямо ничего не говорит) от прогрессионизма катастрофистов.

Дарвин, как мы видели, отмечает, что Мэттью приписывал большое значение прямому действию условий жизни. Это совершенно правильно, как можно легко убедиться из текста Мэттью. Поскольку для Мэттью эволюционный процесс протекал с большой быстротой в пределах каждого геологического периода, перед ним как и перед старыми эволюционистами стоял вопрос о недостаточности геологического времени, ведь он должен был объяснить эволюцию жизни не в одном едином мире, а, так сказать, в ряде последовательных миров, почти не связанных друг с другом или, если и связанных, то лишь

тоненькой нитью низших, примитивных форм жизни. Отсюда, можно думать, его концепция нуждалась в постулировании исключительно большой и быстрой податливости, пластичности живых существ. Между тем, как он сам говорит, изменения, являющиеся материалом для работы естественного отбора, протекают хотя и непрерывно, но очень медленно. По-видимому, в силу этого противоречия Мэттью и вводит в свою концепцию добавочный фактор в виде некоторого принципа, который мог бы ускорять процесс органического изменения. И действительно, Мэттью говорит, что «невозможно устранить предполагаемого воздействия (влияния), которое могут оказывать на конфигурацию тела желание (воля) или чувство». В этом пункте Мэттью явно отражает идеи Эразма Дарвина и Ламарка. Влияние на него Э. Дарвина можно обнаружить не только в этом представлении, которое Мэттью формулирует прямо терминами Э. Дарвина (*volitions* и *sensations*), но и в часто применяемом им геологическом определении времени, принятым Э. Дарвином, — «миллионы лет».

Сопоставление воззрений Мэттью и Дарвина и знакомство с обстоятельствами знакомства Дарвина с сочинением Мэттью показывают, в какой мере необоснована попытка Эйсли доказать, будто Дарвин отлично знал работу Патрика Мэттью, но скрыл это, т. е., выражаясь менее деликатно, чем это делает Эйсли, Дарвин совершил прямой плагиат. В доказательство Эйсли приводит несколько выражений из дарвиновского «Очерка 1844 г.», якобы списанных Дарвином у Мэттью, но в действительности представляющих лишь сходное обсуждение одного и того же вопроса, а затем выдвигает самый с его точки зрения сокрушительный довод: Дарвин сам заявляет, говорит Эйсли, что он тщательнейшим образом знакомился с животноводческой и растениеводческой литературой, как же возможно допустить, что он не читал работу Мэттью о корабельном лесе? Очевидно, однако, что при всей своей гигантской трудоспособности Дарвин должен был и мог читать статьи и книги с достаточно большим выбором, и вполне естественно допустить, что работа о корабельном лесе, даже в том случае, если бы Дарвин встретил упоминание о ней, могла и не остановить на себе его внимания. Никакого прямого доказательства того, что Дарвин читал работу Мэттью, Эйсли не приводит.

Все это производит тем более странное впечатление, что в работе Эйсли, как и в его сочинении «Столетие дарвинизма», есть много, несомненно, ценного и правильного, и что сам Эйсли не перестает говорить о своем преклонении перед исключительной ролью, сыгранной Дарвином в истории естествознания, и перед его гением.

Западные и советские историки биологии не мало положили усилий на то, чтобы раскрыть многие забытые имена и факты. Многие западные биологи, и в их числе следует назвать прежде всего нынешнего директора Британского музея естественной истории сэра Гэвина де Бера, развернувшего в самое последнее время большую работу по исследованию истории творчества Дарвина и публикации его остававшихся до сих пор не известными работ, фактически сделали очень много для опровержения домыслов Дарлингтона и др. Но подлинная история эволюционного учения, история, которая действительно установит, каким образом робкие и незаметные ручейки эволюционной мысли додарвиновского времени слились в середине XIX в. в мощный поток эволюционного учения Дарвина, такая история может и должна быть написана только с позиций диалектического и исторического материализма. В создании такой истории глубоко заинтересованы не только историки биологии. Она получит существенное значение для всех биологов, если сумеет четко отделить то временное, исторически обусловленное, но преходящее, что возникало на длинном пути развития эволюционной мысли, от прочно вошедших в науку, ставших несомненной истинной открытий и теорий, объективно отражающих диалектику природы, реальные, действительно существующие в самой природе закономерности эволюционного процесса. Подлинная история может быть написана не путем простых поисков «предшественников», «предтеч», а путем выяснения последовательных ступеней развития науки — от первых догадок об истине, через формирование первых гипотез, к научно обоснованной теории и к выражающему объективную связь явлений закону природы. Совершенно несомненно, что на этом историческом пути ученые каждого последующего этапа сознательно или бессознательно впитывают в себя все достижения прошлого, глубоко перерабатывая их в осуществляемом ими новом синтезе. Однако смотреть на гениального новатора как на сознательного или даже бессознательного плагиатора, мелочно отыскивать у него кусочки якобы похищенных им у его предшественников идей, из которых он путем простого арифметического сложения построил возведенное им новое великое здание, бессмысленно и бесплодно. Энгельс в одном из писем к Лассалю говорит, что личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает. Сказал кто-либо до Дарвина или не сказал то же самое, что сказал он, не столь важно, как то, как он это сказал. Величие построенного им здания и грандиозное историческое значение этого здания нисколько не теряют от того, что сходные с его идеями мысли были высказаны до него некоторыми биологами. Бессмертное имя Дарвина всегда будет

оставаться в памяти человечества как светлый символ движения от незнания к знанию, от мистики и мракобесия к всепобеждающей правде, от рабского преклонения перед таинственностью природы к всемогущему овладению ею *

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ч. ДАРВИН — ПАТРИКУ МЭТТЮ

Даун, 13 июня 1862 г

Уважаемый сэр.

Полагаю, что я имею удовольствие писать автору сочинения о кораблестроении и первому провозвестнику теории естественного отбора. Мало что доставило бы мне большее удовольствие, чем встреча с Вами, но я плохо себя чувствую, и сейчас болен мой сын, вследствие чего я не могу никого принимать здесь и уехать сейчас из дому.

Я хочу приехать в Лондон как только смогу это сделать, и если Вы задержитесь там более чем на неделю, будьте любезны сообщить мне об этом, и если я буду иметь возможность приехать в Лондон, я попытаюсь устроить встречу с Вами, что доставит мне самое высокое удовольствие.

С величайшим уважением, остаюсь, уважаемый сэр,
весьма преданный Вам Ч. Дарвин

ЭММА ДАРВИН — ПАТРИКУ МЭТТЮ

Даун, 21 ноября 1863 г.

Уважаемый сэр.

М-р Дарвин просил меня горячо поблагодарить Вас за Ваше письмо, которое очень заинтересовало его. Меня огорчает, что я должна сообщить Вам, что он настолько болен, что не может лично написать Вам.

Что касается естественного отбора, он говорит, что Ваши поразительные замечания не поколебали его. Он считает Ваше первое детище более заслуживающим доверия, чем думаете Вы сами. Он полагает, что Вы поймете, что он хочет сказать следующей метафорой.

Обломки скалы, упавшие с высокого обрыва, принимают множество различных очертаний (форм), эти очертания определяются природой скалы, законом тяжести и пр. Путем простого отбора наилучшие очерченные камни и отбрасывания плохо очерченных, архитектор (называемый естественным отбором) мог бы построить много разнообразных прекрасных зданий.

М-р Дарвин очень благодарен Вам за присылку ему Вашей фотографии. Он хотел бы послать Вам столь же хороший свой портрет. Прилагаемый портрет, снятый его старшим сыном, очень похож, но отпечаток получился слабый.

Вы любезно интересуетесь его семьей. У нас три сына и две дочери, из них только двое уже взрослых. М-р Дарвин был очень болен 2 месяца назад, выздоровление его идет крайне медленно, и я боюсь, что пройдет еще много времени, прежде чем он сможет заняться какой-либо научной работой.

Уважаемый сэр, искренно Ваша Э. Дарвин

ПАТРИК МЭТТЮ — Ч. ДАРВИНУ

Гурдикхилл, Эррол, Шотландия
12 марта 1871 г.

Чарлзу Дарвину, Эскв.

Уважаемый сэр.

Я рад был узнать из газет, что у Вас хватило достаточно здоровья и сил, чтобы осуществить в обширном размере иллюстрирование природных законов изменения и отбора. Я хотел бы иметь возможность написать критический разбор Вашего труда, но я настолько занят политическими и агрономическими делами, что боюсь у меня не будет времени, и особенно потому, что я намерен поехать на несколько недель в Германию, где один из моих сыновей уже много лет назад поселился и работает в качестве агронома, а будучи известным в Германии столь же хорошо, как в Британии, я не буду иметь времени [и там]. Боюсь также, что я не являюсь достаточно квалифицированным натуралистом, чтобы мог вникнуть в научные подробности. В настоящее время я занят пасаждением Мира и Общественного мнения, а также Философией Агрикультуры, но так как я уже перешагнул за 80 лет, то вряд ли мне удастся завершить, подобно Вам, работу в своей области. Прилагаю статью из шотландской газеты, которая покажет Вам, что я еще не вполне стал бесплодным. Надеюсь, что все члены Вашей семьи сейчас здоровы. Когда Вы много лет назад писали мне, один из Ваших сыновей был тяжело болен, надеюсь, он выздоровел.

У меня не было времени, чтобы уделить достаточно внимания вопросу о видоизменении жизни по отношению к условиям. Находясь в Германии я наблюдал одну странную особенность у ржи, приобретенную, как мы можем полагать, в результате длительного культивирования на поле, а именно — она

приобретает общественную природу. Я бродил по полям пшеницы в поисках новых ее разновидностей и обнаружил несколько разбросанных там и сям экземпляров ржи, почти созревших, но у которых было только по 2—3 зерна в колосе, остальная же часть колоса являлась просто мякиной; несколько одиночных колосьев ржи, найденных мною на большой дороге, равным образом были бесплодными. По-видимому, это не было результатом опустошения колосьев птицами. В период цветения ржи, райграса [многолетнего плевела], лесной и приморской сосны, когда дует мягкий юго-западный ветер, можно часто видеть пронсящие мгlistые облака пыльцы, которая, по-видимому, необходима для опыления ржи, поскольку за долгое время рожь привыкла к ней.

Не может быть никакого сомнения в том, что в системе Природы существуют высокий план и творческая способность, осуществляемая при посредстве всеобщих законов, и весьма вероятно, что эти законы вечны, как и сама Природа, хотя и при наличии этих законов она подвержена революциям. Возможно также, что искра жизни излучается солнцем, так же как свет, теплота и пр., и обладает способностью строить для себя самой постоянное жилище, соответствующее наличным условиям, и рассеивать искры жизни своего собственного рода, но обладающие способностью изменения. То, что здесь наличествует действующий принцип благотворности, доказывается двойным родительством и семейной привязанностью, распространенными у всех высших [представителей] животного царства. Чувство красоты, распространенное в Природе, доказывает, за немногими лишь исключениями, [наличие] в системе Природы разума и благоволения. Этот принцип красоты явствует из плана и не может быть отнесен за счет естественного отбора. Могло ли бы какое бы то ни было соответствие вещей привести к созданию розы, лилии или аромата фиалки? Нет сомнения в том, что человек намеренно оставлен в неведении относительно будущего существования. Их [людей] претенциозные откровения — жалкая бессмыслица. Существует прекрасная притча о женщине, которая ходила по улицам Дамаска с огнем в одной руке и водой в другой, крича: этим огнем я сожгу небеса, а этой водой погашу ад, дабы человек почитал Бога ради него самого, а не как наемного чернорабочего. Мы одарены нравственным чувством и восхитительно делать добро.

Патрик Мэттью

Р. С. Я считаю установленным, что Вы не можете объяснить бесполезные части законами изменения и конкуренции, общие законы не могут обеспечить от случайностей во всех случаях.

Ч. ДАРВИН — ПАТРИКУ МЭТТЮ

15 марта 1871 г.

Уважаемый сэр.

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Вы не обнаруживаете никаких признаков Ваших 80-ти лет ни в Вашем письме, ни в газетной статье, которая написана с Вашей прежней энергией. Здоровье мое продолжает оставаться весьма посредственным, и всякое напряжение настолько утомляет меня, что я сомневаюсь, буду ли я еще когда-нибудь чувствовать себя лучше. Ваша притча о женщине из Дамаска совершенно нова для меня и весьма поразительна.

Искренно желаю Вам счастливой встречи с Вашим сыном. Мне приходится писать много писем, и прошу Вас извинить меня за краткость и верить мне, что я с уважением остаюсь преданный Вам

Ч. Дарвин